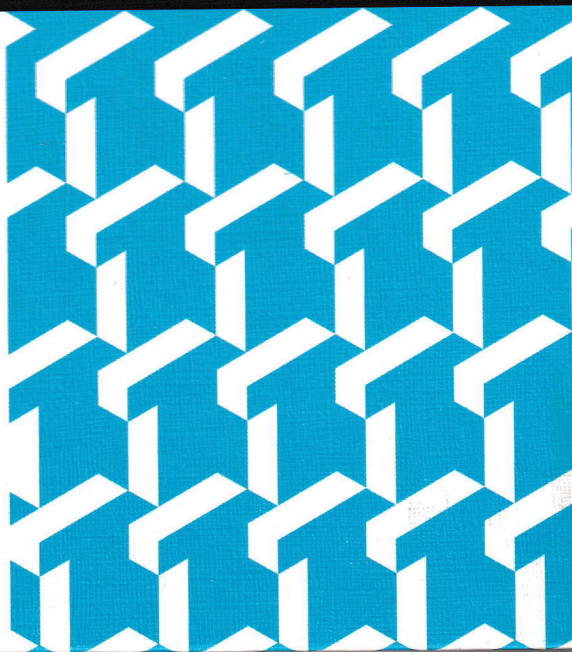

Е. А. Крестьянников

ПРАВОСУДИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(XIX — начало XX в.):
реформы, чиновники, учреждения

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Е. А. КРЕСТЬЯННИКОВ

ПРАВОСУДИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(XIX — НАЧАЛО XX В.):
РЕФОРМЫ, ЧИНОВНИКИ,
УЧРЕЖДЕНИЯ

Монография

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
2018

Автор:

Е. А. Крестьянников — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, заведующий лабораторией исторической и экологической антропологии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Рецензенты:

В. А. Воропанов — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

С. В. Любичанковский — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета

М. В. Шиловский — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории второй половины XVI — начала XX века Института истории СО РАН

Крестьянников, Е. А.

К803 Правосудие в Западной Сибири (XIX — начало XX в.): реформы, чиновники, учреждения : монография / Е. А. Крестьянников ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. — 240 с.

ISBN 978-5-400-01521-2

Монография посвящена эволюции судоустройства и судопроизводства в Западной Сибири во временных рамках XIX — начала XX столетия. Рассматриваются процесс преобразований и вопросы устройства судебной системы, ее кадрового потенциала, материальной базы, участия в организации и отправлении правосудия административных и правоохранительных органов. Исследование основывается на широком круге исторических документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Книга призвана внести вклад в объяснение закономерностей развития государственно-правовых институтов.

Адресована историкам и юристам, интересующимся прошлым судебной организации России и Сибири.

**УДК 340.15
ББК ХЗ(2)52**

ISBN 978-5-400-01521-2 © Тюменский государственный университет, 2018
© Крестьянников Е. А., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДОРЕФОРМЕННОГО СУДА.....	9
ГЛАВА 2. ВВЕДЕНИЕ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ	40
ГЛАВА 3. СУДЕЙСКИЙ ПЕРСОНАЛ	76
ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ	109
ГЛАВА 5. РОЛЬ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ И ГУБЕРНАТОРОВ В РАЗВИТИИ ЮСТИЦИИ КРАЯ	133
ГЛАВА 6. ПРОКУРАТУРА И ЕЕ СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.....	160
ГЛАВА 7. ПОЛИЦИЯ И ПРАВОСУДИЕ.....	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	219
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	224

ВВЕДЕНИЕ

Судебные учреждения Российской империи прошли путь от выделения им отдельного места в структуре власти, что не сопровождалось обеспечением их самостоятельностью и независимостью, а также достойного положения в социуме, до автономии, гарантирующей такой статус, который отвел правосудию важнейшую роль в минимизации социальных, политических и экономических напряжений. Вероятной целью длительного совершенствования отечественной юстиции могло стать достижение Россией цивилизационного уровня, которому свойственны развитые правовое государство и гражданское общество с устойчиво реализуемыми принципами разделения государственной власти на ветви и законности, стабильные социальные отношения.

В XIX столетии существенный импульс такой эволюции дала судебная реформа 1864 г., вызванная мощнейшими толчками модернизационных процессов и последовавшими за ними фундаментальными социально-экономическими изменениями. Но, вступив в конфликт с авторитарным режимом, новая юстиция, с одной стороны, с первых дней существования стала испытывать нападки правительства, а с другой — исправлялась по воле царского законодателя, неся ущерб своему строению. В эпоху этих изменений, достаточно хорошо изученных в отечественной дореволюционной¹, советской² и зарубежной исто-

¹ Среди наиболее важных дореволюционных работ о судебной реформе 1864 г. и судьбе юстиции в пореформенной России можно назвать как крупные коллективные труды (см., напр.: Судебная реформа: в 2 т. / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. М., 1915; Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. Пг., 1914), так и написанные отдельными авторами (см., напр.: Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905; Чубинский М. П. Судьба судебной реформы в последней трети XIX в. // История России в XIX в. Т. 6. СПб., 1909. С. 200–444).

² Две разные традиции в оценке правительственной политики по отношению к реформированному суду, признававшие завершенность в Россий-

риографии¹, обозначился интерес правительства к переустройству Сибири и был выбран курс на интеграцию региона в общероссийские порядки, включавший распространение на него Судебных уставов Александра II.

Исследование правосудия в условиях гетерогенности империи, когда в сибирской провинции оно проверялось суровостью и незаурядностью обстановки, может стать вполне надежным маркером в постановке диагноза системам более высокого порядка. Устраивая судебные учреждения на дальних территориях, верховная власть тестировалась на знание имперского разнообразия, должна была проявлять особенные внимательность, дальновидность и даже рисковать, а успешной деятельности юстиции сопротивление оказывал целый комплекс преград. По сравнению с центром в Сибири у царизма отсутствовала надежная социальная опора, общественные отношения характеризовались низкой степенью равновесия, здешние правовые традиции и природа могли отторгать нормы русского права и препятствовать применению привычных начал в реализации судебных функций. Потому было неизбежным формирование вокруг судов и судей зон повышенных неопределенностей, нестабильности и конфликтности, определявших собой не только общую неустойчивость местных властеотношений и социума, но и влекших изменения всей государственной политики.

В отличие от юстиции остальной России, организация и деятельность системы правосудия в Сибири имели более множест-

ской империи судебной «контрреформы», т. е. полный отказ от демократических принципов судеостройства и судопроизводства к концу XIX в., и оспаривавшие это, были заложены Б. В. Виленским и П. А. Зайончковским. См.: Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М., 1970.

¹ Среди трудов, уделивших особенное внимание судебной политике царизма уже после судебной реформы 1864 г., см., напр.: Baberowski J. Autokratie und justiz. Zum verhältnis von rechtsstaatlichkeit und rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt am Main, 1996; Wagner W. G. Tsarist legal policies at the end of the nineteenth century: a study in inconsistencies // The Slavonic and East European Review. 1976. Vol. 54, № 3. P. 371–394; Уортман Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. М., 2004.

венную обусловленность. В первой половине XIX в. развитие судебных учреждений здесь происходило под влиянием территориальной, хозяйственной, культурно-языковой разобщенности края, в основном подчиняясь военно-политическим и фискальным задачам самодержавия. Царское законодательство пыталось адаптировать имперскую судебную систему к специфике региона исходя из государственных потребностей управления и осуществления правосудия, с чем были связаны некоторые преобразования (упразднение совестных судов и передача их функций губернским судам, отмена выборов сельских заседателей в общие суды и введение в состав последних депутатов от Сибирского линейного казачьего войска, установление порядка апелляционного пересмотра дел представителей коренных народов в окружных судах с учетом местных правовых традиций), но в целом судебная работа была малоуспешной, несмотря даже на предпринимаемые меры по повышению качества судебных кадров¹.

Российское правосудие пребывало тогда в состоянии, соответствовавшем общим настройкам государственной машины. Когда в последнюю под воздействием бурных изменений стали встраиваться новые механизмы, а стоявшие у ее руля лица решились на кардинальное совершенствование жизни государства и социума путем «революции сверху», появилась программа радикальных улучшений в области правосудия². Судебные уставы 20 ноября 1864 г. воплотили некую идеальную модель судоустройства

¹ О развитии имперской юстиции Западной Сибири в первой половине XIX в. см.: Воропанов В. А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780–1869 гг. Челябинск, 2005; Он же. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск, 2008; Он же. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011; Саражина Р. Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII — середине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.

² Литвак Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991; Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России. М., 1989.

и судопроизводства — продукт, как сегодня вполне понятно, недостаточно универсальный и вряд ли пригодный для удаленных районов страны со специфическими составом населения и прочими условиями. Уже первоначальные планы реформаторов при императоре подразумевали вероятность появления необходимости корректировать судебные правила при распространении на империю. В 1863 г. управляющий Министерством юстиции Д. Н. Замятин, во всеподданнейшей записке размышляя о роли подведомственного ему учреждения в череде предстоящих мероприятий, уверял царя в полезности их осторожного и постепенного осуществления, поскольку неспешность представляла «ту выгоду, что замеченные на практике при первом опыте неудобства и недостатки нового закона могли быть исправлены с большей легкостью»¹. Положения реформы в Сибири и деятельность там реформированных судов² лишней раз подтверждали, что уставы Александра II требовали по многим позициям специального приспособления. «Оптика» далекого края в их исторической проверке делается подходящим индикатором поведения как самого суда, так и всего государственного организма, позволяя тем самым объяснять сейчас закономерности эволюции государственно-правовых систем.

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1275. Оп. 1. Д. 52. Л. 7–7 об.

² Современная историография этих проблем достаточно внушительна. См., напр.: Адоньева И. Г. «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2010; Бтикеева М. А. Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: (По материалам округа Омской судебной палаты). Омск, 2008; Бузмакова О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX в. Новосибирск, 2012; Глазунов Д. А. Деятельность судебных учреждений Томской губернии (конец XIX — начало XX в.). Барнаул, 2006; Деревскова В. М. Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в. Иркутск, 2004; Игнатьева М. Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. Якутск, 1995; Крестьянников Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009; Курас Л. В., Курас Т. Л., Щербаков Н. Н. Иркутская Судебная палата (1897 — февраль 1917 гг.). Улан-Удэ, 2003.

Между тем предлагаемая читателю монография рассматривает введение Судебных уставов за Уралом как финал продолжительных процессов, коренящихся в изменениях более ранних времен, начиная с судебно-административного преобразования М. М. Сперанского 1822 г. Такой подход станет существенным обновлением историографических традиций, под давлением которых историки предпочитали изучать «дореформенный» и «новый», «феодальный» и «буржуазный», суды без преемственности и в разрыве, поскольку между ними пролегла действительно эпохальная судебная реформа 1864 г. Настоящая книга обращается к вопросам установления (преобразований), эффективности работы, человеческих и материальных возможностей государственного учреждения. На них нанизано осмысление проблем развития собственно суда, а также органов, в том или ином качестве причастных к отправлению правосудия либо участвовавших в его организации. Это еще одно отличие от предшествующей историографии, редко расширявшей границы исследовательского поля в изучении юстиции за счет внимания к иным ведомствам. Таким образом, монография призвана умножить знания о прошлом не только судебных институтов, но и генерал-губернаторства, губернаторства, прокуратуры и полиции.

Исследование опирается на широкую источниковую базу, включающую нормативно-правовые акты, справочно-статистические материалы, мемуары и дневники, материалы периодической печати, а также делопроизводственную документацию государственных учреждений. Неопубликованные документы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, извлечены из архивохранилищ Санкт-Петербурга, Москвы, Тобольска, Тюмени, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска и Иркутска.

Глава 1. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ДОРЕФОРМЕННОГО СУДА

Сибирская юстиция Российской империи пережила в XIX столетии несколько реформ: в рамках административного переустройства края М. М. Сперанским в 1822 г., изменения 1885 г. и, наконец, введение Судебных уставов Александра II в самом конце века. Общими направлениями трансформации правосудия являлись рационализация судебного управления, индивидуализация судоустройства и судопроизводства с учетом применяемых в стране новаций, постепенный отказ от устаревавших форм суда.

Отечественная судебная система создавалась в эпоху Петра I¹, а в правление Екатерины Великой юстиция, с модификацией затем Павлом I, распространялась на российские провинции, в том числе Западную Сибирь². Во времена Александра I суду надлежало быть таким, «чтоб бедные и угнетаемые находили в судах защиту и покровительство, чтоб правосудие не было помрачаемо ни пристрастиями к лицам, ни мерзким лихоимством, богу противным и мне ненавистным, и чтоб обличаемые в сем гнусном пороке нетерпимы были в службе и преследуемы всей строгостью закона» (из высочайшего рескрипта министру юстиции Д. П. Троицкому 5 августа 1816 г.)³. Однако совершенствования правосудия начала XIX в. выразились лишь в сокращении числа общих инстанций⁴, в частности в Тобольске уголовный и гражданский

¹ См.: Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование. М., 2009.

² Наиболее фундаментальное исследование региональной юстиции того времени принадлежит В. А. Воропанову. См.: Воропанов В. А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016.

³ ПСЗ-1. Т. 33. № 26386.

⁴ См.: Воропанов В. А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. С. 161–163.

суды объединялись в одно присутствие¹. Запутанная структура судебных и судебно-административных органов оставалась далекой от населения, а главное ее назначение — в уголовном процессе розыск преступников — ограничивало возможность выносить справедливые решения. Закрытость заседаний, ревизионный порядок пересмотра приговоров и ряд других процессуальных механизмов позволяли использовать судейское место в неблагоприятных целях, а администрация, в зависимости от которой находилась юстиция, не имела эффективных инструментов воздействия на суд.

Удаленность государственного аппарата в Сибири от планомерного контроля центральных органов управления побуждала государя наделять здешних администраторов чрезвычайными объемом полномочий и повышенной ответственностью. Несмотря на реорганизации, осуществленные на территории за Уралом, Александра I продолжало беспокоить положение дел там: «С некоторого времени доходят до меня самые неприятные известия насчет управления Сибирского края»². Желая видеть в должности доверенное лицо и намереваясь исправить ситуацию, сложившуюся в крае, указом от 22 марта 1819 г. царь определил пензенского гражданского губернатора М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором с целью изучить наболевшие проблемы в практике регионального администрирования, удовлетворить массовые жалобы и иски сибиряков, пересмотреть кадровый состав служащих. Новому главе Сибири прямо предписывалось исправить «все то, что будет в возможности, обличив лиц, предающихся злоупотреблениям, предав, кого нужно, законному суждению»³. В конце мая 1819 г. М. М. Сперанский приехал в Тобольск⁴, откуда оповестил сибирские губернские правления,

¹ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. СПб., 1841. С. 3–4.

² В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб., 1872. С. 105–106; Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 4. СПб., 1898. С. 148.

³ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. С. 1.

⁴ Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М., 1869. С. 5.

что «прибыв на место, вступает в отправление должности», объявив о начале производства следствий по жалобам местного населения¹.

Общезвестны обстоятельства, при которых произошло это назначение. Министр внутренних дел О. П. Козодавлев, влиятельнейший и осведомленный сановник, за несколько недель до своей смерти сообщал М. М. Сперанскому, когда тот уже добрался до места: «Знаете ли вы, какая редкость при определении вас сибирским начальником случилась? Все были оным довольны, никто в том правительства не упрекал: оно попало на общее мнение»². В обстановке отторжения в Санкт-Петербурге заведование бывшим царским фаворитом Сибирью представлялось непременно условием снятия опалы и возвращения в столицу. Об этом писал Александр I: «Желание мое стремится к тому, дабы открыть служению вашему обширнейшее поприще и заслугами вашими дать мне явную причину приблизить вас к себе». «Потщитесь исполнить возлагаемое мной на вас ныне поручение с тем дарованием и исправностью, кои вас отличают, — наставлял и обнадеживал император в другом письме вновь назначенного генерал-губернатора, — и тогда приедете в Петербург с явной новой заслугой, оказанной отечеству, и которая поставит меня в действительную возможность основать уже ваше пребывание навсегда при мне в Петербурге». «Соображение на месте полезнейшего устройства и управления сего отдаленного края» должно было завершить миссию³.

Таким образом, желанный возврат ко двору зависел: с одной стороны, от ревностного исполнения М. М. Сперанским порученных ему обязанностей, и регион с его чиновничеством, действительно, испытали на себе активность начальника; с другой — от осторожного, избавляющего от возможного гнева недоброжелателей проектирования реформы сибирского управления, что тоже удалось —

¹ См.: Биографические очерки Владимира Новаковского. IV. Михаил Михайлович Сперанский. СПб., 1868. С. 80.

² Цит. по: Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. М., 2010. С. 305.

³ Цит. по: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 175–176; Сперанский М. М. Юридические произведения / под ред. и с биографией В. А. Томсинова. М., 2008. С. 178–179; Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 148–150; и др.

проекты, лишённые «либеральных излишеств», благодаря которым когда-то прославил свое имя этот государственный деятель, не встретив заметных возражений, позже стали законами (один мемуарист вспоминал о нереализованных намерениях «великого реформатора»: «Раз, я случайно слышал, как говорили люди, имеющие возможность знать многое, что Сперанский сначала хотел сделать из Сибири Финляндию, но получил совет — не начинать»¹).

Вместе с тем вряд ли у него имелись намерения внимательнее отнестись к удовлетворению нужд Сибири сверх предписанного царем и продиктованного обстоятельствами. Он с предубеждением относился к краю², знаменитое «Сибирь есть просто Сибирь» являлось важной составляющей его программы. Эту часть России реформатор недалековидно считал лишь «прекрасным» местом для ссылки, выгодным для определенных видов торговли и разработки некоторых полезных ископаемых, любопытным для генералов; для «жизни и высшего гражданского образования» оно признавалось непригодным³. Назначение сибирским генерал-губернатором, как следовало из переписки с дочерью, было для него «страшным ударом»⁴; здесь он чувствовал себя некомфортно и изолированно. «Вы пишете, что в Сибири, ничего не читая, можно заржаветь. Сие в Сибири так, как и везде. Здесь многие и весьма многие ржавчиной провоняли», — своеобразно подбадривал генерал-губернатора О. П. Козодавлев⁵.

¹ Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова] // Русская старина. 1878. Т. 23. С. 525.

² См.: Ядринцев Н. М. Чувства Сперанского к Сибири // Сборник газеты «Сибирь». Т. 1. СПб., 1876. С. 397–408.

³ См., напр.: Н. Я. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. 5 марта; Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). С. 11–12; Уманец Ф. М. Александр и Сперанский. Историческая монография. СПб., 1910. С. 152.

⁴ Елизавета Фролова-Багреева // Мордовцев Д. Русские женщины Нового времени. Биографические очерки из русской истории. Женщины XIX в. СПб., 1874. С. 184.

⁵ Корф М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. С. 305.

Оправданно считая свое направление за Урал временным поручением, а себя более ревизором, чем администратором¹, руководитель огромной территории начал масштабную проверку деятельности местных государственных учреждений, исследуя, между прочим, состояние юстиции². В своем распоряжении он имел «Инструкцию для обревизования губерний» от 17 марта 1819 г.³, которая предписывала, наряду с другим, выяснять, каково положение судов⁴.

Приступив к ревизии, М. М. Сперанский сразу столкнулся с характерными для края традициями, не оставлявшими сомнений в том, что у сибиряка и местного чиновника бытовали взаимоотношения особого рода. Уже в Тюмени депутация городского общества преподнесла ему хлеб с солью на дорогом серебряном блюде. Хлеб-соль он принял, а блюдо и солонку возвратил⁵, что символизировало беспристрастие дальнейших обследований. До этого единственная крупная ревизионная проверка Западной Сибири была проведена в 1800 г., но, по мнению одного из биографов М. М. Сперанского А. Э. Нольде, она «результатов никаких не дала»⁶, следовательно, оставалось неизвестным, в каком положении находилась юстиция региона. В конце 1810-х — начале 1820-х гг. новоиспеченный ревизор «нашел явные следы неправосудия и пристрастия» в крае⁷. Уголовные дела рассматривались

¹ Бычков И. А. М. М. Сперанский генерал-губернатором в Сибири и возвращение его в Петербург (Из бумаг академика А. Ф. Быčkова) // Русская старина. 1902. № 10. С. 40; Минаева Н. В. М. М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVIII — первая половина XIX вв. М., 2009. С. 304.

² Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 102.

³ См.: «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова». Письма М. М. Сперанского. 1819–1821 гг. (сост. Т. В. Андреева) // Исторический архив. 2006. № 5. С. 171.

⁴ ПСЗ-И. Т. 36. № 27722.

⁵ Граф М. М. Сперанский в Тюмени // Русская старина. 1896. Т. 87. С. 294.

⁶ Нольде А. Э. М. М. Сперанский. Биография. М., 2004. С. 150.

⁷ См.: Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2. (Период с 1806 по 1819 г.). СПб., 1889. С. 308, 313.

десятки лет¹, в частности волокита отмечалась в большинстве уездных судебных присутствий Тобольской губернии², а в Тобольской уголовной палате обнаружилось много производств, остающихся «в нерешении с давнего времени»³.

Проволочки и злоупотребления были свойственны всей юстиции Российской империи, но в отдаленном крае они усугублялись недостатком надзора и произволом мало подконтрольного чиновничества. Бывший до М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором с 1806 г. И. Б. Пестель, с которым при назначении на данную должность император когда-то связывал большие надежды по обеспечению края справедливым судом⁴, в основном управлявший регионом из столицы, «в короткое время пребывания своего в Сибири сделавшись грозой целого края, преследуя и предавая суду именитых граждан, откупщиков и гражданских чиновников», ссылая без суда и пользуясь судом для сведения определенных счетов⁵, на деле, как указывал лидер областничества Н. М. Ядринцев, «отрезал Сибирь от всякого правосудия»⁶; местные же губернаторы, поставленные им, не отличались служебным рвением и честностью, чтобы бороться с неправым судом. По разным характеристикам, тобольский губернатор Ф. А. фон Брин «был в очень преклонном возрасте и не во что не входил», «слабый и ничтожный, представлял одно игралище окружавших его лиц», «старый и слабый, зять Пестеля и, следовательно, покорнейший слуга»; томский же губернатор Д. В. Илличевский представлялся «обыкновенным взяточником того времени, из мелких»,

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 513.

² Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГАТ). Ф. 329. Оп. 12. Д. 25. Л. 24 об.; Д. 30. Л. 8–9; Д. 34. Л. 1–4; Д. 35. Л. 1–2.

³ Государственный архив Омской области (далее — ГАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 16. Л. 376.

⁴ ПСЗ-1. Т. 29. № 22143.

⁵ Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. М., 1866. С. 188–189.

⁶ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 484.

«самым грязным взяточником низшего разряда», «недалеким, безнравственным и деспотичным»¹.

Новый генерал-губернатор выявил множественные злоупотребления сибирских управленцев, что неудивительно. В. К. Андриевич, давая самые негативные оценки российской административно-судебной системы («Взяточничество и лихоимство царили повсеместно и не считались явлением предосудительным... При таком режиме общественной жизни чиновники администрации и суд, поддаваясь общему влечению, тоже кривили душой и жали подчиненных и слабых; произвол властей стал нормальным порядком»), подчеркивал, что такая «непривлекательная» картина применительно к Сибири «слаба», «там жизнь народа была просто невыносима»².

Наказания, которым подвергались в ходе ревизии провинившиеся судебные чиновники, не являлись суровыми. Например, в декабре 1821 г. Тобольское губернское правление во главе с губернатором А. С. Осиповым потребовало от Тобольского уездного суда объяснений за выявленные в ходе проверок недостатки и злоупотребления. Судьи без особого труда ушли от ответственности, заявив, что беспорядок достался им с «прежних времен», «упущения» допустили «бывшие в сем суде присутствовавшие». Правление лишь пожурило членов этого учреждения, обязав их привести делопроизводство в надлежащий порядок, нерешенные дела «кончить в немедленном времени», а в будущем «иметь дела в совершенной исправности». Чиновники Омского уездного суда за беспорядок отчитались перед губернским правлением тем, что дела решались неправильно бывшими судьями. Сейчас же, уверяли они, «неисправности прежних лет приводятся в возможный порядок и должны кончиться с приведением в исправность дел»³.

Невысокая степень репрессии провинившихся служащих соответствовала общему духу проверки. Как известно, из привлеченных к ответственности в Сибири почти семи сотен человек по-

¹ Андриевич В. К. Указ. соч. С. 304; Нольде А. Э. Указ. соч. С. 152; Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 146.

² Андриевич В. К. Указ. соч. С. 280.

³ ГАТ. Ф. 329. Оп. 12. Д. 25. Л. 19, 24 об.; Д. 30. Л. 8–9.

страдали немногие, что объяснялось, кроме прочего, «природной снисходительностью» и «неспособностью по своей природе» «к крутым мерам» М. М. Сперанского¹ и даже «мягкостью»². Его современник Э. Стогов с характерным сарказмом рассказывал про нанесенный тогда сибирским чиновникам урон: «Сперанский немилосердно, жестоко наказал этих грабителей — он сослал их в Россию! Они, бедные страдальцы, переехали — кто в Москву, кто в Петербург. Хотя жестокое, но оригинальное наказание — ссылка из Сибири в столицы»³!

В феврале 1821 г. генерал-губернатор, раздав поручения местному начальству, отбыл «по делам службы» в столицу⁴, где представил в учрежденный по его инициативе Сибирский комитет отчет о состоянии сибирского управления⁵ и в короткое время составил проект его реформирования («крайняя поспешность» его сочинения ставилась в упрек реформатору⁶). 1822 г. ознаменовался утверждением ряда законодательных актов, известных как Сибирское учреждение — пакет из десяти законодательных актов, в который входило Учреждение для управления сибирских губерний⁷, созданное, по оценке одного из биографов, «как бы мимоходом», и не содержавшее следов ни «планомерности», ни «закономерности»⁸. В рамках преобразования проводилась судебная реформа, в определенной степени унифицировавшая систему правосудия. Возглавили юстицию губерний губернские суды, рассматривавшие «гражданские дела по апелляциям, а уголовные и следственные по ревизии», им передавались обязанности совест-

¹ Нольде А. Э. Указ. соч. С. 156–159.

² Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905. С. 31.

³ Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова]. С. 525.

⁴ ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 889. Л. 100.

⁵ ПСЗ-І. Т. 37. № 28706; Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2010. С. 255.

⁶ Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т. 2. СПб., 1872. С. 327.

⁷ ПСЗ-І. Т. 38. № 29125.

⁸ Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. СПб., 1909. С. 151.

ных судов. Объединение в едином установлении «во всех сибирских губерниях второй степени суда гражданского и уголовного» «под именем губернского суда» представлялось М. М. Сперанскому «удобным» ввиду малочисленности населения Сибири и «малого числа дел тяжёбных, вексельных и кредитных»¹.

В округах (аналог уездов в остальной империи; были переименованы на общероссийский манер 2 июня 1898 г.²) создавались окружные суды в качестве первой инстанции по гражданским и уголовным производствам, в городах, признанных «многолюдными», открывались городские суды (первая инстанция по делам купцов и мещан), в «средних» городах «хозяйственная часть» и суд объединялись в ратуши, население «малолюдных» городов не получало собственного суда — его дела ведались в окружных судах. Немного изменив судоустройство, реформа оставила в неприкосновенности судопроизводство: «В прочем наблюдаются правила, для производства судебных дел вообще установленные»³.

Преобразование юстиции проводилось в сжатые сроки. Сибирский комитет 9 октября 1822 г. предписал его порядок: «Как суммы на все сии места назначены к отпуску с 1 января 1823 г., то само собой разумеется, что с сего самого времени и должны оно воспретъ свое действие». Изменения в составе и наименовании судебных мест заключались в следующем: тобольские палаты уголовного и гражданского суда «соединялись в одно установление под именем губернского суда»; Томский гражданский и уголовный суд теперь «назывался губернским судом»; закрывались «совестные суды в губерниях Тобольской, Томской и Иркутской, и дела, в оных находящиеся», передавались в губернские суды; «уездные суды и судьи переименовывались в окружные»; с упразднением в Тобольске двух палат и совестных судов оставались за штатом их председатели Л. П. Коллет и П. Я. Резанов⁴. Последние, однако, не остались без дела. Несмотря на далеко немолодой

¹ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. С. 21.

² ПСЗ-III. Т. 18. № 15503.

³ ПСЗ-I. Т. 38. № 29125. Ст. 305.

⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 85. Л. 5–10.

возраст, они заняли важные посты: первый — советника Главного управления Западной Сибири от Министерства юстиции (в 1829 г. после скандальной ревизии, произведенной в 1827 г. сенаторами Б. А. Куракиным и В. К. Безродным, этот активный участник тогдашних интриг вышел в отставку), второй — советника того же управления от Министерства финансов (после тринадцатилетнего пребывания на той должности скончался в 1836 г.)¹. Тобольское губернское правление отчиталось за действия по введению нового судоустройства перед генерал-губернатором Западной Сибири П. М. Капцевичем 19 января 1823 г., Томское губернское правление представило отчет по введению Сибирского учреждения 16 февраля того же года², Томский гражданский и уголовный суд получил название губернского 11 января 1823 г.³.

Общепризнанная неудача реформы 1822 г. и ее судебной составляющей связана, кроме всего, с тем, что «войти глубоко, войти с любовью в сибирские дела, Сперанский не хотел» и «все время мысли его были далеко от Сибири»⁴; он «слишком положился на одни официальные, коллегиальные учреждения и не обратил внимания на другие стороны общественной жизни, которые должны были способствовать администрации и питать самые учреждения»⁵. Созданная тогда система не изменила старых порядков, при которых многое зависело от личности чиновника, его ответственности, деловых и нравственных качеств, а ее функционирование не избавилось от подчиненности условиям региона. Новый закон заслужил множество упреков современников в свой адрес из-за порождавших им крайностей бюрократизма;

¹ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. Тюмень, 2000. С. 205; Растягаева Г. Л. Чиновничий аппарат Главного управления Западной Сибири (1822–1882 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. Приложения 2, 3.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 85. Л. 15–17 об., 27–37 об.

³ Там же. Д. 228. Л. 4.

⁴ Середонин С. М. М. М. Сперанский // Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 25. СПб., 1910. С. 237.

⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 527.

признание в Сибирском учреждении «мастерского произведения» соседствовало с мнением о том, что «готовит оно Сибири конечное разорение»¹.

Сам М. М. Сперанский в письме своему преемнику на посту генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевичу скромно оценивал глубину изменений: «Общая черта всех сих учреждений есть та, чтоб вводить новый порядок постепенно и по мере местных способов, не разрушая старого. Все они представляют более план к постепенному образованию сибирского управления, нежели внезапную перемену»².

Безусловно, имя реформатора, как писал известный сибирский историк П. А. Словцов, осталось «незабвенным в летописях всей Сибири»³, его деятельность в крае «составила эпоху для этой страны»⁴. Устоялась даже традиция делить дореволюционную историю региона на эпохи «до Сперанского» и «после Сперанского»⁵, но связана она скорее с величием личности государственного деятеля, нежели с тем, что он дал сибирскому обществу. В каком-то отношении М. М. Сперанский даже скомпрометировал себя своей деятельностью по преобразованию региона. Так, восточносибирский генерал-губернатор А. С. Лавинский неоднократно говорил о нем: «Человек готовился лазить на колокольню и звонить в колокола, а ему поручили переделать край! Хорош реформатор»⁶! На его предубежденное отношение к краю и «тоскливое стремление к столице»⁷, на его надежды, что поэты «из рода тунгусов и остяков воспоют имя его, как греки воспевали Кадма или скандинавы Одина»⁸, сибиряки отвечали порой неприязненно.

¹ См.: Вагин В. И. Указ. соч. Т. 2. С. 314–315.

² См.: Сперанский М. М. Юридические произведения. С. 194–195.

³ Словцов П. А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. М., 1834. С. 133.

⁴ Якушкин В. Указ. соч. С. 31.

⁵ См., напр.: Вагин В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 1–2; Минаева Н. В. Указ. соч. С. 304; «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова». С. 167; и др.

⁶ Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова]. С. 526.

⁷ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. С. 192.

⁸ Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности. С. 113–114.

«Михайло Сперанский, сын не дворянский, сын попов, из больших плутов», — передавали они между собой¹.

Судебная реформа 1822 г., сводившаяся к разного рода переименованиям, несколько упорядочив судебную организацию, не улучшила правосудие. Дальнейшее развитие сибирской юстиции продемонстрировало несостоятельность установившихся судебных порядков. В течение последующих семидесяти пяти лет, до введения Судебных уставов Александра II, судоустройство региона подвергалось лишь частным и незначительным изменениям, как правило, следовавшим вслед за ревизиями; ведь только они, в условиях отсутствия общественного контроля над деятельностью государственных учреждений, позволяли хоть как-то выяснить настоящее положение дел.

Одним из результатов ревизии Б. А. Куракина и В. К. Безродного стал закон от 5 февраля 1829 г. «О прибавке в Тобольский губернский суд советника, секретаря и столоначальника»². В середине XIX столетия юстиция Западной Сибири подверглась основательным проверочным испытаниям, связанным, прежде всего, с крупной ревизией Западной Сибири членом Государственного совета генерал-адъютантом Н. Н. Анненковым. Хотя император поручил ему лишь «осмотреть главнейшие части военно-сухопутного ведомства, и по гражданскому отделению те части, кои он признает нужным»³, он изучил состояние управления Сибирью по Учреждению 1822 г., в частности положение местной юстиции, затем раскритиковал его в Сибирском комитете, воссозданном по случаю ревизии⁴.

Повышение внимания к судебной системе, обусловленное отмеченным А. В. Ремневым «осознанием необходимости переосмыслить общие подходы к формированию правительственной

¹ См.: Черепанов С. Отрывки из воспоминаний сибирского казака // Древняя и новая Россия. 1876. № 6. С. 191.

² ПСЗ-II. Т. 4. № 2655.

³ ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 2036. Л. 1 об., 29.

⁴ Ремнев А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.). С. 256; ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3316. Л. 4–19; Оп. 3. Д. 4400. Л. 31.

политики по отношению к Сибири»¹, выразилось в организации ревизий и региональной властью. Например, западносибирский генерал-губернатор П. Д. Горчаков в 1849 г. поручил состоящему от Министерства юстиции при Главном управлении Западной Сибири в должности советника И. И. фон Шиллингу проверить тюменские окружной и городской суды, а в 1850 г. — Тобольский губернский суд².

В 1853 г. Сибирский комитет попробовал выяснить, можно ли сократить количество окружных судов в Западной Сибири. Чиновники края составили по этому поводу мнение об устройстве судебной части в Тобольской и Томской губерниях: оба губернских совета не нашли возможным ликвидировать ни одного судебного учреждения, даже Березовский окружной суд, несмотря на мизерное число поступающих туда дел³. Однако у руководства имелся иной взгляд, и предположение об упразднении Березовского окружного суда⁴ было осуществлено в 1865 г.⁵

Начало 1860-х гг. ознаменовалось подготовкой коренной судебной реформы в России, реализовали которую Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Сибирские чиновники приняли деятельное участие в кампании по обсуждению положений преобразования. Это были председатель Тобольского губернского суда А. И. Папкевич, товарищ председателя В. А. Андронников, тобольский губернский уголовных дел стряпчий Н. С. Знаменский (их проекты вошли в известную Опись дел о преобразовании судебной части России⁶, а имена заняли достойное место в анналах сибирской истории⁷),

¹ Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. С. 191.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2733; Д. 2768.

³ Там же. Оп. 3. Д. 3410. Л. 14–15, 19–20, 71–75 об.

⁴ Там же. Оп. 4. Д. 5651.

⁵ ПСЗ-II. Т. 40. № 42527.

⁶ См.: Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы: Сборник статей. М., 2004. С. 229, 232.

⁷ См., напр.: Тобольский биографический словарь. Екатеринбург, 2004. С. 31, 189–190.

советник Главного управления Западной Сибири от Министерства юстиции В. И. Спасский¹.

Начальство и общество края с нетерпением ожидало установления нового суда. На взгляд местных бюрократов и общественности, в судебной реформе регион нуждался больше, чем остальные провинции России, и ничего ей не препятствовало. Один из тобольских стряпчих утверждал: «Рутинное убеждение, что реформа эта в настоящее время неприменима в некоторых местностях по недостатку специально образованных людей, как отжившее свое время, не может иметь места»². Отмечалась и «нравственная» подготовленность сибиряков к восприятию передовых начал правосудия³.

В Западной Сибири поначалу даже не сомневались в скором осуществлении судебного преобразования и проводили подготовку к нему. Администрация, обнадеженная циркулярами столичных ведомств, готовилась к приходу новых судебных порядков. К примеру, тобольский губернатор А. И. Деспот-Зенович озадачивал полицейских чиновников: «Согласно высочайшему повелению из Министерства юстиции требуются сведения по предмету введения в Западной Сибири судебных следователей, сколько именно в каждом округе произведено было следствий земскими чиновниками за последние, до 1863 г., десять лет»⁴. Совет Главного управления Западной Сибири в 1860-е — начале 1870-х гг. неоднократно просил министров внутренних дел и юстиции учредить в регионе институт судебных следователей и применить здесь «переходные» правила судопроизводства от 11 октября 1865 г. (такие ходатайства формулировались на заседаниях 15 ноября 1863 г., 9 августа 1866 г., 3 сентября 1868 г., 18 марта 1869 г. и 13 марта 1871 г.)⁵.

¹ Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 1.

² См.: Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. СПб., 1863. С. 34, 50, 88.

³ Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. С. 31.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 18. Л. 2-3.

⁵ Там же. Ф. 329. Оп. 1. Д. 18. Л. 51, 57-57 об.

Однако введение Судебных уставов затянулось. В полном объеме судебная реформа 1864 г. проводилась лишь в центре страны, а в остальных провинциях передовое судопроизводство устанавливалось со всевозможными ограничениями на разных основаниях в течение тридцати пяти лет. Чем позже на той или иной территории начиналось преобразование суда, тем больше там было этих ограничений. Первоначально новый кодекс не распространялся на Сибирь. Между тем в 1860-х гг. проблема необходимости и условий судебного преобразования в крае активно обсуждалась, разрабатывались его проекты. Сибирская обстановка отличалась спецификой, связанной с малонаселенностью региона, отсутствием в надлежащем числе лиц, удовлетворявших предусмотренным уставами образовательным и имущественным цензам, полиэтничностью. Поэтому главным вопросом, решаемым судебными деятелями, административными чиновниками, представителями общественности, стала проблема приспособления положений уставов к особенностям сибирского региона.

Разнообразием отличались предложения относительно порядка введения мирового суда. Одни считали возможным установить выборность мировых судей, но при этом отменить некоторые цензовые ограничения; другие выступали за учреждение назначаемого «от правительства» мирового института; третьи полагали нужным мировых судей поначалу назначать, а затем, со временем, ввести выборность¹. Вместе с тем в Сибири отсутствовали земские учреждения, которые, как предусматривали уставы, обязывались избирать мировых судей. Проведение же земской реформы — неперемennое условие установления выборной мировой юстиции — откладывалось на неопределенные сроки.

¹ См.: Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. С. 10–11, 90, 104–106, 109; Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. С. 31; Соображения особого отдела комиссии, высочайше утвержденной для работы по преобразованию судебной части, по предложениям главных местных начальств и должностных и частных лиц сибирского края о применении высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части к Сибири. [СПб., 1867]. С. 5–10.

В 1866 г. министр внутренних дел П. А. Валуев, отвечая на запрос председателя комиссии, разрабатывавшей проект судебного преобразования в Сибири, дал понять, что ожидать скорого введения земств не следует. Чуть позже проект столичного особого отдела, созданного под началом одного из «отцов» Судебных уставов В. П. Буткова для подготовки реформы сибирского суда, предусматривал пополнение съездов мировых судей судебными следователями или членами окружного суда¹.

Осенью 1867 г. чиновники Главного управления Западной Сибири, признавая неосуществимым до реализации земской реформы решить вопрос об избрании в крае мировых судей, высказались за установление в крае съездов мировых судей и суда присяжных. Возможность последнего объяснялась убежденностью в том, что сибиряки были «в умственном развитии выше среднего уровня» и среди них «всегда найдутся способные и достойные люди для исполнения обязанностей присяжных заседателей»².

В 1870-е — начале 1880-х гг. в Министерстве юстиции осознавали, по словам тогдашнего министра юстиции Д. Н. Набокова, «крайнюю неудовлетворительность положения судебной части в Сибири»³, но никаких попыток ее преобразовать не принималось. В то же время министерские чиновники отказались от идеи коренного реформирования судов в крае, мотивируя это недостатком денежных средств, вызванным войной 1877–1878 гг.⁴. Действительно, новые суды обходились казне недешево. Факт же осуществления судебных преобразований на основе уставов во многих регионах империи непосредственно после войны с Турцией⁵ не позволяет говорить о скудости бюджета, как об обстоя-

¹ Соображения особого отдела комиссии... С. 19, 29, 42.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 7802. Л. 408–444.

³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4^а. Л. 1 об.

⁴ Там же. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 2; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 121.

⁵ В 1878–1883 г. судебная реформа проводилась в Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Киевской, Волынской, Минской, Могилевской, Подольской губерниях; в губерниях Уфимской, Оренбургской, Астраханской устанавливались мировые суды отдельно от общих (см., напр.:

тельстве, решающим образом повлиявшем на изменение правительственного курса относительно реформы сибирского суда. Главную роль в откладывании основательного судебного преобразования в Сибири скорее сыграла расстановка приоритетов во внутренней политике самодержавия, в числе которых проблема правильного устройства суда на территории к востоку от Урала не заслуживала первоочередного внимания. Реформы суда в России, указывал позже министр юстиции Н. В. Муравьев, «естественно должны были отодвинуть несколько на второй план заботы об улучшении управления и суда в Сибири»¹.

Между тем сибирские пресса и городские думы нередко поднимали вопрос о введении Судебных уставов в полном объеме либо об учреждении отдельных судебных институтов (мировой юстиции, судебных следователей)². Даже лицам, незнакомым с краем, реформирование его суда начинало представляться неперемennым условием общей модернизации азиатского Зауралья. В 1880 г. В. М. Флоринский, преодолевая сибирские просторы на пароходе по маршруту от Тюмени до Томска по делам открытия университета и вдохновившись увиденным, писал: «Дайте Сибири, как и остальной России, новые порядки, новые суды и такие же средства низшего и высшего образования, тогда явятся и промышленные центры, и цветущие города»³.

Тогда же сибирское общество охватила эйфория ожидания реформ, вызванная празднованием трехсотлетия присоединения Сибири к России. Общественность края и сибиряки, находившиеся в столице, решили ходатайствовать о необходимости реформ

Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи в 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование. М., 1983. С. 94–97).

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 1.

² См.: Альтшуллер М. И. Земство в Сибири. Томск, 1916. С. 42; Восточное обозрение. 1882. 1 апр.; 15 июля; 30 сент.; 1885. 13 июня; Корнилов А. Вопрос о введении земства в Сибири до высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. // Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. СПб., 1912. С. 7–8; Сибирская газета. 1881. 5 апр.; Сибирь. 1876. 21 марта; 1877. 17 июля; и др.

³ Заметки и воспоминания В. М. Флоринского // Русская старина. 1906. № 4. С. 124–125.

в правительстве¹. В дни торжеств, по словам корреспондента «Русских ведомостей», «лучшие люди с нетерпением ожидали введения в Сибири новых судов, земских учреждений, нового городского устройства, открытия университета»². Видные представители сибирской общественности пребывали в уверенности, что преобразования последуют незамедлительно. «Необходимость сибирских реформ, — писал в 1881 г. Н. М. Ядринцев, — до такой степени ясно сознается правительством и обществом, что трудно предполагать, чтобы настоятельные нужды населения не были бы удовлетворены»³. Однако надежды сибиряков оказались обмануты. Тот же деятель констатировал: «Нового суда и земства пока не дается. Предстоит писать и просить»⁴.

В правительственных кругах хорошо сознавали, что сибирская юстиция находилась в самом бедственном состоянии. Мысль о необходимости ее совершенствования волновала администрацию региона. Последовательным приверженцем судебных преобразований являлся генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин, считавший дореформенные судебные порядки «самым больным местом Сибири и ее населения»⁵. Он полагал, что деятельность судов «граничила с отсутствием правосудия» и придавал перво-степенное значение их преобразованию⁶. Руководитель признавал край вполне подготовленным к проведению судебной реформы, а его население, как он указывал в телеграмме императору 6 декабря 1882 г., способным «воспринять те великие реформы, которые дарованы России державной волей царя-освободителя»⁷.

¹ См., напр.: Корнилов А. Указ. соч. С. 9; Ядринцев Н. М. Трехсотлетие Сибири 26 октября 1881 г. // Вестник Европы. 1881. № 12. С. 846.

² Цит. по: Альтшуллер М. И. Указ. соч. С. 42.

³ Ядринцев Н. М. Трехсотлетие Сибири 26 октября 1881 г. С. 847.

⁴ Цит. по: Сесюнина М. Г. Потанин Г. Н. и Н. М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества. Томск, 1974. С. 101.

⁵ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1. Всеподданнейшие отчеты командующего войсками Восточного сибирского округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного. Вып. 1. Иркутск, 1884. С. 136.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 45 об.-46.

⁷ См.: Сибирская газета. 1883. 9 янв.

Один из чиновников, непосредственно участвовавших в мероприятиях по упразднению генерал-губернаторства Западной Сибири¹, докладывал в столицу: «Судебная реформа более других необходима... Оставить Тобольскую и Томскую губернии в настоящем их положении невозможно»².

Министр юстиции Д. Н. Набоков 20 февраля 1883 г. представил в Государственный совет записку с предложениями «о некоторых изменениях в законах», регламентировавших деятельность судов в регионе. В ней указывалось на беспорядки в судебных учреждениях и заключалось: «До сих пор не коснулась Сибири ни одна даже из тех предварительных, переходных мер, которые предшествовали учреждению нового суда в губерниях Европейской России»³. В записке предлагалось реализовать «хотя бы весьма немногие, наиболее неотложные» усовершенствования сибирских судебных порядков. При этом Д. Н. Набоков подчеркивал, что проект предполагал введение в крае «временного и переходного» режима⁴, какой состоял: во-первых, в установлении института судебных следователей для производства следствий по наиболее важным делам; во-вторых, в реорганизации прокурорского надзора на основаниях, действовавших в регионах, где мировые судебные учреждения вводились отдельно от общих; в-третьих, в «усилении» состава местной юстиции; в-четвертых, в упрощении порядка производства следствий и рассмотрения дел и порядка обжалования решений и приговоров судов; в-пятых, в «незначительном» увеличении жалования судебных чиновников⁵.

Проект судебного преобразования в Сибири рассматривался в Государственном совете 8 октября 1883 г., 24 марта 1884 г. и 14 января 1885 г.⁶. После обсуждения там предложения Министерства юстиции с незначительными корректировками вошли во «Временные правила о некоторых изменениях по судоустройству

¹ Ликвидировалось в 1882 г., после чего Тобольская и Томская губернии подлежали «общему порядку высшего управления». См.: ПСЗ-III. Т. 2. № 886.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^в. Л. 2.

³ Там же. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4^а. Л. 1-1 об.; Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 1-1 об.

⁴ Там же. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 1 об., 46.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 121.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 45.

и судопроизводству в губерниях Тобольской, Томской, Восточной Сибири и Приамурском крае», утвержденные 25 февраля 1885 г.¹

Основой судебной реформы стало соединение положений нескольких законодательных актов 1860-х гг., в том числе так называемых «облегчительных» правил от 11 октября 1865 г., в свое время призванных, по словам Г. А. Джаншиева, внести в дореформенные судебные порядки некоторые «элементы» и «начала нового процессуального строя»². С введением Временных правил дореформенная судебная система Сибири приобрела законченный вид.

Упразднились должности стряпчих, приставов гражданских и уголовных дел при полицейских управлениях Тобольска, Тюмени, Томска и Каинска, столоначальников и секретарей в некоторых окружных судах. Отменялось «присутствование» в окружных судах и «участие» при производстве досудебных следствий по делам о купцах и мещанах представителей от этих сословий. Впервые при окружных судах учреждались должности судебных следователей: четыре — в Томском, по две — в Тобольско-Сургутском, Ишимском, Курганском, Тюменском, Тюкалинском, по одной — в других судебных округах. Новым стало устройство института прокурорского надзора. В каждом округе вводилось по одной должности товарища прокурора.

В губерниях сохранялись окружные суды в качестве первой судебной инстанции по уголовным и гражданским делам, а также губернские суды, по-прежнему составлявшие вторую инстанцию. Подсудность окружным и губернским судам определялась мерой наказания, которое могло последовать в соответствии с предъявляемым обвинением, а по гражданским делам — суммой иска. Окружные суды рассматривали уголовные дела, по которым ни один из подсудимых не обвинялся в преступлении или проступке, «влекущем за собой наказание, соединенное с лишением всех прав состояния или с потерей всех либо некоторых особенных прав и преимуществ». По гражданским делам окружными судами решались тяжбы со стоимостью иска, не превышающей 1000 рублей. Иск на сумму 30 руб. рассматривался окончательно. Более значи-

¹ ПСЗ-III. Т. 5. № 2770.

² Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. М., 1898. С. 441.

мые уголовные дела и гражданские иски ценой более 1000 руб. были подсудны губернскому суду. Там же решались дела о ссыльных.

Досудебным следствием занимались полицейские чиновники и учрежденные Временными правилами судебные следователи. За производством следствий наблюдали лица прокурорского надзора. По их предложениям начинали расследования судебные следователи, им обязывались «немедленно» докладывать о своих следственных действиях чины полиции. Когда следователи считали, что собранные ими сведения о преступлении и преступнике достаточны для вынесения судебного приговора, они направляли следственный материал надлежащему лицу прокурорского надзора. По важным делам прокурор составлял письменное заключение, где излагал обстоятельства дела, а также поддерживал обвинение в суде, что и являлось одной из главных новых процессуальных норм. Подсудимому, в соответствии с Временными правилами, председателем суда назначался защитник из состоявших при суде чиновников или из «посторонних лиц». В случае недостатка желающих выступить в качестве заступника подсудимого таковой ему не назначался. На окончательном следствии могли присутствовать не только подсудимые и их защитники, но и посторонние лица, в числе, «позволяющем помещением суда». За нарушение «благопристойности» председатель суда имел право удалить подсудимого и его поверенного. После выслушивания прокурорского обвинения защитник, если он был назначен, произносил «объяснения», а затем суд выносил приговор, объявлявшийся публично.

Как считали чиновники Министерства юстиции, введение прокурорского обвинения, начал состязательности, «изустного разъяснения» в суде наиболее важных уголовных дел должно было «способствовать правильному их разрешению». Особенности защиты подсудимых связывались с «малолюдством некоторых сибирских городов и недостатком там лиц, могущих с пользой для дела принимать на себя защиту по уголовным делам»¹. По менее важным уголовным делам, рассматриваемым окружными судами, суд, по сути, выступал и обвинителем, и защитником подсудимого.

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 49.

На судебном разбирательстве зачитывалась докладная записка, составленная членом учреждения и содержащая краткое изложение обстоятельств дела. Подсудимый и его поверенный, имевшие право присутствовать на судебном заседании, по окончании доклада могли лишь обращать внимание на обстоятельства, уменьшавшие вину.

Введение специализирующегося на расследовании преступлений института судебных следователей, реорганизация прокурорского надзора в сторону усиления эффективности его деятельности по изобличению преступников и их обвинению, придание, в условиях слабо гарантированной защиты, обвинительного уклона следствию свидетельствовали о стремлении царского законодателя повысить силу репрессии сибирской судебной системы. На этот счет недвусмысленно высказался один из современников преобразования, узнавший о проекте судебной реформы. Он писал: «Если наши соображения основательны, то оказывается, что правительство озабочено вопросом, как бы получше обставить уголовное возмездие»¹. Усиление карательного потенциала суда соответствовало общим тенденциям развития судебного законодательства России, но особенно в Сибири, где преступность достигала огромных размеров, было крайне важным осуществление должного наказания преступников. Однако положения Временных правил отличались непоследовательностью и противоречивостью, не позволявшими в полной мере решать даже те скромные задачи, которые ставились перед сибирской юстицией самодержавием.

Сохранялись положения о формальном следствии и формальных доказательствах. По мнению дореволюционного юриста Я. И. Баршева, первое представляло собой следующее: «Объем всех действий следователя, которые направляются против известного лица, поставленного в состояние обвинения по причине известного преступления, чтобы иметь возможность окончательно решить, действительно ли и в каком виде и степени учинило оно рассматриваемое преступление и достойно ли оно наказания»².

¹ Сибирская газета. 1883. 30 окт.

² Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства. СПб., 1841. С. 111.

Судья по-прежнему не имел права определять значение доказательств и улик в соответствии со своим внутренним убеждением. Приговоры по уголовным делам, как фиксировалось «Законами о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках», основывались «на существе доказательств и на точном разуме законов, а не на едином лишь судебском рассуждении»¹. В таких условиях выяснение обстоятельств дела в состязании сторон, призванное склонить судью к принятию решения, устность и гласность судопроизводства утрачивали смысл.

Современники судебной реорганизации 1885 г. считали ее незначительной. Как отмечал начинавший тогда карьеру судебного деятеля, а затем томский адвокат и премьер-министр антибольшевистских правительств П. В. Вологодский, по отношению к ней слово «реформа» было принято заключать в кавычки². Судебные чиновники разных уровней, представители сибирской общественности называли судебное переустройство «полуреформой», «полумерой», «слабой попыткой к реформе», «мерой малосильной», «так называемой у нас реформой»³.

Позднее в отдельных газетных публикациях с осторожностью говорилось о положительном значении реформы 1885 г. В тобольском «Сибирском листке» указывалось, что она «принесла известную долю пользы в делах правосудия»⁴. Преобразование внесло «свежую струю в затхлую, душливую атмосферу допотопных судебных порядков», утверждалось в «Томском листке», что напрямую связывалось с «обновлением» прокурорского надзора и следственной части, а также с приездом в край людей с юридическим образованием⁵. О появлении в 1885 г. лиц с юридической подготовкой говорил в речи, посвященной проведению в Сибири

¹ Свод законов Российской империи. Т. 15. Ч. 2. СПб., 1876. Ст. 395.

² Вологодский П. В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири // Русское богатство. 1892. № 12. С. 5.

³ См.: Сибирский вестник. 1893. 8 дек.; 1898. 3 янв.; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1899. С. 40; Степной край. 1897. 2 янв.; РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 5; Д. 10393. Л. 81 об.; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 129; и др.

⁴ Сибирский листок. 1897. 3 июля.

⁵ Томский листок. 1897. 2 июля.

судебной реформы на основе Судебных уставов в 1897 г., директор училищ Тобольской губернии П. И. Панов¹.

Привлечением новых, более квалифицированных судебных деятелей, прежде всего, определялось значение преобразования 1885 г. Вместе с тем его реализация стала проявлением изменений в отношении самодержавия к Сибири. Высшие чиновники империи, наконец, обратились к проблемам сибирского правосудия. Значимость реформы заключалась и в том, что она являлась последним испытанием дореформенной судебной системы на жизнеспособность и становилась в этом смысле важным этапом на пути к дальнейшим преобразованиям суда. Незначительная по содержанию, она, по справедливому замечанию Н. В. Муравьева, «принесла большую пользу судебному делу уже тем, что подготовила почву и отчасти людей» к будущей реформе на основе Судебных уставов².

Однако закон 25 февраля 1885 г. мало учитывал потребности края в правосудии. Обвинительный уклон судопроизводства мог пагубно сказаться на его справедливости. Из Временных правил следовало, что суды в Сибири устанавливались как правоохранительные органы. Придание правоохранительных функций юстиции было одним из направлений судебной контрреформы в России. Преобразование сибирского суда совпало по времени с периодом самых яростных атак на учрежденную Судебными уставами судебную систему. В правительственных кругах вынашивались планы коренного пересмотра положений судебного законодательства. В этом отношении показательно содержание записки, направленной К. П. Победоносцевым императору в 1885 г. Обер-прокурор среди прочего указывал на необходимость ликвидировать независимость суда, «ввести судебные установления в общий строй государственных учреждений», поставить под контроль деятельность адвокатуры, тем самым ограничив «адвокатский произвол», шире применять начала заочного судопроизводства, «отделаться» от суда присяжных³. Во времена, когда подобные

¹ Тобольские губернские ведомости. 1897. 12 июля.

² Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб., 1900. С. 408.

³ К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. М.; Пг., 1923. С. 508–511.

мероприятия планировали самые влиятельные государственные деятели империи, не могло быть и речи о реализации передовых начал судопроизводства в Сибири¹.

Временные правила вступили в действие 1 октября 1885 г.². В реформе нашло выражение особое отношение самодержавия к краю, отразились тенденции развития судебного законодательства империи. Сущность судебных порядков изменилась мало, их недостатки, как показала деятельность юстиции после реализации преобразования, не были ликвидированы. Еще до проведения в 1892 г. обер-прокурором Первого департамента Сената П. М. Бутовским масштабной ревизии судебных мест Западной Сибири принимались меры по улучшению сибирского правосудия, диктовавшиеся стремлением повысить эффективность работы суда. Наиболее значимыми преобразованиями стали мероприятия 1886 г. В июне председатель Тобольского губернского суда З. Н. Геращеневский в представлении министру юстиции предложил разделить губернские суды на два отделения: уголовное и рассматривающее иные дела. Эту инициативу поддержали и чиновники Томского губернского суда³. Безусловно, специализация деятельности отделений судов на разбирательство определенного рода дел казалась более целесообразной. Законом от 17 ноября 1886 г. министру юстиции предоставлялось право дробить губернские суды Западной Сибири на отделения⁴.

Насущной являлась ликвидация архаичных правил судопроизводства. Сибирские судебные чиновники сознавали нелепость и

¹ Немаловажно и то, что некоторые изменения судебных порядков в русле контрреформ к моменту разработки проекта преобразования в сибирском регионе только начинали давать свои плоды и еще не позволяли оценить результативность политики самодержавия. Например, лишь с 1883–1884 гг. стала повышаться сила репрессии суда присяжных. См.: Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. СПб., 1901. С. 90; Щегловитов И. Г. Репрессия суда присяжных в России // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 7. С. 20.

² Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТюмО). Ф. 40. Оп. 2. Д. 379. Л. 11–12.

³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 46. Л. 894.

⁴ ПСЗ-III. Т. 6. № 4021.

откровенную глупость созданной ситуации: царский законодатель, введя в процесс элементы состязательности, попытался организовать определенные условия для возможности непосредственной оценки свидетельств в суде, но оставил в неприкосновенности систему формальных доказательств¹ и тесно связанный с ней порядок проведения формальных следствий. 12 июня 1886 г. был принт закон о преобразовании порядка управления в Туркестанском крае, 12-я статья которого предполагала отмену норм о формальных доказательствах². Председатель Томского губернского суда Е. Ю. Баршевский запросил Министерство юстиции «разрешить вопрос о том, относится ли эта статья высочайшего повеления ко всем местностям, где действует старое судопроизводство». Министр юстиции ответил, что она касается всех регионов империи, и Сибирь не является исключением³. С тех пор в России вердикты судей базировались «на точном разуме законов и на существе собранных по делу доказательств и улик, сила и значение коих определялись по внутреннему убеждению». При этом «оставление в подозрении» впредь не допускалось, а приговоры

¹ Т. Тарановски этот порядок характеризует «архаичной и нерациональной судебной процедурой», обеспечивавшей возможность злоупотреблений со стороны служащих, но в то же время «связывавшей их по рукам и ногам», а, в конце концов, способствовавшей принятию несправедливых решений. Суть правил состояла в следующем: «Согласно этой теории, различные виды доказательств имеют разную ценность, а priori заслуживают большего или меньшего доверия. Они систематизируются по чисто абстрактным принципам; механически смешанные и сгруппированные, они и служат основанием для определения виновности подсудимого. Признание своей вины обвиняемым рассматривалось как наилучшее из возможных доказательств, а показания свидетелей оценивались в зависимости от их пола, социального или образовательного статуса. Вся процедура велась исключительно на основе письменных документов, которые, конечно, должны были представляться в надлежащей форме. Надо ли говорить, как много имелось возможностей для давления, подкупа и взяточничества, злоупотребления властью, различных видов коррупции и вопиющих нарушений законности». См.: Тарановски Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 304–305.

² ПСЗ-III. Т. 6. № 3814.

³ Государственный архив Томской области (далее — ГАТО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 1000. Л. 199.

могли быть вынесены только об оправдании подсудимого, освобождении от суда или наказании виновного¹. Именно с того времени, как вспоминал уже в 1904 г. председатель Тобольского окружного суда П. Е. Маковецкий, перестали «подозревать» на пространстве всей империи².

Мера 12 июня вызвала достаточно широкий общественный резонанс. Сибирские юристы выразили к ней самое положительное отношение, в местной прессе ее характеризовали как «коренной переворот» и «реформу»³. Данное процессуальное изменение представлялось прорывом в области правосудия и ступенью к проведению коренной судебной реформы в регионе⁴, оно, по мнению П. Е. Маковецкого, являлось «единственной светлой точкой на темном фоне старых судебных порядков»⁵.

Отмена системы формальных доказательств — это преобразование огромного значения, правда, при условии его осуществления в процессе ликвидации норм дореформенного судопроизводства и замены их процессуальными правилами, основанными на началах Судебных уставов. Недаром знаменитый русский юрист А. Ф. Кони считал основным началом судебной реформы 1864 г. отмену положений о силе доказательств и улик⁶. Реализация в Сибири правила о внутреннем убеждении могла дать положительные результаты лишь в случае ее осуществления в комплексе с другими изменениями уголовного судопроизводства. Было необходимо в полной мере осуществить принципы состязательности, гласности, устности судебного процесса, ликвидировать досудебное формальное следствие, начала заочного разбирательства дел, повысить квалификацию судей. Иначе внутреннее убеждение теряло смысл и могло привести к негативным последстви-

¹ Свод законов Российской империи. Т. 15. Ч. 2. СПб., 1892. Ст. 367.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 129.

³ См.: Восточное обозрение. 1886. 25 дек.; Сибирский вестник. 1886. 22 окт.; Сибирская газета. 1886. 26 окт.

⁴ Восточное обозрение. 1886. 25 дек.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 129.

⁶ Кони А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных // Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 211.

ям. Судебные чиновники, лишённые простора в применении правил об «оставлении в подозрении» и возможности ссылаться на предписанные теоретиками системы формальных доказательств нормы, попали в затруднительное положение. С одной стороны, они обязывались прийти к заключению о виновности или невиновности подсудимого, с другой — процессуальные механизмы дореформенной юстиции не позволяли им в должной мере сформировать свое внутреннее убеждение. Работники судов не имели возможности выслушивать свидетельские показания, их решения не основывались на состязании сторон, в общем, не действовал принцип непосредственной оценки свидетельств. На это указывал в 1892 г. П. В. Вологодский: «Судьи руководствовались своим “внутренним убеждением” при оценке записей следователя, в громадном большинстве случаев — полицейского чиновника — о доказательствах и уликах, а не самими доказательствами и уликами, непосредственно виденными и слышанными судьями»¹.

Результатом противоречивости регламентации уголовного процесса стали медленность рассмотрения дел и нередкие ошибки при вынесении приговоров. Судебные чиновники вынуждались посылать материалы формального следствия на исследование, порой затягивая судопроизводство на несколько лет². Часто плохо расследованные полицейскими и судебными следователями дела, писал тобольский губернский прокурор С. Г. Коваленский, «ложились без проверки в основание постановляемых судами приговоров», которые оказывались «неправильными по существу», несоответствующими «требованиям справедливости»³. Н. В. Муравьев считал принципиально «невозможным» вынесение правильных вердиктов, поскольку материалы формального следствия поступали в сибирские суды в неудовлетворительном состоянии⁴. В результате местные органы юстиции принимали неверные

¹ Вологодский П. В. Указ. соч. С. 9–10.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 124.

³ Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 8, 10–10 об.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 2 об.–3.

решения¹, приговоры многих окружных судов не мотивировались² или, как обнаружил в 1892 г. П. М. Бутовский, их вообще не обосновывали³.

Последние годы существования дореформенного суда с его архаичными процессуальными порядками наглядно продемонстрировали их несовместимость с нормами Судебных уставов. Система формальных доказательств себя изжила и была вытеснена ходом естественного развития уголовного судопроизводства. Ее отмена — весьма важная мера, поскольку сделала очевидной необходимость ликвидации и других устаревших правил процесса, став, таким образом, дополнительным стимулом для распространения судебной реформы 1864 г. на российские регионы.

В общем, соединение во Временных правилах 1885 г. начал дореформенного и построенного в соответствии с Судебными уставами судоустройства и судопроизводства, как показала деятельность сибирской системы правосудия «переходного режима», не дало позитивных плодов. Положения законов, регламентировавших работу суда в 1885–1897 гг., состояли, по заключению чиновников Министерства юстиции, «в явном, непримиримом между собой противоречии»⁴; новый и старый порядки судопроизводства, указывал председатель Иркутского губернского суда А. Клопов, оказались несовместимыми⁵.

Опыт неудавшихся преобразований сибирского судопроизводства заставил чиновников Министерства юстиции отказаться от практики частичных, половинчатых мер и склониться к мнению о необходимости коренного переустройства судебных порядков.

¹ См.: Томич. Письма из Томска // Тобольские губернские ведомости. 1894. 5 июня.

² ГАТюМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 435. Л. 42–43.

³ Библиотека РГИА. Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний, произведенной в 1892 г., по поручению господина министра юстиции, обер-прокурором Первого департамента Правительствующего Сената тайным советником П. М. Бутовским. С. 82–83.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 11 об.

⁵ Там же. Д. 10393. Л. 83 об.

Все чаще речь шла о введении в Сибири Судебных уставов 1864 г., адаптация которых к условиям края в середине 1890-х гг. представлялась менее сложной, чем в предыдущие десятилетия. Этому способствовали бурное развитие Сибири и определяемое нарастанием полицейских тенденций в политике самодержавного государства приспособление судебной организации под политический режим.

Судебные уставы к 1890-м гг. уже не несли в себе той угрозы самодержавию, которую представлял кодекс образца 1864 г. Реакционные меры, направленные на ограничение судебной власти, несменяемости и независимости судей, представительства общественности в суде, компетенции суда присяжных и прав адвокатского сословия, гласности и устности рассмотрения дел, сделали юстицию более «послушной» царизму. Они, в случае введения уставов в Сибири, позволяли государству, с одной стороны, более внимательно контролировать деятельность судебной системы, а с другой — проще приспособлять законы о суде к особенностям сибирской действительности.

Во второй половине XIX столетия в жизни региона произошли разительные перемены. Население края значительно увеличилось: в Tobольской губернии со времени ревизии Н. Н. Анненкова по всеобщую перепись 1897 г. — с 879 070 до 1 433 595, в Томской — с 564 697 до 1 927 932 душ обоего пола¹. Многие, в основном западносибирские округа, по плотности населения и вообще по населенности стали догонять, а иногда превосходить некоторые уезды Европейской России, где были введены Судебные уставы². За сибиряками признавалась способность воспринять передовые формы судопроизводства, что и отмечал ознакомившийся с местной жизнью П. М. Бутовский³. Сибирское население, по словам

¹ ГАТ. Ф. 154. Оп. 20. Д. 2036. Л. 35–36; Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. СПб., 1914. С. 88.

² См.: Азиатская Россия. С. 88–89; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. Вып. 5. СПб., 1890. С. 16–38.

³ См.: Арефьев Н. За пределами Европейской России. I. В Сибири // Северный вестник. 1896. № 1. С. 55.

С. Г. Коваленского, уже «ни в каких отношениях не отличалось» от населения других регионов России¹. В сибирской же прессе зачастую сибиряков ставили выше по уровню общего умственного развития, чем жителей Европейской России². А. Клопов не видел разницы и в экономическом развитии между Сибирью и другими регионами империи³. По мнению некоторых чиновников Министерства юстиции, Западная Сибирь уже ничем не отличалась от соседствующих с ней на западе районов страны⁴. Доводы о неподготовленности сибирского края к судебной реформе становились все более беспочвенными. «За десять последних лет и в особенности с начатием работ по постройке железной дороги, — доклады-вал в 1896 г. в Государственном совете Н. В. Муравьев, — Сибирь поразительно ушла вперед, и нынче вся она настоятельно требует преобразования суда»⁵.

¹ ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 5.

² См., напр.: Сибирский В. Судебная реформа в Сибири и своевременность введения суда присяжных // Сибирский вестник. 1897. 17 дек.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 79.

⁴ Там же. Оп. 542. Д. 241. Л. 8.

⁵ Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 393.

ГЛАВА 2. ВВЕДЕНИЕ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ

В 1894 г. министром юстиции создавалась комиссия под председательством П. М. Бутовского, призванная разработать положения коренной судебной реформы в Сибири¹. Весьма плачевное состояние сибирского суда вынудило Н. В. Муравьева стимулировать процесс его преобразования, не дожидаясь результатов работы возглавляемой им комиссии («муравьевской»), работавшей в 1894–1899 гг. при Министерстве юстиции над пересмотром российского судебного законодательства². Причем предполагалось, что намеченные последней изменения существовавшего судебного строя в России могли быть приняты во внимание при подготовке реформы сибирского суда³, ведь одна из основных задач момента состояла как раз в установлении единообразия судебных правил на пространстве всей империи⁴. В состав комиссии П. М. Бутовского входили представители заинтересованных министерств, чиновники центрального управления Министерства юстиции, а непосредственными выразителями интересов Сибири в комиссии являлись тобольский, енисейский и иркутский губернские прокуроры С. Г. Коваленский, А. Н. Лубенцов и Н. И. Харизоменов⁵. 11 октября 1895 г. Н. В. Муравь-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 240. Л. 1.

² Первым ученым, специально рассмотревшим некоторые направления деятельности этой комиссии, был Т. Тарановски. См.: Taranovski T. The aborted counter-reform: Murav'ev commission and the Judicial statutes of 1864 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1981. Vol. 29, № 2. P. 161–184. Й. Баберовски посвятил комиссии главу своей фундаментальной книги. См.: Baberowski J. *Autokratie und justiz*. S. 429–480.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 3 об.

⁴ Очерк деятельности высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части // *Журнал Министерства юстиции*. 1895. № 6. С. 60.

⁵ О работе комиссии П. М. Бутовского подробно см.: Бузмакова О. Г. Указ. соч. С. 10–17.

ев запросил разрешение на реализацию судебной реформы у императора. Николай II, согласившись на проведение преобразования, написал в высочайшем соизволении: «Дай бог, чтобы Сибирь через два года получила столь необходимое ей правосудие наравне с остальной Россией»¹. Наконец, 13 мая 1896 г. были утверждены «Временные правила о применении Судебных уставов к губерниям и областям Сибири»².

Закон содержал многочисленные отступления от положений уставов. Самым заметным из них являлось отсутствие суда присяжных (установлен в Тобольской и Томской губерниях в 1909 г.)³ и самостоятельных адвокатских организаций, а на явное противоречие между официально сообщенными устремлениями правительства и осуществленными на практике положениями особенно красноречиво указывало устройство в Сибири мировой юстиции. На мировых судей края не распространялись принципы выборности, несменяемости и независимости, чем наносился удар по одним из базовых позиций, обеспечивавших судебную автономию⁴. В первоначальных предположениях комиссии П. М. Бутовского относительно будущего устройства сибирских судебных учреждений предлагалось ограничить в самостоятельности всех судей региона вообще, но члены Государственного совета в ходе рассмотрения министерского проекта настояли на том, чтобы статус чиновников коронных коллегияльных судов остался таким же, как и в остальной России. Подчеркивалось, что за Уралом «обеспечение самостоятельности должностных лиц, ведающих судебные дела, составляет одно из самых надежных ручательств

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 1.

² ПСЗ-III. Т. 16. № 12932.

³ По вопросу о введении суда присяжных и его деятельности см.: Бузмакова О. Г. Указ. соч. С. 133–163; Крестьянников Е. А. Суд присяжных в дореволюционной Сибири // Отечественная история. 2008. № 4. С. 37–47.

⁴ В качестве основополагающих компонентов самостоятельности российского пореформенного суда, к примеру, Т. Е. Планк выделяет несменяемость и высокую квалификацию судей, их достойное жалование и безусловный авторитет в глазах населения. См.: Plank T. E. The essential elements of judicial independence and the experience of pre-soviet Russia // William and Mary Bill of Rights Journal. 1996. Vol. 5, № 1. P. 1–74.

беспристрастного отправления правосудия, а вместе с тем и одно из главных условий правильного судоустройства»; именно там, «где, вследствие издавна установившихся привычек, имеют место сторонние влияния в самых широких размерах», по мнению сановников, было «видеть судей в положении возможно независимом не только желательно, но совершенно необходимо». Относительно мировых судей, однако, использовались иные логика и аргументация, приводившие к заключению даже о вредности их несменяемости: допускалось, что на места таковых в силу неизбежных погрешностей могли быть назначены люди, «не обладавшие нужными нравственными и служебными качествами», и в этих случаях считалось нормальным, если увольнение недостойных служащих будет подчинено «усмотрению той власти, которой предоставлено и само определение их на должность»¹.

В первых же комментариях представителей общественности положение о лишении самостоятельности сибирских мировых судей подверглось критике. «Полная зависимость судей от министра юстиции и при назначении, и при перемещении, или увольнении, является очень неблагоприятной особенностью этих правил», — писал популярнейший журнал «Русская мысль». Кроме того, утверждалось, что «мировой институт по выбору вполне возможен теперь в Сибири, так как городское население возросло, а проведение железной дороги обещает дальнейшее и быстрое возрастание»². Известный общественный деятель и публицист Н. Ф. Анненский указывал: «Именно в Сибири особенно важно видеть мирового судью в таком положении, которое исключало бы даже и самую мысль о доступности его посторонним влияниям и воздействиям». Ему думалось, что выполнить миссию насаждения правосудия в крае «с гораздо большим успехом может независи-

¹ Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 2. Ч. 2. Общие вопросы судоустройства. СПб., 1900. С. 286–287, 289–290.

² Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1896. № 6. С. 174.

мый и самостоятельный судья, нежели простой чиновник судебного ведомства»¹.

Между тем в Сибири участковым и добавочным мировым судьям присваивался 6-й класс по чинопроизводству, а не 5-й, как предусматривалось Судебными уставами. В результате местные мировые судьи назначались не высочайшим указом, а министром юстиции (следовательно, это назначение зависело от министерской администрации, допускавшей, по уверению известного правоведа И. В. Гессена, «случайность» и «участие протекции» в формировании судебского корпуса²), у них уменьшался размер пенсий, что могло негативно отразиться на престиже службы. Временные правила не разделяли судебные учреждения Сибири на две системы: общие и местные суды. Несмотря на то что многие сибирские судебные деятели выступали за введение в крае съездов мировых судей (например, З. Н. Герашеневский и А. Клопов, тобольский губернский прокурор К. Б. Газенвинкель³), эти органы не устанавливались. Обязанности съездов возлагались на окружные суды, которым также принадлежал надзор за мировыми судьями, что умаляло независимость мирового института. По словам чиновников Министерства юстиции, это отступление от Судебных уставов диктовалось недостатком в регионе образованных лиц и вытекавшей отсюда невозможностью, в условиях отсутствия большого количества почетных мировых судей, сформировать корпус мировых съездов «почти без участия участковых мировых судей». Не представлялось возможным создать съезды и по причине занятости мировых судей разъездами по участкам⁴. Последнее обстоятельство было последствием «новаторства» министерских чиновников, возложивших обязанности проведения предварительных следствий на сибирских мировых судей. Действительно, обстановка не могла позволить созыв участковых

¹ Анненский Н. Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири // Русское богатство. 1896. № 6. С. 173.

² См.: Гессен И. В. Указ. соч. С. 257.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 21; Д. 10393. Л. 39.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 128 об.

мировых судей, разъезжающих в качестве следователей по своим участкам, в одном месте и в одно время.

Сосредоточение судебных и следовательских функций в руках мировых судей следует признать наиболее противоречивой мерой при реформировании местной юстиции в Сибири¹. Н. В. Муравьев и его министерские подчиненные указывали, что результатом этого соединения обязанностей будет приближение местного суда к населению и уменьшение его стоимости², а всякие опасения насчет будущего института судей-следователей они считали преждевременными. Министр, защищая 6 апреля 1896 г. в Государственном совете проект установления мирового суда, говорил, что «совмещение в одном лице и судьи, и следователя вовсе не грозит в Сибири теми теоретическими трудностями, которые, не вдаваясь вглубь вопроса, обыкновенно выставляют против такого совмительства»³.

Однако создание судебно-следственного института, придавая обвинительный уклон судопроизводству, напрямую противоречило задачам правосудия⁴. На практике такой порядок мог привести к негативным последствиям, которые уже были продемонстрированы в других регионах. В Закавказье следственные судьи

¹ О проблемах института мировых следственных судей отдельно и подробно см.: Krest'iannikov E. A. Realizatsiia idei sud'i-sledovatel'ia v mirovoi iustitsii dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du Monde russe. 2017. Vol. 58, № 4. P. 555–587.

² Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. СПб., 1896. С. 506; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 45, 131.

³ Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. С. 505.

⁴ При разработке Судебных уставов в 1860-х гг. мысль об обременении мировых судей иными обязанностями кроме судейских решительно отвергалась: «По вопросу о том, в какой мере должность мирового судьи может быть соединена с другой должностью, признано, что должность участкового мирового судьи, как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке, не может быть соединена с другой должностью по государственной или общественной службе, кроме почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях». См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 3. СПб., 1867. С. 62.

были введены 22 ноября 1866 г.¹ и признавались отечественной юридической общественностью «совершенно негодным изобретением»²; совмещение судебных и следовательских обязанностей привело к тому, «что не соблюдалась ни та, ни другая, и живое судебное дело окончательноглохло под массой канцелярской непроизводительной работы»³, потому закавказская «практика, в обход закона, создала отдельные органы предварительного следствия в лице помощников мировых судей»⁴. Тем не менее на фазе активизации чуждых прогрессу сил и реализации наиболее реакционных идей в сфере правосудия исключительный закавказский вариант наделяния мировых судей следовательскими полномочиями превращался в образец, на основе которого проводились преобразования в тех частях империи, где Судебные уставы употреблялись впервые. Сначала следственные судьи появились в Архангельской губернии (закон от 12 декабря 1888 г.)⁵, но даже в отзывах их доброжелателей указывалось, что для применения этого института в северном крае приходилось поступить либеральным принципом разделения властей⁶. Кроме того, апробированный порядок оказался совершенно непрактичным. Через шесть лет его применения один из руководителей юстиции данного региона по всем позициям раскритиковал судебно-следовательскую деятельность, в частности, указав: «Ни один мировой судья, как бы добросовестно не относился он к своим судейским и следовательским обязанностям, не может одновременно успешно исполнять их без ущерба для тех или других

¹ ПСЗ-II. Т. 41. № 43880. Ст. 5.

² Заметки. Z. По поводу жалоб на кавказские суды // Журнал гражданского и уголовного права. 1884. № 10. С. 2.

³ Красовский А. Следственная часть в Закавказском крае // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 9. С. 17.

⁴ Стаматов П. Судебные следователи и участковые судьи // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1897. № 8. С. 33.

⁵ ПСЗ-III. Т. 8. № 5630. Ст. 13.

⁶ См.: Элленбоген А. Мировой суд в Архангельской губернии // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 8. С. 33–41.

из них»¹. Тем не менее в 1890-х гг., где бы не проводилось реформирование, оно неизменно сопровождалось положением о судьях-следователях. Вместе с сибирскими более двух десятков губерний и областей империи получили это учреждение: законы 29 января, 23 мая 1896 г., 2 июня 1898 г. и 15 февраля 1899 г. устанавливали его, в хронологической последовательности, в Архангельской губернии (в данном случае подтверждалась норма 12 декабря 1888 г.), Черноморской губернии, Центральной Азии и Закаспийской области².

Корреспондент столичного «Северного вестника» предупреждал, что соединение судебно-следственных обязанностей в Сибири приведет к волоките, но «если они избегут волокиты, — писал он о мировых судьях, — то это может означать их недобросовестность»³. Говорили о возможных отрицательных последствиях и сибирские судебные чиновники. Тобольские председатель губернского суда и губернский прокурор отмечали: «Как ни симпатична идея о соединении в одном лице обязанностей мирового судьи и следователя, но едва ли идея эта, на практике, поведет к желаемым результатам... Мировой судья не будет в состоянии разбирать дела и производить следствия одновременно»⁴. Однако некоторые судебные чиновники, среди которых был С. Г. Коваленский, наоборот, находили желательным все обязанности по ведомству Министерства юстиции в сибирских округах сосредоточить у мировых судей⁵. На них статья 53 Временных правил и возложила исполнение функций нотариусов в малонаселенных местностях.

Совмещение функций судьи и следователя, а в отдельных районах и нотариусов превращало мировой суд в Сибири в весьма специфичный институт, резко отличавшийся от аналогичного учреждения, построенного на основании Судебных уставов. Подчеркивал это и Н. В. Муравьев. Выступая в Государственном совете,

¹ Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 131. Оп. 24. Д. 370. Л. 42 об.—52.

² ПСЗ-III. Т. 16. № 12483, 12995; Т. 18. № 15493; Т. 19. № 16490.

³ Северный вестник. 1896. № 6. С. 272.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 20 об.

⁵ ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 11.

он говорил, что сибирские «судьи-следователи названы мировыми для того, чтобы не менять без особой надобности уже существующее на окраинах и привычное уху наименование»¹.

Действительно, законом 13 мая 1896 г. искажалась сама суть института мировых судей. В начале 1860-х гг. он задумывался как «хранитель мира», примиряющий стороны на основе доверия к суду. «Главнейшая задача его, — разъясняли основы предполагаемого устройства мирового суда чиновники, разрабатывавшие Судебные уставы, — и высшее качество его правосудия — примирение. Для успешного исполнения такого важного призвания мировой судья должен пользоваться особым доверием местных жителей, а доверие это он может заслужить не столько юридическим образованием, сколько знанием народных понятий, нравов, обычаев, вообще всех условий местной жизни и в особенности своим здравым умом, честным характером и безукоризненной жизнью»². Важнейшей задачей сибирского мирового суда стала репрессия, а устранение начала выборности мировых судей не содействовало повышению их авторитета.

Устройство других судебных учреждений более соответствовало общим правилам. На территории от Урала до Тихого океана в каждой губернии и области учреждалось по одному окружному суду. В Иркутске открывалась судебная палата, в ведомстве которой находилось семь из восьми устанавливаемых окружных судов (Тобольский окружной суд первоначально включался в округ Казанской судебной палаты, через два года вошел в округ открывшейся Омской судебной палаты). При окружных судах состояли прокуроры, осуществлявшие надзор за деятельностью местных судебных установлений и судебных следователей с помощью товарищей прокурора.

В закон 13 мая 1896 г. включался ряд норм, противоречащих утвержденным Судебными уставами началам. В частности, мини-

¹ Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895–1896 гг. С. 505.

² Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 2. СПб., 1867. С. 13, 24, 26.

стру юстиции предоставлялось право делать «необходимые изъятия» из общих правил, регулировавших образовательный и профессиональный ценз, необходимый для вступления в ту или иную должность судебного ведомства. Это давало возможность расширить круг лиц, могущих стать чиновниками судебных учреждений, но наносило ущерб правосудию, поскольку открывало доступ к судебной деятельности людям неквалифицированным и неопытным.

Некоторые статьи Временных правил предназначались облегчить участие населения в судопроизводстве. По гражданским делам свидетели, проживающие далее 200 верст от места, в которое их вызывали, могли просить о допросе в месте их проживания. По гражданским и уголовным делам, подсудным мировым судьям, «прошения, жалобы и всякого рода бумаги» разрешалось пересылать по почте. По отдельным уголовным делам, подсудным окружным судам, подсудимый освобождался от личного присутствия на судебном разбирательстве, если проживал далее 200 верст от места заседания суда. Проживающие на том же расстоянии свидетели имели право не являться в суд. Их письменные показания, равно как и показания подсудимых, и письменные заявления и объяснения не прибывших на судебное заседание частного обвинителя и гражданского истца на нем зачитывались. Эти отступления от общего порядка судопроизводства Н. В. Муравьев считал допустимыми, а необходимость их применения связывал с недостатком в крае «сведущих и добросовестных поверенных», с «громадностью расстояний, неустройством путей сообщения»¹.

Добиться более плотного покрытия территории правосудием, как поначалу казалось, удавалось распорядившись судебным инстанциям края интенсивнее, чем в Европейской России, перемещаться. 6 апреля 1896 г. в Государственном совете министр указывал на «подвижность функций» юстиции и «подвижных и близких к населению» мировых судей как на преимущества новой организации². По правилам 13 мая 1896 г. большинству

¹ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г. [СПб., 1897]. С. 7; РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 7 об.

² Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 395, 400.

мировых судей предстояло разъезжать в пределах своих участков, проводя расследование преступлений и судебные заседания в случае необходимости разбирать дела, возникавшие на расстоянии далее 50 верст от их камер; окружные суды обязывались ездить в разные концы губерний для проведения выездных сессий и заседаний в качестве съездов мировых судей; судебным палатам наказывалось регулярно заседать в городах подчиненных территорий.

Чинам Министерства юстиции думалось, что командировочный режим позволит реформированному сибирскому суду в полной мере соответствовать своему предназначению, о котором они заявляли в проекте преобразования: «ускорить в Сибири течение судебных дел» и «облегчить населению возможность участвовать в судебных производствах»¹. Действительно, по сравнению с географически далеким от сибиряков дореформенным судом, когда общие судебные учреждения располагались исключительно в губернских и окружных городах, новая юстиция в лице мировых судей наполняла сельскую местность², уже в силу своей локации становясь ближе к людям и во многом решая задачи преобразования. Однако модифицированная для Сибири модель Судебных уставов с мобильной версией учреждений с самого начала была уязвимой, завися от множества плохо прогнозируемых факторов. Внимательнейшим образом учесть их сочетание было особенно важно применительно к западной части региона, в отличие от восточной, сейчас целиком наполнявшейся подвижной судебной системой³.

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 45.

² Так, после судебной реформы в Тобольской губернии только 13 мировых судей числились в городах. См.: ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 39. Л. 46–47.

³ В Восточной Сибири по закону 13 мая 1896 г. малонаселенные местности вообще не получили юстиции (там на правах мировых судей действовали полицейские чиновники), несколько окружных судов освобождались от обязанности проводить выездные сессии, а число населенных пунктов, куда намечалось выезжать остальным, было существенно меньшим, чем планировалось объезжать окружным судам в Западной Сибири. ГАТ. Ф. 152. Оп. 37, Д. 875. Л. 169 об.

К негативным последствиям могли привести и перекосы в разделении сфер деятельности между сибирскими судебными учреждениями. Отказ от съездов мировых судей и суда присяжных увеличивал нагрузку на общие судебные установления. Казалось бы, окружные суды, передавая часть своих полномочий мировым судьям с их очень широкой подсудностью, избавлялись от немалой доли своей работы. Однако на них ложилась не менее хлопотная обязанность съездов мировых судей, где обжаловались в апелляционном порядке неокончательные приговоры и решения мировых судей, в кассационном порядке — окончательные. Добавлялось работы и судебным палатам, в которых позволялось обжаловать любые приговоры и решения окружных судов, постановленные ими в качестве как съездов мировых судей, так и судов первой степени.

Таким образом, можно перечислить основные черты установленного законом 13 мая 1896 г. в Западной Сибири судебного порядка. К судопроизводству не допускалась общественность в лице присяжных заседателей. Учреждался чиновничий суд, ограничивалась судебная независимость и несменяемость судей, что особенно отразилось на устройстве местной юстиции. Мировые судьи, в порядке служебных перемещений целиком завися от министра юстиции (бытовало мнение, что Судебные уставы 1864 г. введением независимости и несменяемости судей в первую очередь ограждали их от произвола руководителя министерства¹), ставились под надзор окружных судов, а в качестве следователей — под надзор прокуратуры. Существенно ущемлялись начала состязательности процесса и повышалась сила репрессии судебной системы. Защита на судебном разбирательстве, поскольку ограничивалась самостоятельностью адвокатуры, не обладала должной силой. Явный обвинительный уклон сибирского уголовного процесса объясняется стремлением повысить карательный потенциал суда.

Сибирские судебные учреждения обладали множеством функций. На практике искривления в распределении обязанностей между судебными учреждениями, возложение на них порой труд-

¹ В. Т. Отношение русского суда к государству и обществу. СПб., 1905. С. 5.

но совместимых функций могли привести к непредсказуемым последствиям, скорее всего, негативным для мировой юстиции. Временные правила обязывали сибирского мирового судью в качестве следователя перемещаться по участку, а в качестве судьи — находиться в своей камере. Мировому судье нужно было стать и специалистом-следователем, и знатоком почти всего российского материального и процессуального права, а как нотариусу — успешно удовлетворять правовые запросы населения. Можно серьезно усомниться в самой возможности существования человека, профессиональные качества и физические силы которого в полной мере соответствовали бы этим противоречивым требованиям. Такие сомнения высказывались современниками судебной реформы в Сибири. Корреспондент «Северного вестника» предполагал, что «мировой судья вряд ли будет в состоянии исполнять и одну треть накопившихся у него дел», вследствие чего «сибирское население не освободится от прежней судебной волокиты»¹.

Столичные чиновники и сам Н. В. Муравьев связывали многочисленные отступления от положений Судебных уставов с «особыми местными условиями» и «потребностями сибирского края»². Однако, по мнению многих свидетелей судебного преобразования, интересы Сибири совершенно не учитывались. Проблема применимости Судебных уставов к сибирским условиям в полном объеме действительно существовала. Представители общественности понимали, что общие судебные правила нуждаются в Сибири в корректировках. Они делались, но, как верно указывал томский адвокат Р. Л. Вейсман, не те³, и Судебные уставы распространялись, говорил позже с парламентской трибуны сибирский депутат В. А. Караулов, «в виде испорченного и укороченного»⁴.

Осуществление судебной реформы в искаженном виде было вызвано рядом обстоятельств. Временные правила 13 мая 1896 г.

¹ Северный вестник. 1896. № 6. С. 271–272.

² Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. С. 9; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 44 об.

³ Вейсман Р. Л. Правовые запросы Сибири. СПб., 1909. С. 25.

⁴ Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. 1909. № 48. С. 46.

стали продуктом планомерного приспособления судебной организации к существовавшему политическому режиму. Этот процесс привел к тому, что российский суд постепенно превращался из носителя правосудия в один из правоохранительных органов. Все более активная передача правоохранительных функций суду — существенное направление судебной контрреформы в последней четверти XIX в. Не случайны по этому поводу заявления министра юстиции Н. В. Муравьева, определявшего суд как «прежде всего проводника и исполнителя самодержавной воли монарха, всегда направленной к охранению закона и правосудия»¹.

Высказывания министра можно расценивать как установку на создание лояльного самодержавию суда, на включение судебной системы в число государственных административных органов. В Сибири, где проживало много ссыльных и культивировались демократические настроения, потребность власти карать преступников ощущалась с особой остротой. Поэтому царское правительство проявляло заинтересованность в том, чтобы использованные в крае механизмы позволяли осуществлять более чуткий контроль над судом. В связи с этим были неминуемы ограничения положений Судебных уставов при их применении к региону, относящиеся к несменяемости судей, независимости суда, усилению его карательной силы.

Отступления от начал уставов связаны с предположениями «муравьевской» комиссии, которые при разработке судебной реформы в Сибири, по словам Н. В. Муравьева, принимались «в соображение»². Положения проводимого в крае преобразования в полной мере соответствовали планам судебного строительства, задумываемым министром. Он ставил задачи «приближения» суда к населению, «упрощения правосудия», «удешевления» его для населения «без лишнего отягощения казны», «проникновения» судебной системы «безличным правительственным началом», являлся сторонником назначения всех без исключения должност-

¹ Цит. по: Гессен И. В. Указ. соч. С. 224.

² Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г. С. 5.

ных лиц судебного ведомства и установления «бдительного и строгого» правительственного «воздействия на суд»¹.

Между тем обращает на себя внимание состав комиссии, разрабатывавшей судебное преобразование в Сибири. К проекту реформы приложили руку, прежде всего, чиновники, сделавшие карьеру на прокурорском поприще. По инициативе прокурора Н. В. Муравьева в 1890-е гг. пересматривалось судебное законодательство, именно он, по мнению профессора Томского университета Н. Н. Розина, являлся идеологом тех реакционных сил, «которым были не только чужды, но и невыносимы принципы, заложенные в основание судебной реформы 1864 года»². Положения судебной реформы в Сибири подтверждают, что изменения Судебных уставов проводились в интересах прокурорской организации. Прокуратура получила возможность контролировать деятельность мировых судей в качестве следователей, министр юстиции, как генерал-прокурор, мог назначать, перемещать и увольнять чиновников мировой юстиции, подсудимые лишались качественной защиты, а судопроизводство — полноценного общественного представительства.

Временные правила оценивались современниками неоднозначно, получив кроме массы негативных и положительные оценки. В реакционной прессе положения закона оценивались очень высоко. В «Московских ведомостях» указывалось: «Сибирь получает судебную организацию даже более совершенную, чем та, которая существует в областях коренной России»³. Самые последовательные критики придавали правилам большое значение. Мировой судья из Енисейской губернии, а затем томский адвокат В. Н. Анучин писал, что они несли «коренные изменения принципов судоустройства и судопроизводства»⁴. На фоне почти повсеместного упразднения в 1889 г. мирового суда могло показаться:

¹ Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. С. 32–33.

² Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. С. 71.

³ Московские ведомости. 1896. 31 мая.

⁴ Анучин В. Н. К десятилетию судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1907. 1 июля.

его введение в Сибири и есть то благо, которое положительно повлияет на отправление правосудия в крае. Н. Ф. Анненский указывал: «По отношению к устройству низшего суда сибирские губернии будут находиться в условиях более благоприятных, чем большинство местностей Европейской России, где с введением института земских начальников в корне нарушен был принцип разделения властей судебной и административной»¹. «Вознаграждением» за долгие годы ожидания судебной реформы называли «Русские ведомости» введение мирового суда с сохранением принципа отделения судебной власти от административной². «За что Сибирь может быть благодарна метрополии, — подчеркивал Р. Л. Вейсман, — это за то, что введение института земских начальников настолько запоздало для нее, что наша окраина их и не дождалась»³. В «Русской мысли» как «на значительно упрощающие судебное дело» указывалось на положения Временных правил, которые требовали от мировых судей передвижения к месту разбора дела, если оно возникало далеко от его камеры, и давали право свидетелям просить об их допросе в месте проживания⁴.

Закон 13 мая 1896 г. стал для многих сибиряков неожиданностью. Местная общественность не информировалась о производящихся в Министерстве юстиции работах. Сибирь наполняли слухи, не всегда достоверные и вводившие в заблуждение. Так, томская газета «Сибирский вестник» в марте 1896 г., т. е. после внесения Н. В. Муравьевым соответствующего законопроекта на рассмотрение в Государственный совет, сообщила, что судебная реформа откладывается, и ее проведение произойдет не раньше, чем с окончанием деятельности «муравьевской» комиссии⁵.

Несмотря на явные недостатки Временных правил, их учреждение сибирские администрация и общественность встретили с воодушевлением. Чиновники спешно готовились к введению но-

¹ Анненский Н. Ф. Указ. соч. С. 171.

² Русские ведомости. 1896. 29 мая.

³ Вейсман Р. Л. Правовые запросы Сибири. С. 26.

⁴ Русская мысль. 1896. С. 174.

⁵ Сибирский вестник. 1896. 8 марта.

вых судов. Проводилась работа по разделению губерний на мировые участки, по найму жилья и помещений для камер мировых судей. Министерство юстиции пыталось в короткие сроки решить проблему укомплектования судебных учреждений. В Сибирь командировались старшие председатели и прокуроры Казанской и будущей Иркутской судебных палат. Цель их поездки состояла в определении местных судебных деятелей, которые могли бы занять ту или иную должность в новых судах. Направление в эту командировку первого руководителя палаты в Иркутске Г. В. Кастриото-Скандербек-Дрекаловича — тогда еще члена Санкт-Петербургской судебной палаты — предполагало, как записано в формулярном списке чиновника, «ознакомление с деятельностью судебного персонала сибирских судебных установлений и для других распоряжений, для беспрепятственного и успешного введения там судебной реформы»¹. Вместе с ним приехал и первый прокурор этой палаты А. А. Кобылин². Кадровый вопрос обсуждался на особенном министерском совещании, где окончательно устанавливался круг лиц, получивших назначения в реформированные сибирские судебные органы³.

12 февраля 1897 г. в присутствии Н. В. Муравьева состоялась встреча Николая II с высшими чинами новых сибирских судов. Добродушная атмосфера общения государя с назначаемыми чиновниками (император «изволил каждому из представлявшихся подать руку и осчастливил каждого из них милостивыми расспросами и разговором») лишний раз свидетельствовала о высоком значении проводимого преобразования⁴. Высочайшим повелением от 19 февраля 1897 г. министру юстиции предоставлялось право утвердить проекты разграничения губерний и областей Сибири на судебно-следственные участки, указав в пределах участков

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 100. Л. 8 об.

² ГАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 110. Л. 29 об.

³ См.: Замещение должностей в новых судебных учреждениях Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4. С. 115; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. Тобольск, 1898. С. 40; Тобольские губернские ведомости. 1897. 19 июля.

⁴ Представление государю императору высших чинов судебных установлений Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 3. С. 44

места постоянного пребывания участковых и добовочных мировых судей и распределив их по участкам, а также назначить до 1 июля 1897 г. почетных мировых судей¹. Раньше император позволил министру юстиции лично открыть Иркутскую судебную палату и Иркутский окружной суд. Обязанность начать работу Тобольского окружного суда возлагалась на старшего председателя Казанской судебной палаты А. Н. Щербачева, ввести в действие остальные окружные суды поручалось их председателям².

Открытие новых судов намечалось на 2 июля 1897 г. За несколько дней стали приезжать высокие гости. Вечером 29 июня в Иркутске встречали Н. В. Муравьева. На приветствие городского головы он ответил: «Прибыв к вам по такому поводу, который должен составить эпоху в сибирской жизни, я считаю великим для себя счастьем быть исполнителем мудрой царской воли, даровавшей Сибири новые суды»³. В тот же день тобольский губернатор Л. М. Князев встречал А. Н. Щербачева и прокурора Казанской судебной палаты В. А. Соколова⁴.

В назначенный день суды начали работу. Редкое периодическое издание обошло это событие стороной. «И печать местная, и русская, — указывалось в “Русском богатстве”, — повсеместно приветствовала 2 июля — день введения новых судебных учреждений в Сибири»⁵. По наблюдению корреспондента «Восточного обозрения», «почти все газеты и журналы» посвятили статьи открытию судов в крае⁶. Информацию о столь знаменательном событии распространило Российское телеграфное агентство⁷. 2 июля 1897 г. в сибирской прессе называли «одним из самых

¹ ПСЗ-III. Т. 17. № 13775.

² Тобольские губернские ведомости. 1897. 28 июня.

³ Восточное обозрение. 1897. 2 июля.

⁴ Тобольские губернские ведомости. 1897. 5 июля.

⁵ О. Б. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1897. № 7. С. 176.

⁶ Восточное обозрение. 1897. 24 авг.

⁷ Степной край. 1897. 4 июля.

радостных и светлых в истории Сибири» днем¹, «началом новой эры в жизни Сибири»².

Ажиотаж, сопровождавший первые шаги реформы в Западной Сибири, показывает, насколько важной представлялась она сибирякам. Всеобщее воодушевление по ее поводу превратилось в настоящий праздник. «Русские ведомости» писали, что «ни один из провинциальных судебных округов не открывался с такой торжественностью, как сибирский»³. В Томске, ожидая наплыва горожан на торжество открытия новых судебных учреждений, полицмейстер А. А. Зеленский даже распорядился назначить к зданию губернского суда усиленный наряд, приказав не пускать в судебные помещения неприглашенных лиц, расположив такую публику на противоположной от суда стороне улицы⁴. Думы городов, мещанские и купеческие общества выделяли средства на проведение торжеств, улицы городов украшались флагами, здания «роскошно убирались зеленью», транспарантами, декорировались, устраивались праздничные обеды, организовывались народные гуляния⁵. Население края, уставшее от произвола дореформенной юстиции, ликовало. Оно, по словам Л. М. Князева, «восторженно приветствовало» судебную реформу⁶, и, по мнению корреспондента «Тобольских губернских ведомостей», пребывало в убеждении, что «Сибири действительно дан суд скорый, правый и милостивый»⁷.

На открытии судебных учреждений в крае обильно изливались верноподданнические чувства, ораторы произносили хвалебные речи, казалось, энтузиазму сибиряков не было предела. В своих выступлениях судебные деятели и представители общест-венности говорили о недостатках дореформенных судов, значе-

¹ Томский листок. 1897. 1 июля.

² Иркутские губернские ведомости. 1897. 9 июля.

³ Цит. по: Восточное обозрение. 1897. 24 авг.

⁴ Томский листок. 1897. 2 июля.

⁵ См.: Иркутские губернские ведомости. 1897. 9 июля; Сибирский вестник. 1898. 3 янв.; Сибирский листок. 1897. 29 июня; Тобольские губернские ведомости. 1897. 12 июля; Томский листок. 1897. 1 июля.

⁶ РГИА. Коллекция печатных записок. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1897 г. С. 13.

⁷ Тобольские губернские ведомости. 1897. 12 июля.

нии судебной реформы, перспективах установленной системы правосудия. Главную речь произнес в Иркутске Н. В. Муравьев. Он находился в уверенности, что реформа проводилась в полном соответствии с Судебными уставами, а предпринятые отклонения от общего судоустройства и судопроизводства представлялись ему «глубоко обдуманними». Министр, обратившись с напутственными словами к каждой категории судебных деятелей новых судов, указал на особую миссию мировых судей (впоследствии данные слова использовались критиками мировой юстиции края, когда они хотели показать несоответствие задумываемого при проведении реформы результатам практической деятельности мирового института): «Правительство твердо надеется, что сибирские мировые судьи окажутся на высоте этого исключительного призвания, и будут творить царское правосудие с честью, с усердием, скажу больше — с благоговением. В глуши, в одиночестве, среди суровой природы и чуждых людей, это будет своего рода подвигом, но пусть даже и так — сознательный подвиг и бескорыстная жертва возвышают и облагораживают того, кто способен на них! В подобном служении ярко засветится искра божья, озаряющая темноту, и если с течением времени цепь мирового судьи сделается в Сибири живым символом закона и правды, то новые судьи сослужат великую, незабвенную службу царю и Отечеству»¹.

Установленные судебные правила производили безукоризненное впечатление, потому сбой в деятельности новорожденной юстиции, как представлялось многим из выступавших 2 июля, могли произойти только по вине служебного персонала. Бывший судебный деятель Л. М. Князев говорил, что судья, действующий на основании Судебных уставов «в искании правды, имеет в руках своих оружие нестарееющее, несовершенством которого он уже не вправе, как судья дореформенный, оправдывать неудовлетворительность служения своего высоким целям правосудия»². Председателю Томского окружного суда Ф. Ф. Делпу тот день представлялся ростком новых отношений гражданственности Сибири,

¹ Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 410–416.

² Цит. по: Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. С. 42.

«началом роста и возмужания в ее населении правосознания — этого вернейшего залога гражданской зрелости»¹.

Завершающей торжества стала встреча в Томске Н. В. Муравьева — единственного министра юстиции Российской империи, побывавшего в Сибири. В июне он проехал на восток с представительной делегацией, в которую входили, в частности, директора департаментов Министерства юстиции С. С. Манухин (министр юстиции в 1905 г.²) и Н. Э. Шмеман: до Канска — на специальном поезде, далее, до Иркутска — на пятерке и пятнадцати тройках лошадей³. На обратном пути после открытия иркутских учреждений его с нетерпением ожидали в Западной Сибири. Заранее, 18 июня 1897 г., члены Томской городской думы собрались, чтобы решить, как приветствовать и проводить из сибирского края высокопоставленного гостя. Гласные во главе с городским головой А. П. Карнаковым наметили встречу хлебом-солью, торжественные завтрак и обед в здании городской думы или бесплатной библиотеки⁴. В последней 10 июля 1897 г. министр встретился с местными судебными деятелями, которым пообещал, что в случае затруднений на поприще служения в новом суде придет им на помощь. Ему очень понравились девизы, развешанные на стенах народной библиотеки и кричащие о нуждах Сибири: «Ни одного неграмотного!», «Учение — свет, а неучение — тьма!». «Ура!» звучало неоднократно⁵.

В карьере Н. В. Муравьева проведение судебной реформы в далеком крае составило славную веху. Преобразование сибиряки относили даже к его личной заслуге. Иркутская городская дума на заседании 25 июня 1897 г. единогласным решением предложила ему принять звание почетного гражданина города Иркутска

¹ Речь председателя Томского окружного суда при открытии сего суда // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 8. С. 280.

² См., напр.: Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. М., 2007. С. 230–231.

³ Яковлев Я. А., Рассамахин Ю. К. Рассказы о томской прокуратуре. Т. 1. Томск, 2004. С. 278.

⁴ ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2925. Л. 228–228 об.

⁵ Томский листок. 1897. 13 июля.

«за труды и заботы об упорядочении судебной части в Сибири»¹. Реформирование юстиции за Уралом было частью широкомасштабной деятельности Министерства юстиции по завершению в стране судебной реформы 1864 г., за что его глава удостоился особенной признательности императора² и отечественной юридической общественности. 9 октября 1899 г. министра избрали почетным членом Юридического общества при Санкт-Петербургском университете. Таким образом, он, наряду с избранными ранее Н. И. Стояновским — из «бывших творцов Судебных уставов» — и Д. Н. Набоковым, «деятельностью которого укреплены были устои великой судебной реформы», получил наивысшую оценку за деяния по насаждению правосудия³.

Грандиозность мероприятий по открытию новых судебных учреждений лишней раз подчеркивала чрезвычайную важность преобразования. Казалось, оно повлечет другие позитивные перемены. «За реформой судебной стоят на очереди реформы податная, земская и переселенческая», — уверял корреспондент «Сибирской жизни»⁴. Коренным образом изменялись судебные порядки и реализовывались с некоторыми ограничениями принципы Судебных уставов: независимость судебной власти и несме-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 273. Л. 1–3.

² В рескрипте, адресованном Н. В. Муравьеву, говорилось: «Николай Валерианович. По вступлении моем на престол, я обратил особое внимание на необходимость распространения области применения Судебных уставов императора Александра Второго, дабы во всех, даже самых отдаленных местностях России действовало скорое, беспристрастное и близкое к народу правосудие. При этом я признал возможным допустить преобразование суда и на восточных окраинах империи в том убеждении, что замечаемое в последние годы развитие в них гражданственности будет действительно прочным лишь по обеспечении всем и каждому надежной судебной охраны... Повторяя вам сердечное спасибо за вашу плодотворную и преданную службу, я вместе с тем поручаю вам передать мою искреннюю благодарность всему судебному ведомству, которое ревностно и честно, нередко при тяжелых условиях, выполняет свое высокое призвание стоять на страже закона». Высочайший рескрипт, данный на имя министра юстиции, статс-секретаря, тайного советника Муравьева // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 7. С. 3–4.

³ Вестник права. 1899. № 8. С. 223–224.

⁴ Сибирская жизнь. 1897. 31 дек.

няемость судей (кроме мировой юстиции), равенство всех перед законом, гласность и состязательность судопроизводства, право обвиняемого на защиту и т. д. Преодолевался разрыв между дореформенным сибирским судом и новыми судами империи, судебные деятели включались в общероссийское судебское сообщество, появился потенциал для сплочения судебной корпорации и приобретения ею веса в системе государственных учреждений Сибири. Население региона получило возможность приобщиться к цивилизованным нормам права и испытать уверенность в скором и справедливом разрешении юридических вопросов в судах.

Однако деятельность реформированной юстиции показала, что требуются дополнительные совершенствования судоустройства. Особенное разочарование вызывал институт единоличных судей, не способный в должной мере удовлетворить правовые запросы населения. По словам томского адвоката Р. Л. Вейсмана, «крах мирового суда последовал немедленно» после его учреждения в крае¹. Умозрительные «теоретические трудности», о каких когда-то говорил в Государственном совете Н. В. Муравьев, быстро приобрели вполне конкретные очертания. «Мировые суды с первых же дней своего возникновения завалены массой дела», — сообщал «Томский листок»². Тюменская «Сибирская торговая газета» через считанные недели после введения мировой юстиции рассказывала о ее «завале» делами, ставшем результатом, по мнению автора заметки, необходимости исполнять обязанности следователей³.

Сведения отчетов органов юстиции подтверждали судебские перегрузки, в которых немалую долю занимали следственные производства. В Томской губернии на начало 1898 г. в мировые установления поступало в 3 раза больше допустимого дел мировой подсудности, следственных — в 2 раза⁴. Со временем число предварительных следствий только увеличивалось. В 1909 г.

¹ Вейсман Р. Л. Яркие недостатки сибирского суда // Сибирские вопросы. 1908. № 3/4. С. 41.

² Томский листок. 1897. 13 июля.

³ Сибирская торговая газета. 1897. 26 июля.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 79 об.–81.

в южных Барнаульском, Бийском, Кузнецком и Змеиногорском уездах названной губернии лишь в одном судебном-следственном участке заводилось расследований в пределах заложенной комиссией П. М. Бутовского нормы в ежегодных 70–80 производств, а в остальных 22 она превышалась и нередко многократно. Во 2-м участке Барнаульского уезда возникло 342 дела¹. В 1910 г. в Тобольской губернии 22 из 30 судей-следователей заводили дел значительно выше норматива, в одиннадцати участках было начато более 200 следствий, а в 4-м участке Ишимского уезда — 481 дело²!

Аномально велико было число дел мировой подсудности. Отчетливо выделялись наиболее загруженные участки, в пространственном отношении совпадавшие с районами активной колонизации и постройки Транссиба. Так, при ежегодной норме до 600 уголовных и гражданских дел в барнаульском участке в 1901 г. возникло 2272 производства, а по накоплению нерешенных дел на быстро заселявшихся просторах Томской губернии по истечении 1902 г. лидирующими были 2-й участок Змеиногорского уезда и 2-й участок Каинского уезда с неразрешенными 2036 и 2567 делами соответственно³. С проведением железной дороги многократно превышались нагрузки судьи 1-го участка Курганского уезда: в 1905 г. он завел 3,5 тыс. производств, в 1910 г. — около 4 тысяч⁴. Вообще, судебная волокита в наиболее подверженных переселению западносибирских губерниях достигала катастрофических масштабов. К началу 1911 г. в Тобольской губернии остались нерешенными 20794 дела, в Томской — 60412⁵. Значит, чтобы рассмотреть только прошлогодние дела, не решая вновь возникших, мировым судьям Тобольской губернии нужен был год, Томской — два года.

На практике обнаружилась полная несостоятельность попыток приблизить правосудие к населению с помощью усиления

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 188. Л. 2–3, 22–23, 28–29, 42–43.

² ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 5–6.

³ Там же. Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–14, 17–20.

⁴ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 155. Л. 83–84.

⁵ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. Вып. 26. СПб., 1911. С. 238–239, 254–255.

подвижности судебных учреждений. Более того, командировочный режим вопреки ожиданиям снизил скорость течения дел, не облегчил, а, иногда, наоборот, затруднил участие сибиряков в судопроизводстве, невероятно усложнив судейский труд. Пример крайней неэффективности примененного порядка являла собой обстановка правосудия в Нарымском крае (Нарым в 475 верстах от Томска) — одном из тех районов, для каких задумывались судейские выезды и который мировому судье предписывалось посещать четырежды в год¹. Приезжая туда, он, как и другие сибирские чиновники в подобных обстоятельствах, сосредоточивался на следственных и уголовных производствах (обычно они требовали спешного рассмотрения, и к ним отношение начальства было более строгим), не успевая отправлять нотариальные функции и решать гражданские дела. Жители Нарыма и окрестностей не получали удовлетворения своих нужд, поскольку желали видеть нотариуса и судью-цивилиста значительно сильнее, чем уголовного судью и следователя (неотъемлемым условием выживания в Нарымском крае был рыболовный промысел, дававший жителям средства к существованию, а наиболее предприимчивым из них — немалый доход²). Известна целая серия их ходатайств по данному поводу рубежа XIX и XX вв. с пожеланием к властям установить стационарный офис мировой юстиции, однако в условиях ограниченных возможностей руководители региональных администрации и юстиции оказывались бессильными чем-либо помочь³. После полумесячного отсутствия судью в его томской камере обычно ожидала масса накопившихся дел и недовольных поданных, и он больше недели форсировал разбирательства, откладывая на потом менее важные дела⁴.

Неудивительно, что в Сибири сложился устойчивый образ усталого, ничего не успевающего, суетливого, постоянно занятого,

¹ Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 245. Оп. 1. Д. 8. Л. 17.

² Зиновьев В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX — начало XX в. Томск, 2009. С. 243–248.

³ ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 8. Л. 14–14 об., 24–25 об.; ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 29; Д. 67. Л. 14.

⁴ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 133. Л. 10.

но всегда долгожданного и малодоступного чиновника. «Судью ждут всюду: по целым дням ждут у крыльца на морозе крестьяне, приехавшие к нему, как к нотариусу, засвидетельствовать “бумажку”; ждут понятые и власти на месте совершения преступления, пока приедет судья в роли следователя, и ждут, кроме того, дела, назначенные к слушанию в тот самый день, когда совершилось преступление. Очевидно, что такая работа для судьи непосильна, и что неизбежно должно проигрывать и качество работы. Задерганный, вечно кидающийся от одного дела к другому, судья не может ни на чем сосредоточиться, не может всему отдаться всецело. Страдает от этого одинаково и сам судья, и население, и больше всего, конечно, престиж суда», — писал корреспондент Сибирских вопросов¹.

О недоступности судебной системы для сибиряков говорил тот факт, что даже не в самых малонаселенных местностях края имелись анклавные территории, где сибиряки вообще не ощущали наличия судебной власти. Из собранных в 1909 г. приговоров сельских сходов Томской губернии следовало, что в некоторых районах на тот момент мировая юстиция практически отсутствовала (из-за непрестижности судебские посты в деревне подолгу оставались вакантными), и это напрямую приводило к обострению криминальной обстановки. Например, в жалобе Ульбинского схода говорилось: «К развитию всего этого (краж, мошенничества. — *Е. К.*) у нас способствует еще то, что в нашем мировом участке давным-давно нет судьи; поэтому все уголовные дела лежат в нем без рассмотрения по несколько лет, от чего все мошенники привыкли судить так: “Э, жалуйся, когда улита едет, да, когда приедет”»².

Таким образом, одна из важнейших задач судебного реформирования конца XIX столетия в Сибири — «заставить бы сибиряков забыть и самосуд, и бессудие»³ — была решена лишь отчасти; в недоступных судьях, дискредитировавших себя неспособностью быстро осуществлять правосудие, а в качестве следователей,

¹ А. Х. Мировой судья в Сибири // Сибирские вопросы. 1911. № 5/6. С. 42.

² ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 63. Л. 81 об.

³ Судебная реформа в Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 149.

ограниченных в возможностях обеспечить выявление и наказание злоумышленников, население по-прежнему видело «виновников тяготы и маеты»¹. Поскольку состояние мировой юстиции только ухудшалось, недоверие к ближайшему суду становилось агрессивным. В качестве доказательства охлаждения подданных региона к имперской судебной системе В. Н. Анучин указывал на участвовавшие случаи самосуда². Другой современник отмечал, что «вместо близости судьи к населению растет отчужденность, озлобленность; население начинает относиться к судье враждебно»³.

О плачевном положении сибирской мировой юстиции, в частности штатном дефиците, знал министр юстиции И. Г. Щегловитов. Ему приходилось констатировать, что объем делопроизводства западносибирских мировых судей «в значительной мере превышает признаваемое для них нормальное количество служебной работы». Инициированный им законопроект об увеличении состава мировых судей за Уралом одобрила Государственная дума⁴. Закон от 28 мая 1911 г. устанавливал дополнительно 14 должностей мировых судей в Тобольской губернии и 21 должность — в Томской⁵.

Между тем к рубежу первого и второго десятилетий XX в. чиновничьи круги «щегловитовского» министерства осознали, что соединение функций судьи и следователя в руках мировых судей неприемлемо. В 1910 г., в связи с предположением об увеличении штата сибирского мирового суда, И. Г. Щегловитов высказал мысль о необходимости разделения в Западной Сибири мировых участков на участки с мировой подсудностью и участки следственные⁶. Эту инициативу всецело поддержал старший председатель Омской судебной палаты Ф. Ф. фон Паркау. Он писал в Министерство юстиции: «Разделение следственных и мировых обязанностей, возложенных ныне в округе Омской судебной палаты на

¹ Анучин В. Н. Мировой судья на Кавказе // Утро Сибири. 1911. 10 дек.

² Анучин В. Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 51/52. С. 71.

³ А. Х. Указ. соч. С. 41.

⁴ РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 233. Л. 1, 52, 55–55 об.

⁵ ПСЗ-III. Т. 31. № 35330.

⁶ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 1.

мировых судей, в высшей степени желательно в интересах дела, ибо опыт совмещения этих обязанностей в одном лице мирового судьи достаточно доказал, что такое совмещение отражается вредно как на следственной, так и на судебной частях». По его мнению, «мировые судьи-следователи могли бы быть оставлены в крайнем случае лишь в местностях малонаселенных, с малым возникновением дел, каковыми являются в вверенном мне округе палаты северная часть Тобольского уезда и уезды Березовский и Сургутский»¹.

В целом преобразования носили половинчатый характер и вряд ли могли дать заметные результаты. Вопросы о выборности мирового суда, введении съездов мировых судей вовсе не ставились, хотя в данное время в России решили вернуться к этим позициям, что и привело к реформе местного суда в 1912 г. Усиление штатов не отражало потребностей роста населения региона и его интенсивного развития. Включение в общероссийское экономическое пространство посредством Транссиба, набиравший темпы переселенческий колониализм², изменение геополитического назначения края в связи с возрастанием внешнеполитических амбиций России на Дальнем Востоке — лишь некоторые обстоятельства, которые были способны уменьшить значение правительственных мер по совершенствованию юстиции.

Из-за малого внимания к быстрым изменениям сибирских условий и пренебрежения интересами местной юстиции после реализации закона 28 мая 1911 г. проблема штатного дефицита не была решена. Увеличение числа судей оказалось, по словам Ф. Ф. фон Паркау, «безусловно недостаточным», поскольку опиралось на данные 1908 г., о чем он и докладывал в Министерство юстиции³. Не составляет труда вычислить количество судей

¹ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 3.

² Население Сибири выросло с 5 млн 760 тыс. чел. в 1897 г., до 9 млн 366 тыс. чел. в 1911 г., особенно увеличившись в наиболее подверженных колонизации частях. Так, в указанные годы жителей Томской губернии стало больше на 1 млн 746 тыс. чел., а ее южных алтайских уездов — Змеиногорского, Барнаульского, Кузнецкого и Бийского — почти на 1 млн 100 тыс. чел. См.: Азиатская Россия. С. 81, 88.

³ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 3 об.

и следователей (речь здесь идет не о судебных следователях, а о так называемых «мировых судьях» со следовательскими обязанностями), потребность в котором возникла только из-за увеличения числа поступающих дел в 1908–1911 гг. Тогда следственных и мировых производств прибавилось: в Тобольской губернии — соответственно на 934 и 8831, в Томской — на 2776 и 36441¹. Деление данных цифр на установленные нормативы (не на завышенные сибирские, а на, так сказать, «цивилизованные», принятые в России) показывает, что Тобольской губернии требовалось 15 чиновников, Томской — 50, и это лишь для того, чтобы «обслужить» имевшийся в те годы прирост дел.

Еще до утверждения закона (в представлениях от 30 ноября 1910 г., 16 и 22 февраля 1911 г.) председатели всех трех западно-сибирских окружных судов (в 1910 г. учрежден Барнаульский окружной суд) спешили предупредить старшего председателя Омской палаты о том, что намеченное расширение состава мирового суда не удовлетворит потребностей. Председатели Томского и Барнаульского судов говорили о необходимости учреждения в Томской губернии 34 должностей судебных чинов местной юстиции. Председатель Тобольского суда предлагал недостаток числа местных судебных чиновников восполнить в губернии введением 26 новых должностей². Таким образом, по мнению судебного руководства, дефицит где-то в 25 чиновников закладывался в самом мероприятии 1911 г.

Между тем и председатели окружных судов слабо представляли истинные нужды мировой юстиции западносибирского края. В этом отношении показательно, что уже 20 июля 1911 г. председатель Барнаульского суда возбуждал ходатайство «об учреждении вновь 29 должностей мировых судей сверх учрежденных

¹ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. Вып. 24. Ч. 2. СПб., 1910. С. 40–41, 48–49; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. Вып. 25. СПб., 1911. С. 206–207, 238–239, 254–255; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. Вып. 26. СПб., 1911. С. 206–207, 238–239, 254–255; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. Вып. 27. СПб., 1912. С. 206–207, 238–239, 254–255.

² ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 233. Л. 9, 20, 22.

в силу закона 28 мая 1911 года»¹. Запросы судебного начальника понятны, если знать, насколько увеличение штата удовлетворило потребности Барнаульского округа. В 1911 г. там возникло 56415 дел мировой подсудности и 4403 предварительных следствий. Деление этого количества на «цивилизованные» нормы приводит к заключению: 79 чиновников было необходимо для обеспечения нормальной работы и местных судов, и органов предварительного расследования округа Барнаульского окружного суда. На деле после преобразования 28 мая 1911 г. в нем действовало 37 участковых, 2 добавочных мировых судьи и 4 судебных следователя (всего 43)². Получается, укомплектованность местной судебной следственной части в Барнаульском округе составляла всего 54%! По аналогичным расчетам те же учреждения юстиции округа Томского окружного суда укомплектовались на 68%, Тобольского — на 88%.

Действительно, по материалам официальной статистики наибольшие нагрузки после преобразования испытывали судьи Барнаульского округа, меньшие — Томского, близкие к нормативу — Тобольского³. Соотнесение показателей укомплектованности штата мировых судей с данными о размерах их работы в трех западносибирских округах позволяет говорить, что расчетная норма в 1200 дел, возникающих ежегодно, была оптимальной для региона.

Теперь мировым судьям Тобольской губернии удавалось справляться и с вновь возникшими делами, и с прошлогодними. Показатели волокиты снизились даже в Томской губернии⁴. Но отмеченное убавление следует считать относительным:

¹ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218. Л. 38.

² Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. С. 206–207, 238–239, 254–255.

³ Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. Вып. 30. Пг., 1916. С. 17, 19.

⁴ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. С. 48–49; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. С. 238–239, 254–255; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 г. Вып. 28. СПб., 1913. С. 238–239, 254–255; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. С. 250–251, 266–267.

во-первых, уменьшилось число уголовных дел (с 62966 в 1911 г. до 45682 в 1914 г.¹), во-вторых, количество неразрешенных производств, например, на конец 1914 г. означало, что в каждом участке оставалось по тысяче прошлогодних дел, а это весьма высокий уровень волокиты.

Увеличение штата мировых судов не могло коренным образом изменить ситуацию в Томской губернии. Показатели обремененности ее мировой юстиции и после 1911 г. ухудшались. В большинстве мировых участков уголовных и гражданских дел рассматривалось значительно больше нормы². Как и следовало ожидать, в наиболее бедственном положении находились мировые судьи округа Барнаульского окружного суда. Его председатель отмечал, что после 1911 г., несмотря на увеличение штата мировых судей, они «в большинстве случаев продолжали находиться в условиях, исключавших возможность основательной и продуктивной работы»³. В 1913 г. в Барнаульском округе окружного суда 13 из 18 мировых судей рассмотрели более 2 тыс. дел, 9 — более 3 тыс., 4 — более 5 тыс., а мировой судья 1-го участка Барнаула сумел рассмотреть 6638 дел⁴. В 1916 г. в Барнаульском округе возникало в каждом участке в среднем по 2 тыс. дел. В этом округе, крайне неблагоприятном в плане устройства местного суда, наблюдалось наибольшее накопление дел. Например, на 1916 г. в округе остались неразрешенными 23643 дела (1313 на одного судью). Залеживались, хотя и в меньшем количестве, дела в округе Томского окружного суда. На 1916 г. таких дел накопилось 12353 (726 на одного судью)⁵.

Преобразование 1911 г. позволило почти повсеместно покончить с многофункциональностью мировой юстиции, этим и ограни-

¹ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. С. 238–239; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. С. 402–403.

² Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. С. 17, 19.

³ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218. Л. 47.

⁴ Там же. Д. 261. Л. 184.

⁵ Там же. Д. 321. Л. 11–12, 50–52, 85.

чивалось его значение. В Тобольской губернии теперь было лишь шесть участков с судьями-следователями¹, в Томской — всего четыре². Оставшиеся следственные судьи по-прежнему испытывали перегрузки. По участкам трех из таких в Томской губернии отложились некоторые сведения в архиве: в двух возникало в два раза больше нормы следственных дел, в одном — в три раза³. Увеличение штата позитивно сказалось на работе местного суда в Тобольской губернии, но в значительно большей по населению Томской губернии мировая система правосудия осталась в кризисном состоянии вплоть до падения царского режима.

Десятилетие функционирования коронного суда в Западной Сибири вскрыло недостатки и в его устройстве. Возложение множества обязанностей на окружные суды, их неукomплектованность, недостаточное финансирование, нерациональный режим работы (особенные и дополнительные сложности представлял изнуряющий чиновников и приносящий сомнительную пользу делу правосудия порядок интенсивных выездных сессий), недоступность для подданных — те проблемы, которые требовали немедленного решения.

Чудовищная волокита была свойственной деятельности окружных судов Западной Сибири с самого начала их функционирования. Официальная статистика ужасала: несмотря даже на увеличение штата в 1900 г. (всего в западносибирских окружных судах прибавилось девять членов)⁴, Томский окружной суд к 1902 г. вышел по количеству прошлогодних дел на первое место среди более чем сотни окружных судов империи (Тобольский окружной суд на четвертом месте)⁵. В 1909 г. по числу накопленных дел они же занимали третье и четвертое места в империи⁶. В то время

¹ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 371. Л. 135–139.

² ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 321. Л. 11, 50–52.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 109. Л. 116 об.

⁴ ПСЗ-III. Т. 20. № 17973.

⁵ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. Вып. 17. Ч. 1. СПб., 1903. С. 62–71; Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. Вып. 17. Ч. 2. СПб., 1903. С. 16–17.

⁶ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. С. 110–119.

ежегодные отчеты министра юстиции регулярно отмечали эти суды в качестве самых проблемных мест всего вообще российского правосудия¹. Им принадлежало бесславное лидерство по поступавшим делам «важнейших» категорий, а именно этот показатель И. Г. Щегловитов характеризовал «наиболее верным» в оценке судейского труда. Нормальным считалось ежегодное поступление 150 таких дел на одного работника, но, по сведениям Министерства юстиции, в 1901–1903 гг. в Западной Сибири наблюдалось огромное превышение нормативов: в томском суде — 268 дел, в тобольском — 355! По указанной категории производств Тобольскому окружному суду принадлежало абсолютное первенство среди всех окружных судов страны².

После штатного дефицита может быть наиболее очевидной причиной перегрузок окружных судов являлся их командировочно-сессионный режим. В крае они ездили чрезвычайно часто, далеко и долго. Средняя выездная сессия Тобольского окружного суда отнимала обычно около недели только на дорогу³, а вне Тобольска в 1900 и 1901 гг. учреждение проводило их по 28, на что, включая время в пути, затратило всеми своими составами вместе в 1900 г. 490 дней, в 1901 г. — 483. Чуть более 60 дней ежегодно в командировках проводил каждый член суда. Совершенная впервые в 1905 г. поездка в северные Сургутский и Березовский уезды длилась полтора месяца. На 1903 г. средняя продолжительность отдельной сессии составляла в этой губернии 6.8 дня⁴. В Томской губернии, по данным на 1907 г., большинство сессий — 18 из 33 — было проведено в южных уездах, члены суда израсходовали на них 188 из всего 308 дней. Там, на удаленном Алтае, где отсутствовали железные дороги, каждая сессия в среднем составляла 10.5 дней, на севере — 8, при общей по губернии продолжи-

¹ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1908 г. СПб., 1909. С. 36; Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1909 г. СПб., 1910. С. 41; Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1910 г. [СПб., 1911]. С. 51; Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1911 г. СПб., 1912. С. 49.

² Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1904 г. Вып. 20. СПб., 1906. С. 23; РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 5 об.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 25 об.

⁴ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 80. Л. 89; Д. 139. Л. 11 об.; Ф. 190. Оп. 1. Д. 21. Л. 1 об.

тельности в 9,3 дня. Крупнейший и срединный по географическому положению на юге Барнаул значительно чаще остальных населенных пунктов губернии посещался окружным судом, члены которого только на путь до него и близлежащих городов затрачивали свыше 300 дней ежегодно¹.

У окружных судов Западной Сибири был более энергичный режим командировок, чем у крупнейших восточносибирских в Красноярске и Иркутске. Количество выездов первого равнялось, например, в 1909 г. — 19, в 1912 г. — 17. В 1902 г. члены этого суда израсходовали на сессии вместе со временем на проезд лишь около 180 дней². Иркутский окружной суд на рубеже первого и второго десятилетий XX в. делал выездных сессий менее 20 ежегодно, посещая Балаганск, Нижнеудинск и совершая единые комбинированные выезды сразу для трех населенных пунктов — Верхоленска, Киренска и Бодайбо. Чем суд из Иркутска превосходил окружные суды Тобольска и Томска, так это длительностью и дальностью отдельной командировки своих членов: те, кто проделывал путь Иркутск–Верхоленск–Киренск–Бодайбо и в обратном направлении, находились вдали от дома, бывало, примерно 50 дней³, а проезжать им приходилось речным и гужевым транспортом свыше 3400 верст⁴.

Распорядок выездных сессий западносибирских окружных судов отличался повышенными интенсивностью и продолжительностью по сравнению с размеренными командировками таких же учреждений к западу от Урала. По естественно-географическим характеристикам наиболее подходящей для сравнения является крупнейшая в Европейской России Архангельская губерния, где судебная система к тому же строилась на одинаковых с юстицией Сибири основаниях. Архангельскому окружному суду приходи-

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 128. Л. 75; ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 80. Л. 89; РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 4 об.; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об.

² Государственный архив Красноярского края (далее — ГАКК). Ф. 42. Оп. 1. Д. 96. Л. 161 об.; Д. 129. Л. 71 об.; Д. 248. Л. 2.

³ ГАИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 193. Л. 1–5.

⁴ Расстояние маршрута рассчитано по: Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. СПб., 1911. С. 329–330.

лось преодолевать порой внушительные расстояния, но, например, по данным на 1901 г., делалось это редко, с высокой степенью путевого комфорта (девять из десяти сессий пришлось на период с поздней осени по раннюю весну, т. е. в дороге использовался не колесный, а более удобный санный гужевой транспорт) и кратко (средняя сессия 4.1 дня)¹.

Режим подвижности окружных судов заслуживал упреки с точки зрения судебской доступности для сибиряков. На заседании Ишимской городской думы 23 февраля 1912 г. городской голова С. Двойников обращал внимание на непривлекательную на его взгляд процессуальную особенность: в свои приезды Тобольский окружной суд не рассматривал апелляционные производства, назначая их к слушанию исключительно в Тобольске². Точно такой же порядок практиковал Томский окружной суд³. С. Двойников заявлял, что порядок приездов суда не удовлетворял горожан, «вынужденных совсем отказываться от ведения некоторых дел в окружном суде»⁴.

Еще в 1897 г. было очевидным, что система окружных судов Западной Сибири в установленном составе и географическом расположении не удовлетворит ни государство, ни население. Жители Тюмени выступили с просьбой о собственном окружном суде уже в 1897 г., предлагая даже под строительство судебного здания внушительную сумму до 150 тыс. руб.⁵ и подав соответствующее ходатайство Н. В. Муравьеву⁶. Барнаульцы начиная с 1903 г. просили учредить в их городе окружной суд⁷, но пока этот вопрос рассматривался, в 1909 г. на Алтае появился конкурент — Бийск, власти которого предлагали бесплатное для Министерства юстиции помещение⁸. 22 апреля 1910 г. последовал закон об установ-

¹ ЦГА Москвы. Ф. 131. Оп. 20. Д. 461. Л. 23–24 об.; Адрес-календарь Архангельской губернии на 1906 г. Архангельск, 1906. С. 35–36.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 52 об.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5658. Л. 11 об.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 52.

⁵ Томский листок. 1897. 3 июля.

⁶ Енисей. 1897. 7 сент.

⁷ РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 948. Л. 5.

⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5658. Л. 26 об.

лении окружного суда все-таки в Барнауле¹. Своей деятельностью новый суд наглядно продемонстрировал, как население нуждалось в нем и насколько правосудие было недоступным ранее: число возникших уголовных дел на юге Томской губернии сразу выросло в 1.4 раза. Такие данные свидетельствовали, что для местных жителей было важнее всегда найти суд на месте, пусть он располагался дальше, нежели ожидать его прибытия. Прокурор Омской судебной палаты В. В. Едличко, сознавая это, немедленно поставил вопрос об открытии нового окружного суда на юге Тобольской губернии — в Ишиме². И. Г. Щегловитов, признавая число дел, поступавших в Тобольский окружной суд, «совершенно непосильным» для его сотрудников, в мае 1914 г. составил проект учреждения Ишимского окружного суда³, но началась мировая война и весьма нужное региону учреждение не появилось.

В 1916 г. по почину местной городской думы возник вопрос о необходимости введения окружного суда в Новониколаевске. Население быстрорастущего и одного из крупнейших городов Сибири, железнодорожного узла, из которого разъезжались поезда во всех направлениях (в 1915 г. с запуском Алтайской железной дороги открылся маршрут и на юг), могло пользоваться правосудием лишь во время выездных сессий Томского окружного суда. Абсурдность подвижности судебной власти в данном районе заключалась в том, что окружные суды Томска и Барнаула совершали транзитный крюк через большой Новониколаевск, чтобы добраться до подведомственных себе мелких уездных городов: первый — до Каинска, второй — до Славгорода (приобрел городской статус в 1914 г.). Положение было настолько ненормальным, что экстренно исправлять его вынуждались пришедшие на смену царизму власти в чрезвычайной обстановке Гражданской войны. 12 октября 1918 г. Административный совет Временного Сибир-

¹ ПСЗ-III. Т. 30. № 33392.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 50–52 об., 59–59 об.; Ф. 158. Оп. 2. Д. 364. Л. 16–16 об.

³ РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 233. Л. 34; Ф. 797. Оп. 92. Д. 167. Л. 2.

ского правительства принял решение о создании Новониколаевского окружного суда¹.

Процесс преобразований судебных учреждений Западной Сибири в начале XX в. показал, что верховная власть не умела деятельно реагировать на судебские и общественные запросы, согласно им корректируя настройки государственной машины. Как демонстрировал случай сибирской юстиции, самодержавие слабо чувствовало динамику происходивших изменений, исправляя недостатки медленно, неохотно и неэффективно. Особенно это контрастировало с действиями приходивших на смену царизму режимов, апробировавших новые механизмы взаимодействия государства и общества. Пытаясь покончить с наследством бесцельной монархии, антибольшевистские правительства периода Гражданской войны в Сибири даже при значительно худших обстоятельствах разработали масштабную программу судебного реформирования². Некоторые из мер учитывали общественное мнение и безусловно отвечали пожеланиям тружеников судебного ведомства. В частности, решение о введении Новониколаевского окружного суда принималось под давлением гражданских союзов — домовладельцев, кредитного и маслодельных артелей³. Упраздненный ранее лишь частично институт судей-следователей⁴, среди юристов давно признанный негодным, теперь подлежал окончательной ликвидации⁵.

¹ ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5, Д. 38. Л. 7; Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–13 об.; Д. 31. Л. 41.

² Намечалось реализовать 25 законопроектов о суде. ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 5. Д. 77. Л. 78–79 об.

³ Там же. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об.

⁴ После закона 28 мая 1911 г. учреждение потеряло значение для запада Сибири, но оставалось очень важным для востока. Так, в Енисейской губернии на 1914 г. судей-следователей было 24 из 39 мировых судей. ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 274. Л. 15–17.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-4369. Оп. 2. Д. 1. Л. 6 об.

ГЛАВА 3. СУДЕЙСКИЙ ПЕРСОНАЛ

Сибирь начала XIX в. вместе с другими окраинами империи унаследовала от предыдущего столетия дефицит людей, способных с пользой для правосудия участвовать в судопроизводстве (например, во времена Уложенной комиссии Екатерины II один из сибирских депутатов говорил, что «нигде так не потребны люди добрых качеств по производству судов, следствий и всяких этого рода дел, как в местах, отдаленных от столичных городов»¹), и в основном обходилась работниками, которые могли предложить свои услуги. Еще до приезда в 1819 г. М. М. Сперанского известность приобрел случай, характеризующий ситуацию, когда, по словам В. К. Андриевича, при малочисленности «добросовестных чиновников» приходилось лиц, «изгоняемых из одного ведомства за предосудительные поступки, принимать на службу в другое». Отданный под суд тарский земский исправник Гуляев, пока производилось расследование, в 1807 г. успел поступить на службу ассессором в Томский гражданский и уголовный суд. Министр юстиции вынужден был из-за малочисленности сибирского чиновничества согласиться с таким положением вещей², а Комитет министров постановить: «Надворного советника Гуляева, согласно мнению министра юстиции, оставить в настоящем его месте, а о том, чтобы впредь все местные начальства не делали представлений об определении к должностям таких чиновников, кои суду преданы и по оному еще не оправданы, для сведения сообщить ко всем министрам с сего журнала копии»³.

А. М. Корнилов, бывший в 1805–1807 гг. поочередно иркутским и тобольским губернатором, вспоминал о такой практике, как вполне устоявшейся. Ему приходилось назначать «за неимением

¹ Цит. по: Головачев П. М. Сибирь в екатерининской комиссии. Этюды по истории Сибири XVIII в. М., 1889. С. 59.

² Андриевич В. К. Указ. соч. С. 282–283.

³ ПСЗ-I. Т. 32. № 25548.

других... чиновников, бывших под судом и не токмо неоправданных, но еще и таких, которых приговором суда определять было недозволенно»¹. Необходимость заставила применять похожий опыт и М. М. Сперанского, который, сознавая, «что места самые необходимые наполнить было нечем», и дабы «не остановить течения дел», провинившихся чиновников переводил из одной губернии в другую, «наблюдая то только правило, чтоб причины удаления не были важны, и чтобы перемещение служило вместе и пеней, и способом к исправлению»². В общем, сибирский генерал-губернатор из-за недостаточного кадрового резерва на места уволенных людей назначал лиц с аналогичными качествами; в трактовке А. И. Герцена это означало, что бывший царский фаворит в Сибири «сотнями отрешал старых плутов и сотнями принял новых»³.

Кадровая политика самодержавия по укомплектованию сибирских учреждений служащими после реформы М. М. Сперанского, в том числе судебными, подробно изучалась Р. Г. Саражиной, которая выделила в ней два основных направления: «Привлечение чиновников из внутренних губерний России с помощью льгот и привилегий, и расширение сети образовательных учреждений»⁴. Однако потенциал чиновничества юстиции в целом она оставила без внимания.

В отличие от М. М. Сперанского, считавшего, что Сибири не хватает не столько людей, сколько правильного устройства учреждений⁵, западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич, на плечи которого легла обязанность обеспечить введение

¹ Корнилов А. М. Замечания о Сибири. Сенатора Корнилова. СПб., 1828. С. 24.

² Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления // Прутенко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899. С. 25–26.

³ Герцен А. И. Былое и думы. Т. 1. Л., 1931. С. 204.

⁴ Саражина Р. Г. Указ. соч. С. 125.

⁵ См., напр.: [Васкель Я.] Из сибирской судебной жизни // Сибирский вестник. 1893. 8 дек.

Сибирского учреждения и наполнить новые органы власти служащими, встретил немалые затруднения. По его словам, он «не мог не чувствовать недостатка в чиновниках с такими достоинствами, кои предполагаются для каждой степени службы, но должен был согласиться на определение таковых, каковы есть, дабы от незамещения мест и должностей не встретить вящих затруднений». Юристов в крае не было, а знатоками правоповедения считались уже те лица, которые имели способность следовать несложным процедурам: «Все знание, какое здешний класс чиновников приносит на службу государственную, заключается в механической привычке к формам делопроизводства, в длинном и перепутанном составлении бумаг, так что высший начальник или судья приписывает себе особенное искусство, если успеет понять сущность дела. После сего при встрече несколько запутанного происшествия редко найти следователя, который бы умел вести дело по истинным вопросам, и не распространяя его далее надлежащих границ, умел еще представить неумолимое изложение. Редко найти секретаря, который бы при искусстве законоведения, имел способность излагать все в ясном статском слоге, какой приличен степени и важности императорской службы. Редко найти советника, который бы зная государственные уставы, был благонадежным помощником своему месту»¹.

Собственных специалистов с высшим образованием в Сибири не готовили, хотя еще с 1803 г. существовала идея учреждения в крае университета². Необходимость такого заведения и, вообще, поднятие образовательного уровня сибиряков, по мнению П. М. Капцевича, диктовалась потребностями управления. Он восклицал: «Сколько части судная и исполнительная выиграли бы в краткости и ясности делопроизводства в скорости и правильности удовлетворения! Если бы чиновники во всех степенях службы были достаточно образованы! Сколько высшие места правительства тогда облегчились бы в трудах рассмотрения»³!

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 7–7 об.

² Первый сибирский университет // Вестник Европы. 1879. № 11. С. 58.

³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 8.

В середине XIX столетия Н. Н. Анненков, констатируя, что «главное местное начальство вынуждено и ныне действовать столь же снисходительно и часто допускать и терпеть на службе людей малоспособных и ненадежных», напомнил о неоднократных предположениях об открытии сибирского высшего учебного заведения, которые «по не изысканию достаточных для сего средств остались без последствий»¹. «У нас нет высших учебных заведений и очень мало лиц, развитых образованием даже в средних учебных заведениях», — такие препятствия для должного укомплектования судебного аппарата отмечались в начале 1860-х гг. руководителями Тобольского губернского суда А. И. Папкевичем и В. А. Андрониковым².

В конце столетия почти ничего не поменялось: кадровый дефицит не исчез, а провинившиеся чиновники не изгонялись из управленческой среды. О такого рода ротации и ее влиянии на общество писал один из публицистов в 1896 г.: «Этот же “недостаток людей” вынуждает назначать на разные должности тех же самых чиновников, которые уже не раз и не два “удалялись” и по прошению, и без прошения, и даже с отданием под суд за всякого рода упущения, злоупотребления и пр. Как деморализуют обывателя эти повторные назначения уже раз удаленных от службы лиц! Ему не понятны скрытые пружины рокового вопроса. Он видит одно: человек, вчера смещенный с должности за какое-либо явное для всех беззаконие, быть может, надругавшийся над его честью и достоинством, сегодня снова получает власть»³.

Кто угодно и когда угодно мог стать судьей в сибирских условиях. Такая доступность, помноженная на непрестижность судебной службы и ее незначительное вознаграждение, способствовала проникновению в ряды ведомства юстиции лиц, не только не озадаченных успехами правосудия, но и сознательно использующих

¹ Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. // Прутченко С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения. С. 351.

² Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. СПб., 1863. С. 285–286.

³ Томский листок. 1896. 5 дек.

свое служебное место в видах упрочения своего личного благосостояния. Корреспондент «Сибирского вестника», характеризуя безответственность местного судебного персонала, писал: «Я чувствую, я вижу, как смех разберет каждого, кто представит себе сибирского судебного человека, который пожелал бы похвалиться тем, как у него дела идут»¹!

По большей части провалами характеризовалась деятельность дореформенных судей, что во многом связано с их служебной непригодностью. В Томском окружном суде в 1830 г. из четырех заседателей лишь один признавался генерал-губернатором А. И. Вельяминовым способным производить дела, а прочие «не имели ни надлежащих сведений, ни способностей к сим должностям, что и поставляло главнейшей преградой к успешнейшему ходу дел по окружному суду»². Через несколько лет томский губернатор Е. П. Ковалевский, обнаружив окружные суды губернии «не в весьма хорошем состоянии», главные причины этого усмотрел в «совершенном недостатке в канцелярских служителях, неимении исправных заседателей и недостатке судей по некоторым судам»³. В 1860 г. другие ревизоры признали ишимского окружного судью «не имеющим самостоятельности и малоопытным», заседателя того же суда — «малосведущим»⁴. В 1876 г. дефицитом «добросовестных служащих» объясняли проверяющие неудовлетворительное ведение делопроизводства в Мариинском окружном суде⁵.

Тобольский губернатор В. А. Арцимович в переписке с генерал-губернатором Западной Сибири Г. Х. Гасфордом в 1856 г. представил обобщенный взгляд на служащего судов первой инстанции: «В Сибири хороший окружной судья и способный, и честный заседатель составляют редкое исключение, и недавно еще, при Бурцевых, Чуловских и Пребстиных, большая часть чиновников, служащих в окружных судах, отличалась или неспособностью

¹ Сибирский вестник. 1885. 13 июня.

² ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 71. Л. 21 об.

³ Там же. Ф. 3. Оп. 13. Д. 53. Л. 2-2 об.

⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4573. Л. 20 об.

⁵ Там же. Оп. 9. Д. 3738. Л. 17.

и незнанием законовещения, или расположением и наклоном к корыстолюбию»¹.

С оговорками, «более или менее знающими дело чиновниками», называли члены Тобольского губернского совета служащих окружных судов в 1860 г.², но и такое впечатление могло быть обманчивым: преисполненные собственной значимости, сибирские чины умели себя преподнести. Так, В. И. Вагин, попавший в местную чиновную среду на рубеже 1830–1840-х гг., позже вспоминал: «Атмосфера, которая меня теперь окружала, была гораздо выше меня, и я не успел еще с ней освоиться... В то время я еще не умел отличать истинный ум и образование от внешнего лоска и нередко принимал одно за другое; поэтому случалось, что я смотрел с особенным уважением даже на людей ограниченных, но больше меня привыкших к обществу»³.

Сословные суды также комплектовались некомпетентными людьми, что послужило поводом от них отказаться. И. А. Вельяминов прямо указывал на то, что члены Томского городского суда были «невежественны»⁴. В 1859 г., когда участь судов городских сословий в Западной Сибири уже была решена, Г. Х. Гасфорд доводил до сведения Сибирского комитета: «Между купеческим и мещанским сословием там весьма трудно найти людей с тем образованием и сведениями, какие нужны для исполнения обязанности городских судей, то эта часть управления находится везде в более или менее неудовлетворительном состоянии, от чего неизбежно терпят и благосостояние частных лиц, и общественное спокойствие и порядок»⁵.

Кадровые проблемы судебной системы объяснялись просто. Томский губернатор В. И. Мерцалов спрашивал: «Кто, например, из лиц, получивших высшее образование, согласится ехать в Сибирь на должность окружного судьи, оплачиваемую 600 руб.

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4400. Л. 7–7 об.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 1160. Л. 239 об.

³ Вагин В. И. Мои воспоминания // Мемуары сибиряков. XIX век. Новосибирск, 2003. С. 78.

⁴ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 71. Л. 25.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4400. Л. 8–8 об.

в год»¹? В 1881 г. во время его губернаторства в составе окружных судов Томской губернии среди окружных судей и заседателей было только два с высшим образованием, причем один из них исполнял обязанности окружного судьи временно². Члены Совета Главного управления Западной Сибири во главе с генерал-губернатором А. П. Хрущовым считали, что «Сибирь не привлекает в настоящее время чиновников из внутренних губерний, где ныне всякий развитый и дельный человек находит обширное поле для своей деятельности»³.

Генерал-губернатор Г. В. Мещеринов обращал внимание и на неравное денежное обеспечение ведомств, которое препятствовало должному укомплектованию менее финансируемых из них. Так, чиновники акцизных управлений и контрольных палат «достаточно обеспечивались жалованием» и «сведущие исполнители» предпочитали служить в таких учреждениях, нежели «по судебной и административной частям»⁴.

Потому судьи, как правило, имели низкую профессиональную подготовку, и о них сибиряки говорили, что они «не только ничего не понимают в законах, но даже народ малограмотный»⁵. Сибирское чиновничество обладало и сомнительными качествами этического свойства, что напрямую связывалось с недостатком кандидатов на должности. Еще М. М. Сперанский указывал: «Отдаленность, в некоторых местах дороговизна, разные трудности жизни и особливо воспитания детей, делают службу в Сибири таким пожертвованием, на которое редкие решатся. Открытие каждого праздного места в Сибири есть предмет затруднения: ибо нет людей, ожидающих и готовых к помещению; должно вызывать из России и большей частью вызывать наудачу. Нравствен-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 6.

² Там же. Оп. 2. Д. 1953^а. Л. 3 об.-540 об.

³ ГАТ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 18. Л. 54 об.

⁴ Коллекция Государственного автономного учреждения культуры Тюменской области «Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник» (далее — ГАУК ТО «ТГИАМЗ»). Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1880–1881 г. Л. 3.

⁵ Сибирская газета. 1882. 28 нояб.

ность в чиновниках достигается строгим их выбором, но где избирать некого, там не может быть и строгости в выборе»¹.

Злоупотребления, неудовлетворительное отношение к службе, следование всяким человеческим порокам — все было замечено за судебными чиновниками. В. И. Мерцалов в качестве распространенной служебной традиции выделял «взяточничество, бывшее в крови местного чиновничества, являвшееся повседневным, узаконенным так сказать обычаем и многолетней практикой»². Конечно, судебские служащие не выделялись из общей картины. «Искусными взяточниками» называл этих чиновников В. А. Арцимович³.

Будни судебных работников наполнялись невежественными развлечениями: «Обывателю доподлинно известно, что “в персонале” есть удивительные субъекты — такие, что рассказы о них покажутся совершенно невероятными. Кто поверит, например, что члены суда дают своему коллеге, судье, подписку в том, что они в течение шести месяцев водки пить не будут, и что в случае нарушения этого, предоставляют, ему, судье: один высечь его в присутствии трех свидетелей, а другой — назвать подлецом? Вещь невероятная, а между тем существуют действительно люди, которые, прочтя эти строки, скажут — “это правда”. Правда и то, что вместо дела из суда окружного в губернский была выслана выкройка штанов»⁴.

О нравственном разложении свидетельствовало распространение пьянства среди служащих, негативно воздействовавшее на население. «Вредно и их влияние на простой народ, с которым они почасту дружатся, пьянствуют, подавая пример и наставление в разврате», — писали Г. Х. Гасфорд и А. И. Папкевич о повадках сибирских служащих⁵. Так, в 1876 г. окружной судья и заседатель Томского окружного суда не являлись в суд и пьянствовали, пропивая и проигрывая в карты казенные деньги. Однажды они

¹ Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления. С. 24.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 5 об.

³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4400. Л. 7–7 об.

⁴ Сибирский вестник. 1885. 13 июня.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3410. Л. 101.

проиграли 750 руб. государственных средств¹. Качество судебного персонала характеризовала ситуация, сложившаяся в Тобольском губернском суде в том же году. Исполняющий обязанности председателя этого суда П. А. Волков, как говорилось в анонимном доносе генерал-губернатору Западной Сибири Н. Г. Казнакову, «не ходил в суд по случаю пьянства, а если и бывал, то в самом пьяном виде, так что не в состоянии держаться на ногах, падал перед просителями». Посетители уходили ни с чем, некоторые больше не приходили, а тех, кто все-таки решался еще раз навестить в суд, встречала та же картина. Члены судебного учреждения, «пользуясь слабостью председателя», редко посещали место своей работы. Генерал-губернатор отреагировал на эти беспорядки: сначала назначил проведение ревизии губернского суда, а затем поручил возбудить уголовное расследование, которое проводил Н. С. Знаменский².

Результаты проверки отражены во внушительной по объему «Записке о ревизии Тобольского губернского суда в 1876 году». В документе подчеркивалось, что найденные беспорядки — это проявление кризиса всей архаичной системы правосудия, ведь «отступления от законного порядка производства» в суде «настолько значительны и так укоренились... с течением слишком продолжительного времени, что нет никакой возможности рассчитывать восстановить нарушенный порядок». Общие выводы после обследования обозначались как «крайне неутешительные»; судейские чины во главе с председателем не осуществляли «должного наблюдения за движением дел», относились к работе с нерадением, слишком «апатично выполняли свои служебные обязанности»³. К тому же они допустили «умышленные неверности» в представленной судом именной ведомости о делах гражданского отделения и совершили подлоги с целью сокрытия той ведомости⁴.

Начальство в сибирских условиях было ограничено в принятии кадровых решений и применении мер воздействия на чинов-

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 3738. Л. 4.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 750. Л. 8, 12; Д. 751. Л. 4–4 об., 9–10.

³ Там же. Оп. 35. Д. 319. Л. 2 об.–3, 18 об.–19.

⁴ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 750. Л. 59.

ников. П. М. Капцевич рассуждал: «Если взыскивать с виновных со всей строгостью, как то в порядке службы и должноствовало бы, т. е. сперва штрафовать денежной пеней, а далее отрешать от мест, то, во-первых, не достанет у чиновников жалования на zapлату пеней, кои, судя по многим неисполнениям, должны быть значительны; а, во-вторых, для определения на места отрешаемых не будет людей, так как и без того встречаются всегда затруднения в приискании прямо способных и достойных чиновников»¹. Через пятьдесят лет, в 1871 г., А. П. Хрущов обратился к той же проблеме: «Спрашивается, есть ли возможность найти на эти места развитых людей и можно ли карать, со всей строгостью закона, нынешних членов суда, за то, что они иногда по неразумению дают ошибочное направление делам»².

Действительно, только «угроза лишением жалования, имения, жизни» являлись «лучшими средствами обеспечить правосудие» при дореформенном строе³, и наказание было наиболее эффективным способом восстановить нарушенный порядок. Так, решением Совета Главного управления Западной Сибири 4 января 1855 г. «удалялись» от должностей окружной судья и двое из трех заседателей Тюменского окружного суда (вообще, им чудом удалось избежать «предания суждению», о чем ставился вопрос), в 1863 г. «за лихоимство предавался суждению заседатель Тобольского окружного суда»⁴.

Между тем прогресс сибирской жизни менял состав судебных деятелей в лучшую сторону. Появлялись люди, видевшие своим назначением служение справедливости. Одним из таких являлся Е. Ю. Баршевский. Он родился в 1849 г. в Эстляндской губернии и в возрасте трех лет переехал с родителями в Томск, по месту службы отца-почтмейстера. Будущий председатель суда, окончив частную томскую гимназию, завершил образование в 1872 г. в Казанском университете со званием действительного студента и как

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 41–41 об.

² ГАТ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 18. Л. 54 об.

³ См.: Коркунов Н. М. Юридическая хроника // Журнал гражданского и уголовного права. 1879. Кн. 2. С. 150.

⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2733. Л. 206–207 об.; Д. 3214. Л. 2; Оп. 3. Д. 4960. Л. 11.

«казенный» студент обязывался в течение восьми лет находиться на государственной службе в Сибири. С 1873 г. жизнь Е. Ю. Баршевского навсегда связывалась с ведомством Министерства юстиции. Сначала он зачислялся томским окружным стряпчим, а два года спустя — советником Томского губернского суда¹. В течение трех с лишним лет он трудился в Степном крае в качестве уездного судьи и там «снискал любовь и совершенное доверие всего населения и русского, и киргизского»², а затем кратковременно занимал должности семипалатинского областного прокурора и председателя Тобольского губернского суда. 28 января 1881 г. Е. Ю. Баршевского назначили председателем губернского суда в Томске³, этот пост он занимал до конца своих дней.

В Томском губернном суде того времени сосредоточились самые разнообразные проблемы, свойственные деятельности всей сибирской судебной системы. Многофункциональность, катастрофическая нехватка финансирования, сомнительная квалификация сотрудников, устаревший порядок судопроизводства, в условиях которого, по свидетельству одного современника, даже «честные люди не в силах судить здесь по правде», а «судят поверхностно, чтобы дело сбыть с рук»⁴ — те обстоятельства, с какими приходилось по мере возможностей бороться и мириться Е. Ю. Баршевскому. Стремясь избавить сибирскую юстицию от ее дурной славы, он взялся за наведение порядка в губернном суде, пытался привить судьям должное отношение к своим обязанностям, подбирал достойных работников⁵. Стараниями председателя Томский губернский суд заслужил известность учреждения с лучшим составом сотрудников сибирской провинции⁶. Благодаря Е. Ю. Баршевскому окончательно отошли в историю нормы

¹ Сибиряк. Забытый сибирский деятель (биографическая заметка) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. № 2. С. 70–72.

² Сибирская газета. 1887. 1 марта.

³ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 207. Л. 30.

⁴ О положении дел в Томском губернном суде см.: Сибирская газета. 1882. 28 нояб.

⁵ Сибирский вестник. 1887. 25 февр.

⁶ См.: Томич. Письма из Томска // Тобольские губернские ведомости. 1894. 5 июня.

о формальных доказательствах. Но сам председатель Томского губернского суда не успел воспользоваться плодами своей созидательной деятельности. В феврале 1887 г. он скончался от острой сердечной недостаточности, спровоцированной ревматизмом, «заработанным» в Степном крае. Его высокие человеческие качества оставили о нем благие воспоминания. Когда брат Е. Ю. Баршевского К. Ю. Баршевский в 1890 г. просился на службу в Томскую губернию, свой выбор он объяснял исключительно тем, «что губерния эта дорога мне как память о любимом брате»¹.

Реформируя сибирскую судебную систему в 1885 г., чиновники Министерства юстиции позаботились, чтобы с реализацией Временных правил 25 февраля 1885 г. привлечь в судебные учреждения Сибири судебных деятелей из других регионов. Около трети назначенных приказом от 1 октября 1885 г. министром юстиции на вновь установленные в Западной Сибири судебные посты чиновников переводились из Европейской России и Степного края². Реформа и предшествующие ей проверки стали существенной встряской для служащих сибирских судов. Тогда, как писал «Сибирский вестник», «председатели, прокуроры, советники, стряпчие, секретари, столоначальники, регистраторы и иные чины того мира, который называется “судебным”, с состоящим при нем “надзором”, пережили минуты томительного ожидания». Волнение чиновников связывалось с приездом ревизоров и объяснялось следующим образом: «В среде их, власть имущих, должен прийти некто, ознакомиться со всеми и, и затем не с гласом трубным, не с громом и треском, а с одним простым словом — “отчисляется” — у всех или у многих выскользнут сидения, и они очутятся в положении промежуточном, меж стульев»³. Через месяц та же газета сообщала о развитии событий именно по такому сценарию: «Нам пишут из Тобольска, что результат ревизии местных губернского и окружных судов оказался, как и следовало ожидать, в высшей степени неблагоприятным для старых судебных деятелей. По частным сведениям, из наличного состава

¹ ГАТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 592. Л. 3.

² ГАТюМО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 379. Л. 20–23 об.

³ Сибирский вестник. 1885. 13 июня.

тобольских жрецов Фемиды никто не войдет в преобразованные судебные учреждения»¹.

Снова вставала проблема замены уволенных со службы. В целом преобразование 1885 г. не создавало условий для привлечения на судебные должности грамотных и достойных людей. В учебных заведениях давно не преподавались применявшиеся в Сибири нормы судопроизводства, а приезжавшие в край судебные деятели лишь на месте узнавали об их существовании². Судьи, решившиеся приехать из Европейской России в Сибирь, стремились вернуться обратно³. В результате некоторые члены судов были юридически безграмотны⁴, отдельные не имели никакого образования⁵, а на судебные места назначались, по мнению чинов Министерства юстиции, «непригодные лица»⁶. П. В. Вологодский, вернувшись после исключения из Санкт-Петербургского университета в 1887 г. домой, позже, уже в эмиграции, вспоминал о тех, кто работал в судебной системе: «Что касается советников губернского суда и заседателей окружных судов, то там были прямо-таки раритеты, чисто гоголевские типы»⁷.

Известный адвокат, издатель томского «Сибирского вестника» В. П. Картамышев писал, что досудебные расследования по-прежнему проводили безграмотные полицейские чиновники, судили всегда пьяные заседатели, а население оставалось в плену бесчисленных «ходатаев», большинство которых являлись ссыльными по уголовным делам⁸. Поведение сотрудников юстиции часто совершенно не соответствовало их званию: двое из трех заседателей Ишимского окружного суда не выходили из «запоев», являлись на службу пьяными, валялись на улицах, один заседа-

¹ Сибирский вестник. 1885. 18 июля.

² См.: Геллертов Н. П. Усиление следственной части в Тобольской губернии // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 7. С. 34; РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 89 об.

³ Арефьев Н. Указ. соч. С. 54.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 37.

⁵ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1000. Л. 5.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 7.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299. Л. 7.

⁸ Сибирский вестник. Томск. 1885. 16 окт.; 1886. 1 мая.

тель прислуживал купцам во время ярмарок¹. Председатель учреждения Ф. И. Григорьев заставлял подчиненных «совершенно голословно» составлять отчетные ведомости². Вскоре его обвинили в растрате и отстранили от должности. Против назначенного на вакантное место судьи, ставшего негодным старому составу суда, плелись интриги³.

Наибольшие упреки ревизора П. М. Бутовского вызвала деятельность и контингент Туринского окружного суда, признанного им «самым слабым» из всех обревизованных судов. Окружной судья П. А. Арзамасов и заседатели «вели нетрезвую жизнь», «позволяли себе появляться пьяными на улицах и в судебных заседаниях». Даже во время ревизии председатель суда «был заметно выпивши», а на другой день явился к проверяющим «совершенно пьяным, так что вести с ним какие-либо служебные объяснения оказалось невозможным». Судьи вместе с тем «обнаружили отсутствие самых элементарных юридических сведений и почти полную бездеятельность», дилетантски ссылаясь на какие-то выдуманные «сибирские законы». Судебные приговоры составлял в данном присутствии писец, а окружной судья, который должен был заведовать гражданской частью, перепоручил эту обязанность столоначальнику⁴.

В ходе реформы 1897 г. на территории Сибири и Дальнего Востока учреждалось 173 должности мировых судей (в Тобольской губернии 37 участковых и 2 добавочных мировых судьи, в Томской соответственно — 32 и 2), чего было ничтожно мало. Выбранный метод подсчета необходимого количества мировых судей оказался неправильным. Поскольку сибирским мировым судьям предписывалось исполнять две основные обязанности, для них уменьшили вдвое принятые в России предельно высокие нормы нагрузок судей и следователей. Сибирским судьям-следователям предлагалось разбирать ежегодно не более 500–600 дел мировой юрисдикции и 70–80 следственных дел. Примени-

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 33–34.

² ГАТюмО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 386. Л. 55–56, 109.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 33–34.

⁴ Там же. Л. 37–41.

тельно к Тобольской и Томской губерниям собирались данные за последние три года о поступлении в дореформенные суды дел в пределах подсудности, проектируемой для сибирских мировых судей. Полученное число разделили на годовые нормы рассмотрения дел мировыми судьями империи¹. Таким образом, определялся количественный состав мировой юстиции Западной Сибири.

Метод определения этих норм не учитывал особенностей сибирских условий. Во внимание фактически не принималась многофункциональность сибирских мировых судей. Игнорировался прежний опыт проведения судебных реформ в России на основе Судебных уставов, когда количество дел, поступавших в новые суды, всегда возрастало. Знали об этом и члены комиссии, готовившей судебное преобразование в Сибири. Так, С. Г. Коваленский в своей записке писал: «Нет никакого сомнения, что число дел мирового разбирательства, как то показывает пример всех тех местностей, где введено было улучшенное судебное устройство, в первый же год введения реформы неминуемо возрастет»². «Значительное возрастание» дел с введением в крае новых судов прогнозировал и Н. В. Муравьев³.

Умышленно не замечался фактор быстрого роста населения Сибири. Данные о количестве возникших дел, собранные в 1893 г., могли оказаться совершенно не отражающими реального положения ко времени введения в крае в 1897 г. мировых судов. С ошибками происходило распределение мировых судей по губерниям. В большей по населенности примерно на полмиллиона жителей Томской губернии⁴ учреждалось на 5 меньше, чем в Тобольской губернии должностей мировых судей.

Министерские чиновники прекрасно сознавали, что мировой суд вводился в недостаточном составе. В «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири» сравнивался штат устанавливаемой местной юстиции в Тобольской губернии со штатом примерно одинаковой по населенности,

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 159–162, 158.

² Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 10 об.

⁴ См.: Азиатская Россия. Т. 1. С. 88.

но меньшей в 30 раз по площади Могилевской губернии. В ней работали 59 мировых судей и судебных следователей, тогда как в Тобольской губернии их учреждалось всего 44¹.

Отыскиваются и более показательные сравнения. В Псковской губернии, меньшей в 2 раза по населенности и в 20 раз по площади, в свое время действовало на 9 мировых судей и судебных следователей больше, чем предполагалось установить в Томской губернии². Сами министерские чиновники, характеризуя число вводимых в Западной Сибири мировых судей, говорили о нем как о «крайне умеренном»³, а Н. В. Муравьев называл его «минимальным». Министр полагал, что в будущем потребуется увеличить состав мирового суда⁴.

Еще в 1889 г. А. Клопов предлагал учредить в Тобольской губернии 38, Томской — 37 мировых судей исключительно с судебными обязанностями⁵. Тобольские губернский прокурор и председатель губернского суда считали нужным в Тобольской губернии ввести 29 мировых судей и 20 судебных следователей⁶. Министерство юстиции в 1882 г. попыталось изучить вопрос о применимости мирового суда к условиям Сибири. Тогда чиновники исходили из того, что мировой судья способен «обслуживать» район с живущими не более 30 тыс. жителей⁷. Население Тобольской губернии в 1897 г. равнялось примерно 1 млн 440 тыс. чел., Томской — 1 млн 920 тыс. жителей⁸. Если принять во внимание предложенную в начале 1880-х гг. норму населенности мирового участка, то в первой из губерний штат мировой юстиции должен был состоять из 48, во второй — из 60 судей.

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 160 об.

² См.: Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. С. 16.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 160.

⁴ Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 403–404.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 39.

⁶ Там же. Д. 9921^а. Л. 22–22 об.

⁷ Там же. Оп. 69. Д. 7107^в. Л. 8–8 об.

⁸ Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1897 г. Вып. 13. СПб., 1899. С. 28–29.

Правительство игнорировало вопрос и о достаточном укомплектовании сибирской общей судебной системы. Чиновники, разрабатывающие проект судебной реформы в крае, судя по всему, намеренно выбрали неправильный метод исчисления необходимого числа служащих окружных судов. В «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири» говорилось, что ежегодно члены судов «по опыту успевают отправлять каждый по 450 дел». На эту цифру чиновники Министерства юстиции механически разделили среднее годовое число дел, возникавших в первой половине 1890-х гг. в губернских дореформенных судах. В состав Тобольского окружного суда, таким образом, включались 8, в штат Томского — 7 членов суда¹, чего в условиях легко прогнозируемого увеличения следствий в конце 1890-х гг. было недостаточно. Поэтому окружные суды края еще до начала своей деятельности обрекались на перегруженность делами и медленность их рассмотрения. Такие последствия казались неизбежными и некоторым сибирским публицистам².

Поскольку сейчас вводились Судебные уставы, особое внимание в ходе проведения реформы уделялось качеству служебного персонала. 15 мая 1896 г. Николай II в особом рескрипте на имя Н. В. Муравьева выразил «твердую уверенность в том, что судебные деятели, которые будут призваны к служению во вновь образуемых судебных установлениях Сибири, проявят беззаветную преданность долгу и неустанную энергию в исполнении своих обязанностей и с полною готовностью посвятят свои силы и знания делу устроения правосудия на далекой сибирской окраине». Император «поручил особой заботливости» министра юстиции принятие необходимых мер по наполнению реформируемых судов края «подготовленным и надежным составом должностных лиц». 25 мая 1896 г. министр разослал старшим председателям и прокурорам судебных палат Европейской России циркуляр с просьбой до 1 октября сообщить сведения о судебных деятелях, желавших работать в Сибири, а также «по способностям, примерной служебной деятельности и безупречным нравственным

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 167–168.

² См., напр.: Сибирский вестник. 1896. 2 июня.

их качествам» заслуживавших вступить на судебские посты в далеком крае¹.

Чиновники Министерства юстиции принимали меры для стимулирования приезда в Сибирь судебных деятелей из Европейской России. Желавшие переехать могли рассчитывать на получение специальных пособий «на подъем и обзаведение», выдаваемых в размере годового жалования семейным чиновникам и его трети — холостым². Тех, кто уже работал в Сибири, могло заинтересовать повышение окладов по сравнению с дореформенными. Этим материальные выгоды ограничивались. Из заявлений Н. В. Муравьева следовало, что возглавляемое им ведомство делало ставку на моральное стимулирование труда сотрудников, перспективах их карьерного роста и вытекавшего из этого возможного повышения жалования в будущем. Министр перечислил несколько причин, способных побудить чиновников вступить на сибирскую судебную службу: будущность, «быть может, периодических прибавок к содержанию»; «повышение при назначении в Сибирь с низших должностей во внутренних губерниях»; «старательно поддерживаемая надежда, по особо усердном и полезном прослужении известного срока, получить новое повышение или перемещение в лучшую местность»; «идеальное стремление посылить поработать на симпатичной, вновь пролагаемой дороге к правде и законности, желание побороться, во имя света и добра, против зла и мрака»³.

Несмотря на то что далеко не все из перечисленных стимулов сулили судебным работникам реальную выгоду, Министерству юстиции удалось добиться их массового переселения из Европейской России за Урал, причем, по оценке П. В. Вологодского, таковых отбирали весьма «тщательно»⁴. Статистические данные показывают, что 47% всех назначений выпало на долю людей, так или иначе знакомых с Сибирью, а 53% лиц, занявших должности

¹ ЦГА Москвы. Ф. 131. Оп. 24. Д. 371. Л. 1.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 49.

³ Муравьев Н. В. Указ. соч. С. 405

⁴ В-й П. [Вологодский П. В.] Годовщина судебной реформы в Сибири // Сибирская жизнь. 1898. 2 июля.

в сибирских судебных установлениях, увидели этот край впервые¹. Означенная мера позволила поднять на небывалую высоту общий образовательный уровень сибирских судей. Из всего числа лиц, назначенных в новые суды Сибири, 81.5% получили высшее юридическое образование, 10.3% — высшее неюридическое и лишь 8.2% не имели диплома о высшем образовании, но обладали достаточной юридической практикой². Привлечение квалифицированных судебных деятелей в сибирские суды следует считать одной из главных положительных черт судебного преобразования 1897 г. К примеру, в Томской губернии после реформы все члены окружного суда, судебные следователи, мировые судьи, за исключением двух, имели высшее в основном юридическое образование³.

Однако приехавшие могли уехать и в связи с этим становилась насущной необходимостью готовить квалифицированные кадры на месте. В конце XIX в., пожалуй, осталось мало людей, кому надо было доказывать нужность юридического факультета при уже существовавшем Томском университете. «Достаточно ли для необъятной Сибири одного факультета, даже одного университета? — спрашивал корреспондент “Сибирского вестника”. — Нужны ли для общества только врачи и на огромную площадь с увеличивающимся ежегодно населением — один факультет? Это вопросы, ответ на которые очевиден сам собой. Нам нужны все факультеты и, прежде всего, юридический, который давал бы нам высокообразованных, гуманных судей, администраторов, юристов, общественных деятелей»⁴! Во время празднования открытия новых судебных учреждений в июле 1897 г. Н. В. Муравьев уже выслушивал благодарности, в том числе попечителя Западно-сибирского учебного округа В. М. Флоринского, за его продвиже-

¹ См.: Плотников М. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 2. С. 201; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. С. 40; Тобольские губернские ведомости. 1897. 26 июля.

² Замещение должностей в новых судебных учреждениях Сибири. С. 117–118; Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. С. 40–41.

³ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 324. Л. 17–18 об.

⁴ Сибирский вестник. 1893. 8 дек.

ние в правительстве вопроса о дополнении единственного сибирского вуза юридическим подразделением¹.

Факультет учреждался 29 декабря 1897 г.², и этот акт сибирским обществом напрямую связывался с недавней судебной реформой. «Сибирская жизнь» писала: «Ход правительственных начинаний на пользу Сибири обнаружил крайнюю необходимость иметь подготовленных на месте, близко знакомых с местными условиями деятелей с юридическим образованием. Введение в Сибири новых Судебных уставов подтвердило указанную необходимость»³. В адресе Томской городской думы также указывалось на такую обусловленность полученного регионом блага: «Текущая жизнь края, в особенности, с введением в нем уставов императора Александра II, показала, что если для Сибири нужны врачи, то в видах интересов правосудия не менее нужны и юристы, близко знакомые с местными условиями жизни, нравами и обычаями населения, и в этом отношении тот же университет, по воле монарха, открывает сегодня в своих стенах юридический факультет»⁴.

В официальную историю Министерства народного просвещения учреждение нового подразделения вошло как «важная мера»⁵. Его торжественное открытие состоялось 22 октября 1898 г.⁶. А. П. Карнаков, преисполненный пониманием значимости происходящего, советовал томичам в этот праздничный день «украсить свои дома флагами, а вечером иллюминировать», сознавая, что такое событие носит общесибирский характер, просил глав других городов края отметить его, городская дума же учредила стипендию будущим студентам⁷.

¹ Томский листок. 1897. 13 июля.

² ПСЗ-III. Т. 17. № 14841.

³ Сибирская жизнь. 1897. 31 дек.

⁴ ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2446. Л. 3.

⁵ Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 710.

⁶ См.: Годичный акт в Императорском Томском университете 22 октября 1898 г. Томск, 1899.

⁷ ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 2446. Л. 1–2.

За первые пять лет существования юридического факультета в Томском университете на него был зачислен 451 человек¹, а первые студенты покинули alma mater с дипломами в 1902 г.². Позже количество обучаемых Томским университетом юристов составляло: к 1 января 1909 г. — 438 студентов³, к 1 января 1910 г. — 459, к 1 января 1911 г. — 425⁴. По сведениям профессора В. В. Сапожникова, за десять лет «юридический факультет выпустил больше 400 лиц, пополнивших своими молодыми силами новые сибирские суды»⁵; всего же с 1898 по 1916 г. было подготовлено 748 специалистов⁶.

Сибирь и ее судебная система, однако, предлагали судебным деятелям отнюдь не самые комфортные условия. Например, один из выпускников сибирского университета С. В. Дианин, по его словам, «не имея никакой практической подготовки»⁷, 2 марта 1907 г. в возрасте 28 лет был назначен мировым судьей 4-го участка Барнаульского уезда с камерой в с. Карасук⁸. О трагичности своего положения он рассказал в представлении Томскому окружному суду от 27 января 1909 г.: «Деятельность мировых судей вообще

¹ С. П. Некоторые итоги Томского университета по данным отчетов за 15 лет // Сибирский наблюдатель. 1905. № 6. С. 41–42.

² См.: Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 505.

³ Памятная книжка Западносибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений, с указанием времени открытия, источников содержания, числа учащихся и личного состава служащих на 1909 г. Томск, 1909. С. 7.

⁴ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1910 г. Томск, 1911. С. 63.

⁵ Сапожников В. В. Императорский Томский университет // Город Томск. Отд. 2. Томск, 1912. С. 7. Тогда в России «большинство из окончивших университетский курс по юридическому факультету поступало на службу по Министерству юстиции». См.: Дерюжинский В. Ф. Судебные деятели об университетской подготовке молодых юристов // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 7. С. 219.

⁶ Фоминых С. Ф. Роль Императорского Томского университета в развитии образования и науки (1888–1917 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2000. Вып. 4 (20). Сер.: Гуманитарные науки (спецвыпуск). С. 63.

⁷ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 14–14 об.

⁸ Там же. Д. 162. Л. 140.

довольно трудная по количеству работы, тяжесть эта усугубляется еще и тем, что резиденции участков некоторых мировых судей заброшены в такие углы Сибири, что эти мировые судьи обречены на совершенную изолированность от остального культурного мира, к числу таких участков надо отнести 4-й следственно-мировой участок Барнаульского уезда с резиденцией в с. Карасук. Карасук расположен от железной дороги в 170 верстах, от ближайшего города (Каинска) в 200 верстах, от уездного (Барнаула) в 400 верстах. Понятно, что при таком географическом положении Карасука мировой судья обречен почти на безвыездное пребывание в глухом селе. Интеллигенции в селе почти нет, был крестьянский начальник и ветеринарный врач, да эти предпочли жить в с. Ярком в 100 верстах от Карасука, но к неудобствам полнейшей изолированности с. Карасука от культурного мира и недостатка интеллигенции присоединяются еще неудобства чисто местного характера. Карасук расположен в неприглядной степи с постоянными ветрами летом и вьюгами зимой, ощущается постоянный недостаток дров, получить дрова совершенно невозможно, сколько стоит трудов и напрасной потери времени, не говоря уже о денежных затратах, чтобы купить сажень гнилых дров. Проживая почти без выезда в Карасуке 2 года, я, по справедливости, могу подтвердить нелестный для Карасука отзыв на судейском языке, что это “место добровольной ссылки для молодых и принудительной для старых юристов”. Жизни общественной в Карасуке почти нет никакой, если же к тому мировой судья не успел обзавестись семьей, то он обречен на полнейшее одиночество; единственно, что может удовлетворить и заставить забыться — это работа и работа, но каждый из нас человек, прежде всего, а не машина, иногда еще очень молодой, чтобы посвятить себя исключительно одной работе, ему хочется жить, но жизни-то здесь в Карасуке нет, здесь медленное и постепенное умирание, всякий человек чувствует себя в Карасуке временным гостем и живет надеждой получить более лучшее для него место. Прожить в Карасуке 2 года уже вполне достаточно, чтобы всеми фибрами своей души рваться отсюда, куда-нибудь уехать и больше не возвращаться!» Заканчивал С. В. Дианин свой рассказ просьбой о переводе¹.

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 13–14 об.

Нерациональное устройство юстиции, особенно мировой, существенные перегрузки, наряду с массой других проблем, уменьшали привлекательность судейской службы в Сибири, препятствуя должному укомплектованию судебных учреждений. Сразу после реформы 1897 г. пресса распространяла известия, что судьи, ссылаясь на существенные трудности исполнения многих обязанностей, отказывались от должностей¹; в «бегство» со своих постов обращались многие успевшие вступить в должность чиновники². «К сожалению, эти ряды редеют, лучшие из этих деятелей не выдерживают непосильной задачи и бегут из Сибири», — рассказывал о положении дел в мировой юстиции П. В. Вологодский³.

Чиновники искали себе применение в других судебных учреждениях, в частности в адвокатуре⁴. Типичный путь из судей в адвокаты проделал известный этнограф и собиратель русского фольклора П. А. Городцов. В 1897 г. его назначили мировым судьей 5-го участка Тюменского округа с камерой в селе Тавдинском⁵. В 1905 г. он предпочел расстаться с ведомством Министерства юстиции и стать крестьянским начальником, а через три года, уйдя в отставку, занялся частной адвокатской практикой в Тюмени⁶.

Изолированность судебных работников понижала их профессиональный уровень. Типичный случай, указывающий на порочность организации мировой юстиции, произошел с мировым судьей 3-го участка Барнаульского уезда Г. В. Топор-Робчинским, обвиненным Омской судебной палатой в неправильных действиях и нарушении процессуальных норм, «крайней медленности» по расследованию дела братьев П. и Н. Собачкиных, начатому 16 августа 1907 г. Слишком обремененный другими служебными заботами, судья смог допросить братьев лишь 19 сентября, поскольку они находились под арестом в 90 верстах от его камеры; при этом чиновник, проработав в должности всего три месяца после окончания университета, не знал способов, практиковавшихся по подоб-

¹ Сибирская хроника // Восточное обозрение. 1897. 23 июля.

² Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 8. С. 170.

³ В-й П. [П. В. Вологодский]. Указ. соч.

⁴ См.: Вейсман Р. Л. Яркие недостатки... С. 41.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 859. Л. 14.

⁶ Там же. Д. 157.

ному роду производств сибирскими следственными судьями, и прилежно вел дело в «порядке публичного обвинения», а не как надлежало — «по частным жалобам». Следствие неправильно проводилось полгода и затягивалось из-за обычных для сибирских условий обстоятельств (например, посланные за месяц до разбирательств повестки не доходили до адресата). Что производит расследование неверно, Г. В. Топор-Робчинский узнал случайно лишь 16 февраля 1908 г. от проезжавшего через его резиденцию мирового судьи соседнего участка. Дело в порядке «по частным жалобам» приобрело иной поворот. Частный обвинитель отказался от обвинения, и судья-следователь освободил находившегося по промашке под арестом полгода Н. Собачкина (П. Собачкин был отпущен раньше за отсутствием улики). Неискушенный служащий объяснял неправильное ведение расследования своей молодостью и неопытностью, а медленность производства связывал с занятостью, вызванной «той массой дел, которая имела в участке» (около 1500 мировых и 100 следственных дел), обширной территорией участка (разъезды до 150 верст) и большим его населением (до 100 тыс. человек). Судебное начальство оправдало работавшего в таких условиях судью¹.

В. Н. Анучин считал, что отсутствие съездов мировых судей «вместо предполагавшихся удобств, породило только неудобства»². Чиновники лишались возможности обмениваться опытом, от чего больше всего пострадала судейская молодежь. Невозможность «для заброшенного в захолустье судьи посоветоваться со знающим человеком», по мнению В. В. Едличко, стала одной

¹ Решение Омской судебной палаты формулировалось следующим образом: «Ошибку эту судебная палата не считает возможным поставить в вину мировому судье Топор-Робчинскому ввиду его полной неопытности и проживания в селе, где он был лишен возможности обратиться к кому-либо за советом в затруднительном случае. Равным образом не может быть поставлено в вину г. Топор-Робчинскому и некоторое промедление в производстве дела о Собачкине, ибо представленными Топор-Робчинским цифровыми данными о количестве дел, находившихся в его производстве, промедление это должно быть объяснено не нерадением со стороны судьи, а невозможностью дать ему более скорое движение». См.: ГАТО. Ф. 10. Оп. 1, Д. 147. Л. 3–12 об.

² Анучин В. Н. К десятилетию...

из основных причин недостатков в деятельности мировой юстиции¹. В. Н. Анучин писал: «Беспрестанно встречаются юридические вопросы, над которыми должен подумать даже опытный юрист, не то, что “начинающий карьеру” молодой человек, каким, обыкновенно, бывает мировой судья. Книги, всевозможные неофициальные руководства для судебных следователей, для судей — про Сибирь молчат. Сосед-судья — самое меньшее за 75 верст, а разрешать вопрос нужно скорее. И судья разрешает его наугад, под страхом личной ответственности в случае ошибки»². С. В. Дианин, в подтверждение сказанному, тоже жаловался: «Советами пользоваться было не у кого»³.

Перечисленные обстоятельства делали службу сибирских мировых судей тяжелой, малопривлекательной, непрестижной и просто невыносимой. Депутат III Государственной думы от Сибири А. И. Шило с думской трибуны говорил: «На этих судей наваливают столько работы, сколько неразумный извозчик валит на ломовую лошадь»⁴. Р. Л. Вейсман, в свойственной ему манере, указывал, что «если предстоит писать жития святых, то надо было бы составить описание жизни мировых судей в Сибири и их самоотвержение и муки положения, создалась бы ужасная картина судебного илотства. И на их могильных плитах следовало бы начертать: “Здесь преждевременно почил раб божий NN, павший жертвой скупости сокращенных штатов, вследствие недостатка средств, необходимых для более важных потребностей государства, чем правосудие”»⁵. 29 февраля 1912 г. на Алтае скончался «старейший судебный деятель Сибири» бийский мировой судья А. П. Калинин, находившийся в должности с момента введения Судебных уставов. Корреспондент «Сибирской жизни», в духе траурного панегирика обозревая его деятельность, обратил внимание на трудность деятельности усопшего, отметив, кстати, что после увеличения штата мировой юстиции в 1911 г. она еще более

¹ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 350. Л. 3.

² Анучин В. Н. Пасынки Фемиды. № 49/50. С. 35–36.

³ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 14–14 об.

⁴ Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. 1909. № 45. С. 47.

⁵ Вейсман Р. Л. Яркие недостатки... С. 43.

осложнилась: «В течение своей многолетней службы покойный нес ответственные обязанности стойко и еще сравнительно недавно был единственным мировым судьей на всей обширной и густонаселенной территории Бийского уезда. Но на склоне лет тяжесть службы не только не облегчилась, а даже наоборот, усугубилась: вместо 7 участковых судей штат был уменьшен на 3, и, хотя с них были сняты обязанности следователей, все же с быстрым ростом населения количество работы росло в большой прогрессии. Скапливались сотни, тысячи дел, которые надо было разрешить, дать направление. Но сломленное здоровье А. П. не выдержало, и его не стало»¹.

Поступление огромного количества дел, исполнение всех обязанностей требовало от мировых судей большого напряжения сил. Известно, что некоторые из них, работая на износ, тем не менее в интересах службы отказывались от отпусков. Мировой судья 4-го участка Тарского уезда Н. П. Арцибашев в 1908 г. писал председателю окружного суда: «Одиннадцатилетняя почти непрерывная служба мировым судьей в Сибири в участках, дающих большое количество дел, в значительной степени меня утомила; чувствуя настоятельную потребность в отдыхе, и уже получив согласие вашего превосходительства на исходатайствование мне в 1909 г. четырехмесячного отпуска, но в настоящее время я пришел к уверенности, что воспользоваться четырехмесячным отпуском в то время, когда я буду мировым судьей 4-го участка Тарского уезда, мне было бы крайне неразумно — ведь этим я только ухудшу свое положение — участок мой и до сих пор еще в значительной степени не приведенный в порядок, за время моего отпуска неизбежно придет еще в худшее состояние»².

Судьи зачастую работали по выходным дням³, а некоторые из них, как писал Р. Л. Вейсман, «буквально сходили с ума»⁴. И действительно, сами судьи иногда оправдывали свои неправильные действия помутнением рассудка из-за перенапряжения. Так,

¹ Z. По Сибири // Сибирская жизнь. 1912. 7 марта.

² ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 227. Л. 38.

³ Томская хроника // Сибирские отголоски. 1906. № 12. С. 14.

⁴ Вейсман Р. Л. Яркие недостатки... С. 41.

мировой судья 5-го участка Змеиногорского уезда Томской губернии А. И. Покровский неправильно применил статью Устава о наказаниях по одному из дел и объяснил это «случайным мимолетным затмением или потемнением памяти», связанным с «переутомлением нервной системы, вызванным чрезвычайно напряженной деятельностью»¹. Захворав, мировые судьи, наблюдал В. Н. Анучин, «перемогались и работали, пока не сваливались»², либо осмеливались ходатайствовать у начальства о назначении в другую, более комфортную для здоровья местность. Так, в 1909 г. судья 1-го участка Мариинского уезда К. Е. Стеблин-Каменский, заболев малярией, просил перевести его в участок одного из крупных городов³.

Более того, известны примеры, когда чиновники просили перевода в самые отдаленные, непривлекательные для проживания и пагубные для здоровья районы, лишь бы бежать от дел, и считали такое перемещение привилегией. В 1908 г. Н. П. Арцибашев обращался с просьбой к председателю Тобольского окружного суда П. Е. Маковецкому перевести его на должность мирового судьи на север губернии, где возникало мало дел: «Я, как чиновник, давно служащий в Сибири, имею перед другими судьями, служащими меньше меня, преимущественное право на занятие должности мирового судьи в северных уездах Тобольской губернии, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство оказать мне содействие в переводе моем на должность мирового судьи 1-го участка Березовского уезда или мирового судьи Сургутского уезда, если который-нибудь из этих участков свободен в настоящее время или должен в скором освободиться, и, во всяком случае, считать меня кандидатом на первое открывшееся в этих участках место мирового судьи»⁴.

Судебное руководство, хотя неявно, признавало вредность и трудность судейской службы в сибирских условиях. В этом отношении показательна формулировка решения Омской судебной

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 142. Л. 7–8.

² Анучин В. Н. Пасынки Фемиды. № 49/50. С. 38.

³ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 24.

⁴ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 227. Л. 38 об.

палаты о строительстве санатория (1914 г.), предназначавшегося, как записано, для помощи «переутомившимся или временно потерявшим здоровье на тяжелом поприще служения государю и отчизне в рядах судебных деятелей»¹.

Для мировой юстиции Западной Сибири стала постоянной кадровой проблема. Текущей кадровой в мировом суде отличалась неблагополучная в плане судебного устройства Томская губерния. По состоянию на 1 января 1909 г. из 55 губернских судей двое работали в должности с 1897 г. и только 11 — более трех лет. Именные годовые отчетные ведомости позволяют выявить районы с наибольшим кадровым голодом. Одним из них, судя по отчету за 1909 г., был Змеиногорский уезд. По окончании года здесь имелись вакансии в трех из пяти мировых участков². Видимо не столь остро стояла проблема кадров в Тобольской губернии: к 1912 г. остались на службе 7 из числа 37 вступивших в эту должность в 1897 г. мировых судей³.

Обнаружившийся штатный дефицит Министерство юстиции восполняло назначением на посты мировых судей лиц некомпетентных, низко квалифицированных. В. Н. Анучин рассказывал о ставшей обычной практике пополнения штата местных судов крестьянскими начальниками, врачами, судебными секретарями⁴. В. В. Едличко, ознакомившись в 1911 г. с деятельностью западно-сибирской мировой юстиции, отмечал в ней много недостатков, происхождение которых усматривал в «слабости подготовки лиц», назначаемых на должности мировых судей⁵.

Нравственные качества отдельных мировых судей не соответствовали судейскому призванию. Некоторые, продолжая традицию дореформенного суда, вели нетрезвый образ жизни. Один из мировых судей Тобольской губернии в пьяном состоянии устраивал дебоши, однажды выбив в доме местного священника окна⁶. Возмущение жителей с. Усть-Сосновского Кузнецкого уезда вы-

¹ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 279. Л. 2–3.

² Там же. Оп. 2. Д. 443. Л. 137; Оп. 1. Д. 188. Л. 42–43.

³ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 371. Л. 37–41.

⁴ Анучин В. Н. Пасынки Фемиды. № 51/52. С. 61.

⁵ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 350. Л. 3.

⁶ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 9–9 об.

звал факт сожительства здешнего мирового судьи, женатого и имеющего трех детей, с шестнадцатилетней дочерью уважаемого населением местного учителя. Последний обвинил судью в «обольщении» своего ребенка¹. В 1908 г. Сенат слушал дело мирового судьи 7-го участка Томского уезда, который обвинялся во взяточничестве. При себе тот всегда имел человека, являвшегося посредником между ним и подследственным, и через него он получал «вознаграждения» за благоприятный для заинтересованных лиц исход дела².

В 1901 г. тобольскому губернатору поступил анонимный донос от крестьян Крайчиковской волости Тарского уезда, в котором описывалась картина судебного процесса: «Более важные дела разбираются в квартире писаря во время выпивки. Судья судит, а волостной писарь объявляет наказание». Волостной писарь Н. А. Успенский, о котором шла речь, как установила проверка Тобольского губернского жандармского управления, «устроил у себя в квартире — во флигеле волостного правления — помещение для заезжих начальствующих лиц, симпатиями которых, как человек умный и хитрый, завладел... В квартире Успенского стали останавливаться: мировой судья 4 участка Тарского уезда Медведев, ...мировой судья Страхов, который четыре месяца исполнял должность за уволенного в отпуск мирового судью Медведева. Во время приезда кого-либо из этих лиц Успенский в своем помещении для приезжающих устраивал попойки, завоеывая на свою сторону переименованных лиц, столь влиятельных в сельской среде»³.

Мировые судьи, уличенные в служебных преступлениях или в медленности рассмотрения дел, часто оправдывали свои действия или бездействие тем, что выполнять все возложенные на них обязанности, строго следуя предписанным правилам, просто невозможно. Множеством возникающих дел и потерей большого количества времени на выезды в качестве следователей объясняли накопление дел в своих участках мировые судьи Ялуторовского

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 134. Л. 1, 6-8.

² Там же. Д. 132. Л. 1-2.

³ ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 4-11.

уезда. Один из них вовсе перестал производить предварительные следствия¹.

Окружные суды после судебной реформы 1897 г., по словам одного публициста, оказались «завалены делами», а их члены «изнемогали под бременами неудобноносимыми»². Уже в начале 1898 г. председатель Тобольского окружного суда М. Я. Введенский сообщал в Министерство юстиции, что суд перегружен делами и указывал на необходимость «увеличения личного состава»³. Несмотря на ощущавшийся штатный дефицит, в отличие от мировой юстиции, окружные суды формировались из лиц, служебные качества которых не могли вызвать нареканий. Встречались люди, замеченные в научной деятельности, как П. Е. Маковецкий, исследовавший правовые обычаи и быт киргиз⁴, были среди них и такие, кто ревностно и последовательно выступал за совершенствование юстиции региона и поднятие ее престижа. Так, в 1912 г. член Тобольского окружного суда Н. Н. Москаленко писал, что практика назначения мировыми судьями лиц без достойного образования «подрывает в глазах населения авторитет мирового института и создает не высоко держащих свое знамя судей, а чиновников в буквальном смысле этого слова»⁵. Не отмечалось и чиновников с незначительным опытом. Например, к 1 января 1909 г. трудовой стаж членов Томского окружного суда в ведомстве Министерства юстиции составлял в среднем 19 лет⁶.

Председатели западносибирских окружных судов придерживались передовых взглядов, и доказательством тому могут служить хотя бы их заявления, сделанные на первых заседаниях суда присяжных в 1909 г. Председатель Томского окружного суда М. А. Подгоричани-Петрович всецело поддержал установление

¹ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 31–32; Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 45.

² Плотников М. Указ. соч. С. 202.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 20.

⁴ Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Материальное право. Омск, 1886; Он же. Юрта (летнее жилище киргиз) // Записки Западносибирского отдела Императорского русского географического общества. Омск, 1899. Кн. 16, Вып. 2/3. С. 6–8.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 363. Л. 1–2 об.

⁶ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 162. Л. 137–138.

суда присяжных и указал на соответствие этой акции интересам Сибири. Он обратился к первому составу присяжных заседателей с такой речью: «Всем известно, что в судах Европейской России, в которых институт присяжных заседателей действует уже более 40 лет, присяжные заседатели сплошь и рядом не могут справиться с предлагаемыми им вопросами, отвечают на них невпопад и часто возвращаются в зал заседаний с требованием разъяснений. С вами же, первозванными сибирскими присяжными заседателями, за десять дней настоящей сессии ничего подобного не случилось: вы схватывали на лету все, что было нужно, и выносили ответы, не нуждавшиеся в поправках и исправлении. И этим самым вы бесповоротно решили в благоприятном смысле вопрос, созрела ли Сибирь для суда присяжных»¹. П. Е. Маковецкий писал министру юстиции: «При открытии первой в Тюмени сессии тобольского суда с присяжными заседателями состав присяжных обратился с просьбой подвергнуть к стопам его величества государя императора их верноподданнические чувства. Счастлив засвидетельствовать о глубоком интересе, с которым население Тобольского уезда встретило суд присяжных, я, лица судебного ведомства Тюмени и присяжные заседатели почтительнейше просим ваше превосходительство повергнуть к стопам его величества воодушевляющие всех нас верноподданнические чувства»².

Между тем, по крайней мере, в деятельности Томского окружного суда обнаруживались симптомы непокорности самодержавию. Недаром 4 мая 1912 г. лидер черносотенцев В. М. Пуришкевич, вероятно, решая задачи по дискредитации политических оппонентов, с трибуны Государственной думы охарактеризовал томскую юстицию «левым судебным ведомством»³. В ходе октябрьских событий 1905 г. («томский погром») против царизма открыто выступили судебные деятели губернского города, когда во главе с председателем местного окружного суда А. В. Витте

¹ Л. К. Очерки сибирской жизни // Сибирские вопросы. 1909. № 49/50. С. 39.

² ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 264. Л. 12.

³ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Ч. 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). СПб., 1912. С. 461.

вышли на городские улицы для защиты демонстрантов от вооруженных солдат¹. В результате председателя отстранили от должности с грубейшим нарушением принципа судебной несменяемости и предписанием за 48 часов покинуть Сибирь под угрозой применения силы². В дальнейшем бывший руководитель окружного суда находился в стане опасных для политического режима лиц и даже значился в столичной «охранке» под кличкой «Тяжелый»³, но в марте 1917 г. в условиях новой власти о нем вспомнили в Сибири. Известно, что барнаульская адвокатура поддержала его кандидатуру на пост председателя Омской судебной палаты⁴, но Временное правительство предоставило ему другую должность: приказом 8 апреля 1917 г. он назначался прокурором данной палаты⁵.

После Первой русской революции судебная власть края продолжала оказывать противодействие режиму, а оценка ее позиций относительно самодержавия вряд ли может определяться общими выводами о том, что в тот момент произошла нормализация отношений между судами и правительством⁶. 4 мая 1912 г. В. М. Пуришкевич упомянул дело профессора Томского университета И. А. Малиновского: Главное управление по делам печати инициировало в его отношении уголовное преследование за публикацию книги «Кровавая месть и смертная казнь», но Томский окружной суд возмутительным, по мнению депутата, образом вынес оправдательный вердикт⁷. 17 мая 1912 г. Сенат этот приговор

¹ Шиловский М. В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарии, интерпретация. Томск, 2010. С. 30.

² Хроника // Право. 1910. 7 марта.

³ В конце 1915 — начале 1916 г. за ним велось наружное наблюдение с помощью филеров. ГАРФ. Ф. 111. Оп. 1. Д. 598. Л. 1–20; Д. 599. Л. 1–26.

⁴ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 2297. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

⁵ Указы и приказы Временного правительства // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 21.

⁶ См.: Baberowski J. Law, the judicial system, and the legal profession // The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. Dominic Lieven. Cambridge, 2006. P. 367–368.

⁷ Государственная дума. С. 458.

отменил¹, и профессор — известный противник царской власти² — приговаривался на этот раз уже Омским окружным судом к месячному тюремному заключению³.

В целом кадровый потенциал западносибирской юстиции за столетие значительно преумножился. На смену невежественным и с сомнительной нравственностью лицам на службу пришли чиновники, способные решать юридические вопросы, высокообразованные, с широким кругозором и сознательные настолько, что имели самостоятельный взгляд на события за пределами стен судебных зданий. Однако их возможности минимизировали недостатки судебного устройства, которые стали следствием неразумно реализованной индивидуализации судебных правил при их приспособлении к сибирским условиям.

¹ Дело проф. Малиновского // Утро Сибири. 1912. 25 мая.

² На заседании столичного юридического общества в декабре 1908 г. он открыто призвал к революции: «Необходима ликвидация старого режима и установление такого нового строя, при котором права гражданина признавались бы за всем населением и при котором была бы гарантирована охрана этих прав государством». См.: Протокол заседания уголовного отделения 27 декабря 1908 г. Доклад И. А. Малиновского «Кровавая месть и смертная казнь» // Труды юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. Т. 1 (1908–1909 г.). СПб., 1910. С. 71.

³ См.: Фоминых С. Ф., Некрылов С. А. Томский период деятельности профессора русского права И. А. Малиновского // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4. С. 24.

ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ

Умущественное состояние и финансовое благополучие органа власти создают условия для его функционирования и определяют эффективность деятельности. Должным исчислением материальных возможностей обеспечивается результативность работы государственного учреждения, ограниченным — ставится вопрос о его способности решать поставленные государством задачи. Приниженное положение дореформенного суда не оставляло ему шансов на приоритетное денежное снабжение. В Российской империи начала XIX в., даже по официальному мнению, «суммы, ассигнуемые на содержание судебных мест, а в особенности уголовных и гражданских палат, были совершенно недостаточны и настоятельно требовалось их увеличение»¹.

На протяжении всего изучаемого периода западносибирская юстиция постоянно испытывала дефицит финансирования. Сразу после реформы М. М. Сперанского учреждения приступили к дележу весьма необходимых каждой организации денежных средств. В 1823 г. тобольский губернский прокурор просил у Тобольского общего губернского управления увеличения денежной суммы на содержание своей канцелярии, и тот постановил «содержание канцелярии прокурора отнести на счет расходных сумм губернского правления, казенной палаты и губернского суда». Председатель Тобольского губернского суда О. А. Василевский выразил возмущение таким, как ему представлялось, несправедливым распределением денег («2300 руб. на канцелярию прокурора кажется ему слишком велико»). Он просил начальство «войти с представлением о прибавке сумм на губернский суд», «ибо и справедливость, и человеколюбие требуют того, чтобы служащим дос-

¹ Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1902. С. 35.

тавить содержание, хотя не роскошное, но, по крайней мере, достаточное на необходимые его нужды и притом содержание должно быть по всем местам равное, дабы один другому не завидовал». «Губернский суд по новому его образованию, — считал О. А. Василевский, — на собственную свою канцелярию чувствует большой недостаток в сумме»¹.

Вообще, найти средства на увеличение канцелярии было затруднительно. В 1879 г. березовский окружной судья обратился в Тобольский губернский совет с просьбой выделить деньги на «усиление средств канцелярии». Начальники отказали в просьбе, а судья, наверно, пожалел о своем обращении: ему лишь посоветовали «как следует исполнять свои обязанности», тогда и деньги не понадобятся². Проблема недостатка канцелярского содержания была общей для всего сибирского государственного аппарата. Так, в 1828 г. И. А. Вельяминов просил у министра финансов «прибавки ассигнований» на эти нужды и указывал на «недостаток канцелярской суммы во всех почти присутственных местах Западной Сибири»³.

Нехватка финансирования парализовала или ставила на грань остановки деятельность судебной системы. Как-то «Восточное обозрение» и «Сибирская газета» сообщали, что на ноябрь–декабрь 1882 г. у Томского окружного суда при самом бережливом расходовании не оставалось средств на дальнейшее отправление правосудия⁴. В 1851 г. после ревизии Тюменского окружного суда его члены объявили, что не могут исправить ситуацию, так как «окружной суд не имел и ныне не имеет никаких средств», может нанять, исходя из имеющихся сумм, только двух писцов вместо необходимых пяти, и просили денег, чтобы привести делопроизводство в нормальный вид⁵.

Чиновничьи заработки были невысокими, и это вызывало немало проблем. В 1853 г. Г. Х. Гасфорд сообщал о сложностях

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 284. Л. 35, 45д.

² ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 47. Л. 191–196 об.

³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 284. Л. 313.

⁴ Восточное обозрение. 1882. 26 авг.; Сибирская газета. 1882. 28 нояб.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2733. Л. 166–167.

кадрового характера и о недостатке способных служащих министру юстиции: «Оклады жалования непомерно малы, и служба в сем отдаленном крае не обещает никому особого вознаграждения»¹. Внимание правительства к сибирским интересам, выразившееся в увеличении жалования чиновникам, вылилось, прежде всего, в принятии 6 декабря 1856 г. закона «О некоторых изменениях по управлению в Восточной и Западной Сибири», который увеличивал жалование должностных лиц, в том числе судебных. Нужда в подобной мере объяснялась следующим образом: «По отдаленности Сибири и существующей там дороговизне мы признали необходимым улучшить содержание служащих в Сибири чиновников увеличением их окладов»².

Очень скоро, однако, повышенная зарплата не удовлетворяла судебных служащих региона. В России проводилась судебная реформа 1864 г., одна из задач которой заключалась во внушительном увеличении финансирования системы правосудия, и судьи получали теперь достойное жалование, ведь, по убеждению тогдашнего министра юстиции Д. Н. Замятина, повышение содержания судейского аппарата представлялось столь необходимым, что без него реформа была бы несостоятельной³. А. П. Хрущов «главным недугом» судебных и административных учреждений считал «скудость содержания, получаемого чиновниками и недостатки от того развитых и способных деятелей»⁴. В 1871 г. он констатировал: 600 руб. дохода сибирского окружного судьи, 350 руб. дохода заседателя суда не только препятствовали пополнению юстиции, но и отбивали желание трудиться у имевшихся служащих, когда рядом, например в Степном крае, судьи получали уже 1500 рублей⁵.

Уровень жизни судей постоянно ухудшался, поскольку, по данным А. Клопова, «сибирские цены» за тридцатилетие с 1856 г.

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3410. Л. 101 об.

² ПСЗ-II. Т. 31. № 31222.

³ Кони А. Ф. Новые меха и новое вино // Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 243; Министерство юстиции за сто лет. С. 94.

⁴ Коллекция ГАУК ТО «ТГИИМЗ». Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1874 г. С. 12.

⁵ ГАТ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 18. Л. 53 об.-54 об.

выросли в 4 раза¹. Столичные же чиновники весьма медленно реагировали на увеличение потребностей системы правосудия края. Г. В. Мещеринов во всеподданнейшем отчете за 1880–1881 гг. писал: «Десять лет тому назад Министерство юстиции заявляло, что увеличение содержания сибирского судебного ведомства не должно отлагаться даже на короткое время без явного ущерба достоинству суда. Несмотря на то, что оклады жалования, определенные в 1856 г. для Тобольской и Томской губерний, остались без изменения»².

Материальное положение сибирских судей, таким образом, «граничило с нищетой» (слова Д. Н. Набокова)³ и не привлекало в их число грамотных, с высокими нравственными качествами, деятелей. Местное население, вполне обоснованно считая судебский заработок мизерным, понимало, что прожить на него невозможно, поэтому с сочувствием относилось к разгулу взяточничества среди местных служителей Фемиды⁴.

Подтверждением неудовлетворенности оплатой труда и осознания в этом смысле общности интересов может служить судебская инициатива установления при Тобольском окружном суде «сохранно-вспомогательной кассы». Проект ее устава 1865 г. в первом параграфе объяснял необходимость такой организации следующим: «Учреждаемая чиновниками Тобольского губернского суда сохранно-вспомогательная касса имеет целью: а) доставить каждому из служащих возможность посредством небольших ежемесячных взносов составить для себя ко времени выхода в отставку или перехода из губернского суда, или же для своего семейства на случай смерти, хотя небольшой капитал и б) дать каждому из участников кассы, с одной стороны, способ пользоваться ссудами на удовлетворение необходимых жизненных потребностей или на хозяйственные предприятия, а с другой,

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10393. Л. 111.

² Коллекция ГАУК ТО «ТГИАМЗ». Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Западной Сибири за 1880–1881 г. Л. 17.

³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4^а. Л. 1 об.

⁴ Сибирская газета. 1882. 28 нояб.

увеличить сам вклад каждого лица получаемыми процентами от заемщиков»¹.

В процессе судебной реформы 1885 г. Министерство юстиции среди важнейшего предполагало «незначительно» поднять жалование чиновников судов², повысить их финансирование, но, по замыслу Д. Н. Набокова, «наименее обременительными для казны» способами³. Причем побуждения экономии оказались определяющими, что привело к недостаточному увеличению судебного заработка и содержания юстиции, к штатному дефициту. Работа судебных чиновников в Сибири не получила должного денежного поощрения, так как Министерство финансов отказало довести размер их жалования до уровня оплаты труда судей в регионах, где действовали Судебные уставы⁴. Общественность региона сразу признала повышение зарплат неудовлетворительным. «Сибирский вестник» констатировал: «Оклады содержания судебным следователям, членам окружных и канцелярии губернских судов назначены все-таки недостаточными, и это, очень вероятно, окажет свое влияние на личный состав новых судебных деятелей»⁵. Чиновники также не восприняли увеличение жалования сколько-нибудь удовлетворительно. С. Г. Коваленский, в частности, уже накануне введения Судебных уставов в Сибири сигнализировал: «Существующие в настоящее время оклады низших чинов судебного ведомства в Тобольской губернии настолько незначительны, что принимать их в расчет при исчислении содержания будущим судьям невозможно»⁶.

Между тем обстановка деятельности юстиции характеризует положение судебной власти в государстве и обществе и развитость судебного дела в целом. Имущественная среда обитания занимает и немаловажное место в структуре повседневности. «Первое дело — обрисовать внешний облик домов; второе — то, как выглядят они изнутри. Никто не сможет сказать, будто вторая

¹ Тобольские губернские ведомости. 1865. 13 февр.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 121.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 1 об.

⁴ Там же. Л. 53 об.

⁵ Сибирский вестник. 1885. 16 мая.

⁶ ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 17.

задача проще первой. В самом деле, заново возникают все проблемы классификации, интерпретации, общей картины в масштабах всего мира. И на сей раз увидеть то, что сохраняется, то, что медленно изменяется, означает наметить основные черты картины», — писал Ф. Бродель¹.

Одним из насущных вопросов, решавшихся в ходе осуществления судебной реформы 1864 г. в России, было «приискание удобных и приличных помещений для новых судебных учреждений»². В преддверии преобразования Министерство юстиции даже озаботилось командированием за границу состоявшего при нем архитектора с поручением «изучить на месте новейшие системы устройства помещений для судебных мест»³. Дореформенным же судилищам еще не требовались значительные площади, специальная архитектура, достойные наружность и интерьер: отсутствие публики и сторон в суде позволяло им уютиться в небольших комнатах и делало не очень нужной заботу об их благоустройстве.

Когда в 1819 г. в Тобольск приехал М. М. Сперанский, начались ревизии имущественной части государственных учреждений. Помещения судов и полиции, исполняющей тогда судебные обязанности, в губернской столице оказались холодными, сырыми, там гулял ветер, в одном из них обвалилась печь, в другом таковая истрескалась. Эти обиталища никак не соответствовали своему назначению. Чиновники губернского правления во главе с гражданским губернатором А. С. Осиповым на заседании 20 декабря 1822 г. заключили, что Тобольский нижний земский суд (полицейский орган) располагался в «безобразных и все неудобства представляющих комнатах», а уездный суд, теснясь в «небольших антресольных комнатах дома генерал-губернаторского», работал «в грязи, в запачканных стенах, в чаду и сырости», в общем там, где «всякий видел уничижения места правосудия». Для последнего судебного места предписывалось подыскать дом, пер-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. С. 303.

² Министерство юстиции за сто лет. С. 100.

³ РГИА. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 52. Л. 16 об.–17.

вую организацию — переместить «в один из двух флигелей, купленных казной у г. Бабановского»¹.

Как замечает Р. Г. Саражина, в конце 1820-х гг. во всех окружающих городах Западной Сибири, за исключением Кургана, присутственные места располагались в арендованных домах обывателей, что приводило к дополнительным расходам. Ревизоры Б. А. Куракин и В. К. Безродный отмечали: «Сколь не выгодны частные дома в расположении своем для присутственных мест, столь же обременительны и для казны: ибо она, платя деньги за наем домов, лишается безвозвратно денег»². Но условия работы не всегда зависели от возможностей финансирования. В 1830 г. во время проведения ревизии И. А. Вельяминов посетил Томский городской суд. Он обнаружил там «нечистоту, в каморах канцелярией занимаемых»; стол, за которым происходило действие правосудия, был «покрыт каким-то изодранным куском, похожим более на тряпицу, нежели на сукно, и уже давно потерявшим принадлежавший ему цвет»³.

После проведения М. М. Сперанским управленческой реформы в Сибири главными судебными учреждениями стали губернские суды. Томский губернский суд с 1842 г. размещался вместе с прокуратурой в комнатах нового здания губернских присутственных мест⁴. В 1881 г., когда потребовалось провести ремонт судебных помещений, архитектором А. Алексеевым предписывалось произвести следующие работы: «Перестлать полы с добавлением 2/3 новых досок», «окрасить полы охрой на масле», «все оконные летние и зимние переплеты с рамами и подоконными досками окрасить белыми на масле и прирезать вместо нижних задвижек закладные крючки», починить малой починкой три голландские печи», «оклеить новыми обоями», «во всех помещениях обелить потолки и стены»⁵. В 1887 г. суд переехал в дом купца И. Г. Чистякова — «деревянное двухэтажное здание с высокими, просторными

¹ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 181–182; ГАТ. Ф. 329. Оп. 10. Д. 250. Л. 120–122; Оп. 12. Д. 25. Л. 31.

² См.: Саражина Р. Г. Указ. соч. С. 184–185.

³ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 71. Л. 25.

⁴ Яковлев Я. А., Рассамахин Ю. К. Указ. соч. С. 246.

⁵ ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1785. Л. 21–21 об.

и веселыми комнатами прекрасно устроено: обилие воздуха и света, большой зал судебных заседаний, где свободно может поместиться до 75 человек публики, не оставляет желать ничего лучшего»¹.

Тобольский же губернский суд размещался в бывших генерал-губернаторских конюшнях. Долгое время этому зданию не уделялось внимания, и оно ветшало. Судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила задачи юстиции, повысила ее значение, превратив в независимую ветвь власти, установила принципы состязательности и гласности судопроизводства, а, следовательно, вызвала необходимость специальных, приспособленных под усовершенствованное правосудие помещений: «суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных» не допускал тесноты и неопрятности, повышал инициативный потенциал судебных деятелей, которых теперь очень заботило состояние храмов Фемиды.

Судебные преобразования середины 1880-х гг. в Сибири потребовали обратить внимание на квадратные сажени и места расположения учреждений юстиции. Так, руководителям сибирских судов в мае 1885 г. Министерство юстиции разослало инструкцию, в которой указывалось на необходимость, в связи с намеченным реформированием судоустройства и судопроизводства, задуматься о расширении пространства для осуществления впредь правосудия. По мнению столичных чиновников, неизбежность этого обуславливалась применением состязательности и гласности, следовательно, присутствием теперь в суде защитников подсудимых и публики, и уже отсюда вытекавшей надобностью отвести специальную совещательную комнату для судей².

После осуществления закона от 17 ноября 1886 г., позволявшего дробить губернские суды на отделения, правосудие уже никак не вмещалось в пределы конюшен, как было в Тобольской губернии, и их архитектуру. З. Н. Геращенко, мотивируя нужду в расширении и ремонте судебного здания, писал тобольскому

¹ Яковлев Я. А., Рассамахин Ю. К. Указ. соч. С. 249.

² ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 86. Л. 13-14.

губернатору В. А. Тройницкому о нем так: «Тобольский губернский суд, помещаясь в каменном одноэтажном флигеле, находящемся в ведении Министерства внутренних дел, по недостатку и неудобному расположению комнат, не соответствует требованиям этого учреждения. Помещение это переделано из бывших при генерал-губернаторском доме конюшен, почему и устроено в длинную линию; есть комнаты проходные. Зало публичных заседаний одно, с маленькой в одно окно, душевую комнату для совещаний. Между тем суд, состоя из двух отделений, не может в одно и то же время открывать заседания по двум отделениям его за неимением другого зала и комнаты для совещаний, вследствие чего приходится выжидать окончания заседания по одному отделению, или откладывать заседание до другого дня, чтобы уступить зало другому отделению. Отсюда, как следствие этих неудобств неизбежных, является потеря времени, необходимого для правильного и успешного разрешения дел. Кроме того, внутренняя и наружная части здания, а также печи и полы пришли в ветхость и требуют капитального ремонта».

Обследовали обиталище правосудия и местные специалисты-архитекторы. В акте освидетельствования его состояния от 15 мая 1891 г. они заключили: «Помещение суда недостаточно для одновременного назначения заседаний суда по двум его отделениям, вследствие чего, является масса неудобств; со стороны входных дверей (главных) — помещение холодно вследствие отсутствия правильно устроенных сеней, помещенных ныне в пришедшей в ветхость пристройке — деревянной, небезопасной поэтому в пожарном отношении; полы во всех помещениях истерлись и местами прогнили; из образовавшихся щелей между подоконниками и каменной кладкой стен замечается движение наружного воздуха во внутри помещений, вследствие чего таковые в зимнее время скоро охлаждаются; краска окон, дверей и штукатурка сильно растрескались и местами отвалились, что совместно с истертыми и прогнившими, местами, полами, придает помещению грязный вид; четыре двери и три печи пришли в ветхость; пристройка, вмещающая ретирад, пришла в ветхость и будучи деревянной — небезопасна в пожарном отношении; кроме того, месторасположение ретирада, как в самом конце здания —

неудобно. С наружной стороны здание также пришло в ветхость: штукатурка стен, а особенно в нижней части таковых, потрескалась и местами отвалилась; карниз, состоящий из штукатурного намета по прибитой драни, потрескался, и намет местами отвалился; таковой порче штукатурки содействует, главным образом, отсутствие надежных желобов крыши, так как вода, не имея определенного стока, стекает по всей длине карниза и, попадая от действия ветра на стены, разрушает штукатурку и самый карниз, который и так, состоя из алебастрового намета, дурно сопротивляется действию сырости; железная крыша пришла в ветхость и, особенно у свеса — так, что местами протекает вода; доколь в нижней части местами разрушился, так, что соответствующая верхняя часть находится на весу»¹.

На моральное несоответствие здания Тобольского губернского суда престижу правосудия указывал член этого суда Н. П. Геллертов: «Узкое, одноэтажное, кажущееся особенно придавленным от громадного трехэтажного рядом стоящего дома губернских присутствий». Посетителей там встречали «захватанные, заплеванные двери», «грязный пол», «грязные с паутиной стены, убогая мебель, убогие канцелярские принадлежности, окурки и плевки на полу и атмосфера, насыщенная табаком и еще каким-то особым кислым газом». Кабинет председателя представлял собой комнату, «через которую неизбежно беспрерывно проходили сторожа, секретари, столоначальники и писцы». Чиновник констатировал: «Состояние помещения, которое я в силах был описать, дает неутешительную картину, оскорбляющую человеческое достоинство и достоинство понятия храма правосудия. Дальнейшее квартирование в этом помещении, правда, бесплатное, по-моему, совершенно невозможно, если только не будет произведен ремонт в самом непродолжительном времени»². В 1894 г. деньги на починку и достройку бывших конюшен нашлись (обошлось все в 9800 руб.)³, но, как видно из планировки этого здания накануне

¹ ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 193. Л. 9–10 об., 22–22 об.

² Библиотека РГИА. Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний... С. 138–140.

³ ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 193. Л. 24, 306.

и после окончания строительных работ, его метраж увеличился ненамного.

Другие судебные места Тобольской губернии располагались в самых разных условиях. Например, П. М. Бутовскому после посещения Туринского окружного суда пришлось констатировать: «Помещение суда состоит из двух комнат и очень неудовлетворительно. Нет даже особой совещательной комнаты для судей, а комната присутствия так мала, что в ней едва умещается стол и три кресла». А вот Ишимский окружной суд находился в наемном двухэтажном доме и имел «обстановку вполне приличную»¹ (скорее последнее было исключением из правил). В данном случае это неудивительно: он работал в доме купца В. К. Постникова, за который велась нешуточная борьба, и, хотя ишимскому суду Омской контрольной палатой отказывалось в просьбах на финансирование отопления и освещения помещения и ему предлагались другие здания, он отстоял свое право на расположение в дорогостоящем помещении (850 руб. в год вместо прежнего за 400 руб.)².

Судебная реформа 1864 г., предъявляя высокие требования к судьям, большое внимание уделила их материальному благополучию. Аргумент о высокой стоимости судебной реформы как о препятствии к ее осуществлению выдвигался противниками Судебных уставов еще в начале 1860-х гг. Тогда этот довод решительно отвергался. «Недостаток денежных средств, коими может располагать правительство, независимо от общих экономических условий, — утверждали чиновники, разрабатывавшие уставы, — происходит в особенности от несовершенства основных органов отправления правосудия, составляющего главную причину упадка кредита и промышленности. Деньги без кредита не составляют капитала производительного, а кредита не может быть при беспорядке в судебном ведомстве и потому, если действительно нет денег, то усовершенствования судоустройства не только полезны, но необходимы, и сама недостача денег составляет не возражение против усовершенствований в судебном ведомстве, а доказатель-

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 33 об., 37.

² ГАТюмО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 383. Л. 3, 4–5, 11–13, 24–25, 30–30 об., 59–60 об.

ство их необходимости»¹. Хотя в обществе пореформенной России имелось иное мнение, правда, не очень распространенное. «Новый суд не по деньгам казне, не по деньгам народу», — писал, например, «железнодорожный магнат» П. Г. фон Дервиз².

Некоторые отступления от положений Судебных уставов при распространении на сибирский край явно диктовались стремлением правительственных чиновников наименее обременить казну расходами и нежеланием нести затраты на благоустройство провинции. Мысль о том, что «один Невский проспект в пять раз ценнее всей Сибири»³, являлась составной частью имперского общественного мнения, и потому, как отмечал Р. Л. Вейсман, Временные правила установили в крае «правосудие на дешевых началах»⁴. «Суд дешевый — синоним суда плохого», — сказал в одной из своих многочисленных речей Н. В. Муравьев⁵. В Сибири ему докладывали о дороговизне местной жизни и он, «высказав внимание и к материальному положению господ чиновников», обещал вновь назначенным судьям озаботиться этим вопросом⁶. Но раньше, во время подготовки судебной реформы, такие мысли министра не озадачивали: низкая стоимость — одно из главных ее достоинств, говорилось им в Государственном совете⁷. По его подсчету, «сибирский судебный округ» должен был обходиться государству в сумму меньше любого другого более чем на четверть⁸.

В целом преобразование подразумевало, что фискальный интерес приоритетен над какими-либо иными. Установление судебных учреждений в заведомо малом количестве и составе, совме-

¹ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Ч. 3. СПб., 1867. С. XL.

² Одна из предсмертных записок Павла Григорьевича фон Дервиза. 1881 г. // Русская старина. 1885. № 6. С. 596.

³ Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. С. 9.

⁴ Вейсман Р. Л. Яркие недостатки... С. 46.

⁵ Муравьев Н. В. Последние речи. 1900–1902 гг. СПб., 1903. С. 106.

⁶ Томский листок. 1897. 13 июля.

⁷ Муравьев Н. В. Из прошлой деятельности. С. 400.

⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 10.

щение в их руках разнообразных функций, максимальная бережливость при расходовании денег на обеспечение режима работы — способы, которыми достигалась экономия государственных средств, они же стали главными источниками дефектов реформированного правосудия. Явно недостаточными являлись суммы, выделяемые на покрытие канцелярских расходов, и некоторые мировые судьи считали главным препятствием своей деятельности «крайне недостаточный размер канцелярских средств»¹. Вообще, у судей зачастую отсутствовали средства на наем камер, сторожей, письмоводителей, оплату освещения и отопления судебных помещений, покупку самых необходимых для работы вещей — сейфов, мебели, на что они тратили свои собственные деньги, живя в долг. В 1908 г. мировые судьи Томска решили создать специальную комиссию для определения размера сумм, необходимых для нормального обеспечения их жизни и деятельности. Они собрали сведения о ценах в губернском городе и оказалось, что на содержание камеры с канцелярией фактически тратилось 2800 руб. в год, тогда как на эти нужды казна отпускала лишь 1200 рублей. Поэтому мировые судьи нанимали под камеры тесные, неблагоустроенные, холодные в зимнее время помещения, в связи с чем их преследовала простуда, в качестве служебного персонала использовали случайных и неблагонадежных людей².

Между тем закон от 28 мая 1911 г. «усиливал канцелярские средства» западносибирской мировой юстиции. На эти нужды теперь отпускалось ежегодно дополнительно по 5600 руб. в Тобольской губернии и по 8400 руб. в Томской. Судя по всему, «усиление» оказалось недостаточным. К примеру, в 1913 г. в округе Барнаульского окружного суда на канцелярские расходы было получено 18596 руб., тогда как мировые судьи фактически потратили 26062 рублей³.

Один из основных поводов уйти с должности мирового судьи заключался как раз в неважном финансовом положении. Мотиви-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 115.

² ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139. Л. 1-23; Д. 186. Л. 433 об., 461-462.

³ Там же. Д. 261. Л. 184 об.

ровать отказ от работы таким сотрудникам не представляло труда. Один из них писал: «Работать в должности мирового судьи мне пришлось при таком огромном числе дел и при столь незначительных окладах квартирных и канцелярских денег, что в первый же год этой службы я и здоровье свое расстроил, и личного денежного долга для поддержания необходимого порядка в своей канцелярии сделал больше 1200 рублей»¹.

Вообще, в России к рубежу XIX–XX вв. материальное положение судей становилось малоудовлетворительным. Потому иногда дело помощи членам судейского сообщества пыталась взять в свои руки сама корпорация судебных деятелей. Это происходило и по инициативе начальства юстиции страны. Так, 20 ноября 1895 г. было учреждено Благотворительное общество судебного ведомства, сразу распространившее свои заботы на сибирскую юстицию². Численность организации и размеры материального вспомоществования, которое получали работники судов от этого филантропического учреждения, не впечатляли даже в масштабах всей страны. Например, в 1899 г. всего оно выдало пособий на сумму в 42285 руб. 30 копеек³.

Аналогичный альтруизм в Сибири также выражался в скромных цифрах⁴. В томское правление общества (по сути, филиал общероссийского) в 1900 г. входило 48 членов. Выделенные им тогда в общей сумме 515 руб. пособия направлялись (всего в девяти случаях) «на лечение, на воспитание детей, на обзаведение домашним имуществом вместо уничтоженного пожаром, на выкуп швейной машины и пр.». Корреспонденту «Сибирского вестника» объемы такого вспомоществования представлялись «довольно существенными», но он же выражал сожаление относительно незначительного числа участников этого содружества⁵. В 1904 г.

¹ ГАТО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–12.

² См.: Сведения о деятельности Благотворительного общества судебного ведомства // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 1. С. 44–45.

³ Благотворительное общество судебного ведомства // Право. 1900. 21 мая.

⁴ О. Г. Бузмакова предоставляет отдельные сведения о работе Благотворительного общества судебного ведомства в Сибири. См.: Бузмакова О. Г. Указ. соч. С. 94–95.

⁵ Сибирский вестник. 1902. 27 марта.

Тобольская губерния располагала 86 членами аналогичного общества, а его капитал составлял 1655 руб., из которых 855 руб. пошли на помощь тридцати шести нуждавшимся лицам или их неимущим семьям¹.

Явное недофинансирование испытывали сибирские окружные суды. Стремление правительственных чиновников как можно меньше обременять расходами государственную казну иногда ставило деятельность Тобольского и Томского окружных судов на грань остановки. В критическом положении находился в конце 1899 г. Тобольский окружной суд. Его председатель С. В. Сукачев телеграфировал в Министерство юстиции: «Сессия должна выехать 1 ноября; денег нет; прошу перевести телеграммой, иначе придется сессию отложить — дела исключительно арестантские». Чуть позже он докладывал об отсутствии средств на выплату жалования канцелярским служащим. Из Министерства юстиции пришел ответ: «Министерство лишено возможности удовлетворить в настоящее время поступающие от судебных установлений ходатайства об отпуске дополнительных средств»². Хотя Томский окружной суд был более обременен, чем многие суды в Европейской России, на содержание его канцелярии отпускалось в 2–3 раза меньше средств. Ф. Ф. Десп непосредственно после реформы 1897 г. начал настойчиво ходатайствовать об увеличении канцелярских сумм. Из Министерства юстиции отвечали на эти просьбы отказом. Глава организации предупреждал министерских чиновников о том, что ввиду недостатка средств «возможна полная приостановка деятельности суда на два месяца»³.

Потребность увеличения числа окружных судов в начале XX в. тоже упиралась в проблему государственных расходов. «Если бы министерство посмотрело на это житейски-здорово, — писал Р. Л. Вейсман, — оно увидело бы, как много тратит непроизводительно денег казна на эти колоссальные разъезды, и как напрашивается мысль устроить целую сеть небольших окружных судов с тем же персоналом бродячего состава суда, не знающего ни сна,

¹ Сибирский листок. 1905. 7 апр.

² ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 43. Л. 158, 164–165.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 14–17, 50–62 об.

ни отдыха»¹. Сибирским чиновникам, мотивировавшим необходимость увеличения числа судебных учреждений, приходилось свои ходатайства подкреплять аргументами финансового свойства. «Что же касается содержания личного состава, то с учреждением Барнаульского окружного суда расходы казны на этот предмет почти не увеличатся», — уверял томского губернатора А. В. Витте. Вместе с тем он, как и Р. Л. Вейсман, полагал, что повысится эффективность работы судебной системы: «Не могу не выразить моего глубокого убеждения, что деятельность того же числа судей (и канцелярских чинов), распределенных между двумя судами — томским и барнаульским, будет благодаря меньшим разъездам, несомненно, продуктивнее деятельности тех же чинов при условии сосредоточения их в одном пункте — Томске, расположенном притом же не в центре губернии, а на ее северной окраине». Правда, когда в 1908 г. предположение об открытии еще одного окружного суда в Томской губернии начинало реализовываться, гласные Барнаульской городской думы «за неимением у города денежных средств» единодушно высказались за предоставление под новое учреждение здания богодельни за ежегодную арендную плату в целых 3000 рублей².

Количество выездных сессий неуклонно возрастало, а их финансирование — нет. Например, расходы Тобольского окружного суда на командировки выросли в 1898–1901 гг. с 17700 руб. до 27999 рублей. В 1902 г. С. В. Сукачев был вынужден признать, что выделяемых средств «далеко недостаточно на предстоящие в текущем году расходы по выездным сессиям окружного суда», а «сокращение расходов на означенные надобности может быть достигнуто лишь посредством уменьшения числа сессий, что неминуемо повлечет за собой накопление дел в суде»³. Но Министерство юстиции последовательно отказывало в дополнительном выделении денег: «Особых кредитов на перевозку дел и вещественных доказательств на сессии окружным судам не отпускается ...помянутые дела и доказательства должны быть поэтому пере-

¹ Вейсман Р. Л. Яркие недостатки... С. 45.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5658. Л. 11 об., 13 об., 23–24.

³ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 97. Л. 27–28 об.

возимы чинами суда, выезжающими на сессии за счет сумм, получаемых ими на эту последнюю надобность»¹.

Введение суда присяжных в 1909 г., самого по себе ничего ни стоившего казне, потребовало затрат причастных к его формированию ведомств и чиновников. Мировые судьи принуждались к использованию собственных ресурсов при составлении списков присяжных заседателей. Так, глава уездной комиссии мировой судья 5-го участка Курганского уезда 15 сентября 1909 г. просил губернское управление «об отпуске средств на произведенные уже им, председателем, и предстоящие в будущем канцелярские расходы по ведению упомянутого выше дела». Для предупреждения подобных прошений в дальнейшем губернское управление уведомило П. Е. Маковецкого, что «существующими по настоящему предмету законоположениями не установлено никаких кредитов на канцелярские расходы по регистрации присяжных заседателей, а потому и ходатайства этой категории со стороны губернского управления не могут получить удовлетворения»². Авторами списков являлись административные чиновники³, и их работа тоже не оплачивалась.

С проведением судебной реформы 1897 г. суд приближался к населению, которое устремилось в новые учреждения, а правосудие потребовало дополнительных площадей, пристойных внешнего вида и интерьера. Найти их оказалось делом непростым: так, курганский окружной исправник в августе 1897 г. доносил Л. М. Князеву, что хотя для четырех из пяти мировых судей округа «могут быть найдены помещения», но они «мало соответствующие сказанному назначению»⁴.

Вообще, впоследствии многие мировые судьи трудились в невыносимых условиях. Стране стало об этом известно из статьи М. Войтенкова⁵ в популярной столичной газете «Право»: «Мировые судьи принуждены зачастую ютиться в ужасных избах при

¹ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 129. Л. 12.

² Там же. Д. 254. Л. 48–48 об.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–37; Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 9–14 об.

⁴ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 859. Л. 33.

⁵ В 1905–1906 гг. товарищ прокурора Томского окружного суда (ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 16. Л. 2–5).

убогой обстановке. Камеры мировых судей представляют из себя такое же убожество и решительно не соответствуют своему назначению. Убожество камер, ютящихся в отвратительных избах, объясняется еще и тем, что на устройство камер были отпущены в каждом участке весьма скудные средства, и лишь один раз — при проведении реформы в Сибири. С течением же времени камерное имущество, и без того незавидное, переходя от одного судьи к другому, пришло в ветхость и совершенную негодность, благодаря чему во многих камерах нет скамей для публики, нет даже стола и стула для судьи, нет такой роскоши, как сукно для стола, а если имеется, то представляет из себя в большинстве случаев удивительно грязные лохмотья. О таких же непрременных принадлежностях, как свидетельская комната, помещение для архива или хранения вещественных доказательств, и говорить не приходится, ибо таковых нигде нет»¹.

В. Н. Анучину посчастливилось побывать на Кавказе, по подобию мировой юстиции которого был устроен сибирский суд, и сравнить их имущественную часть. Его удивила простором и убранством увиденная камера в Гудауте с «поместительной прихожей», пятью «просторными, светлыми комнатами с высокими потолками и дверями, большими окнами». Объяснение сибиряк нашел в разной финансовой политике, применявшейся в различные периоды в отношении отдельных регионов империи, в том, что на содержание правосудия на южных рубежах Европейской России средств «отпускалось достаточно»².

К открытию 2 июля 1897 г. новых судебных учреждений были отремонтированы и роскошно декорировались бывшие конюшни — туда въезжал Тобольский окружной суд³. Теперь дом, где ущемлялось всякое достоинство, совершенно не удовлетворял судейским нуждам, и в дальнейшем ставился вопрос о строительстве нового здания, однако ассигнования на это не выделялись. Отчаявшись, П. Е. Маковецкий в 1907 г. писал председателю

¹ Войтенков М. Мировой судья в Сибири и в Забайкалье // Право. 1911. 30 янв.

² Анучин В. Н. Мировой судья на Кавказе.

³ Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. С. 41.

Омской судебной палаты: «Необходимо построить новое здание суда и давно уже пора бросить бывшие генерал-губернаторские конюшни»¹.

Между тем новые судебные правила обязали окружные суды проводить выездные заседания в городах губернии. Там, куда они заезжали, разумеется, отсутствовали специальные здания. Р. Л. Вейсман указывал, что для окружных судов Западной Сибири годились старые школы, казармы, клубы². Например, в Тюмени зимой 1900 г. в качестве временного пристанища Тобольского окружного суда использовалось мужское фойе в театре Текутьева³, хотя уже планировалось перестроить под судебные нужды часть тюменского гостиного двора⁴. В Ишиме приехавший суд размещался то в помещениях городского общественного управления, то общественного собрания, разделяя их с временным отделением Государственного банка; в 1901 г. по ультимативному требованию финансового учреждения Ишимская городская дума прогнала его из занимаемых в течение нескольких лет стен, поставив последний «в безвыходное положение». Примечательно: главным поводом выселения правосудия в Ишиме послужило то, что, заезжая на время сессий, окружной суд вынуждал банковское заведение освобождать помещение, и это было «сопряжено с большими стеснениями и ущербом от переноса мебели банка»⁵. В 1900 г. в Бийске Томскому окружному суду не удалось провести заседания выездной сессии в местном общественном собрании, которое оказалось задействованным для празднования Масленицы⁶.

Зачастую атмосфера, царившая в залах заседаний судов, была далеко не подходящей для служения Фемиде. «Во время процесса, — наблюдал Р. Л. Вейсман, — не раз приходилось слышать хлопанье пробок, стуки киев, пьяные голоса посетителей»⁷. Иногда такое положение вызывало возмущение судебных деятелей.

¹ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 139. Л. 12.

² Вейсман Р. Л. Яркие недостатки... С. 45.

³ Сибирская торговая газета. 1900. 19, 22 янв.

⁴ ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 365.

⁵ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 893. Л. 1–8.

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1. Л. 91.

⁷ Вейсман Р. Л. Яркие недостатки... С. 45.

Однажды чиновники Томского окружного суда категорически отказались от проведения судебных заседаний «в те дни, когда устраиваются обыкновенные клубные вечера»¹.

Характерно, что где-то западносибирские окружные суды делили пространство с библиотеками. Тем самым судьба как бы подчеркивала единство назначения храмов правосудия и храмов знаний: оно состояло в их просветительской миссии. Борьба с невежеством народа, формирование у него должного правосознания — такова задача, которую поставила перед новой юстицией судебная реформа 1864 г. Правда, обозначенное соседство не всегда было взаимно комфортным. В том же Ишиме суд, вытесняя банк со второго этажа здания на первый, где находилась городская библиотека, вынуждал ту закрываться на период судебной сессии².

Первым признаком повышения значения правосудия стало строительство специально предназначенного для судебных нужд здания. 5 мая 1902 г. произошла закладка необходимого региону здания Томского окружного суда в присутствии старшего председателя Омской судебной палаты А. А. Кобылина, А. В. Витте и других важных лиц³. Возвели его в Томске на месте, принадлежавшем торговому дому «Евграф Кухтерин и сыновья» на его же деньги. В 1904 г. Томский окружной суд переехал в новое помещение, в котором трудился до 1916 г. на правах аренды, пока Министерство юстиции не выкупило его за 235 тыс. рублей⁴. Однако уже скоро после постройки эксперты Министерства юстиции признали суд «слишком тесным» (особенно маловместительными там были канцелярия и нотариальный архив)⁵.

В Тобольской губернии не было и такого сооружения, а правосудие настоятельно требовало расширения своего пространства: ведь на границе первого и второго десятилетий XX в. устанавли-

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 1. Л. 2.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 893. Л. 2.

³ Сибирский наблюдатель. 1902. № 5. С. 147.

⁴ Яковлев Я. А., Рассамахин Ю. К. Указ. соч. С. 287–291.

⁵ Описание помещений судебных палат и окружных судов. СПб., 1913. С. 56.

вался суд присяжных и открывалось новое отделение¹. 4 июля 1913 г. представители строительной части губернского управления вместе с П. Е. Маковецким во время ремонта произвели экспертизу состояния «дома Корниловой» (сибирякам больше известен как «дом Корнилова»²), где после отъезда из генерал-губернаторских конюшен пришлось разместиться Тобольскому окружному суду.

Результаты осмотра оказались неутешительными: «При производстве в доме внутреннего ремонта в комнате ...обнаружена во всю толщину капитальной стены первого этажа сквозная трещина от половины высоты комнаты к полу. Известковый раствор, вынутый из этой расщелины, оказался прочным и хорошо схватившимся, так что к нему пристали частицы кирпича, причем кирпичи в кладке шатаются и многие можно вынимать руками. В подвальном этаже в той же стене ...обнаружены также значительные трещины по перемышкам и в местах сопряжения этой капитальной стены. Упомянутая трещина совершенно недавнего происхождения и в изломе еще не покрыта пылью и грязью. Около этой трещины в углу находится водопроводный кран без раковины, пол под краном сгнил. В комнате под большим залом заседаний ...в двух местах обнаружено отставание штукатурки; в остальных местах штукатурка прочна и трещины при ремонте расчищены и расшиты надлежащим образом. Остальные трещины в кабинете председателя, вестибюле и т. д. происхождения давнего, наблюдались еще при осмотре дома для занятия его окружным судом и с тех пор не увеличились. Снаружи по всему периметру здания, за исключением новейшей пристройки с восточной стороны здания., оштукатурка цоколя обвалилась в нижней своей части, кирпичная облицовка под ней также отделилась на толщину местами до одного кирпича и под ней обнаружен совершенно изопревший кирпич фундамента. Грунтовые воды стоят в нынешнем году небывало высоко и в подвале сырость и плесень.

¹ Описание помещений судебных палат и окружных судов. СПб., 1913. С. 55.

² Корниловы — известная династия тобольских предпринимателей (см., напр.: Тобольский биографический словарь. С. 231–234).

По обоим уличным фасадам обнаружены вертикальные трещины от окон подвала до подоконников первого этажа и местами выше по перемычкам».

Строители тогда заключили: «Ввиду того, что внутренняя капитальная стена находится под залом заседаний, и пол его опирается на эту разрушающуюся стену, полагали бы более осторожным ограничить число посетителей в зале судебных заседаний девятью человеками на квадратную сажень, т. е. 16×9 — не более 150 человек, считая в этом числе состав суда, присяжных, свидетелей и публику...»¹. Такой простор оставляли правосудию стены «дома Корниловой», ровно настолько в нем получалось реализовать один из либеральных принципов судопроизводства — гласность судебных заседаний.

Между тем начинались времена использования электричества. В начале 1915 г. по просьбе П. Е. Маковецкого, сильно радеющего о состоянии помещения окружного суда, комиссия в составе инженеров и электромонтеров участвовала в «приемке вновь оборудованного в помещении окружного суда электрического освещения», «с целью выяснения прочности, соответствия с техническими требованиями и безопасности» его в пожарном отношении. 10 января был составлен акт обследования, выявившего значительные недостатки в электрооборудовании: «При осмотре оказалось: 1). Ввод в здание проложен шнуром, а не проводником на роликах или в трубках; 2). Отводы от главных магистралей расположены один против другого, должны быть в разных местах, т. е. между местами спаек должен быть ролик; 3). Отводы от магистралей не везде пропаяны; 4). Концы шнуров в патронах и выключателях во многих местах не пропаяны, все концы необходимо пропаять; 5). Шнуры к блочным приборам в некоторых местах не цельные, а паяные, сами приборы без предохранителей, необходимо в розетке блочного прибора поставить предохранители; 6). Шнуры над окнами проведены близко к карнизным крючьям, а в некоторых местах лежат на них и не снабжены трубками, необходимо шнуры удалить от крючьев, во избежание прижимания их к стенам при навеске карнизов, или одеть в бергамановские трубки

¹ ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1032. Л. 1^а.

в металлической оболочке; 7). Спуски из одного этажа в другой проложены в одной трубке, должны быть не шнурованные, а из перевода и в двух; 8). Вся установка электрического освещения здания распределена на группы неравномерно, так в некоторых группах до 38 ламп, в других же только 13–15 при одинаковом количестве свеч в лампах; 9). Люстры от железных потолочных крючьев не изолированы, при скрощении проводов нет трубок, при входе в трубки нет около втулок роликов, на роликах шнуры не перевязаны и т. п. мелкие дефекты. Все замечания неправильности установки противоречат циркулярному распоряжению Министерства внутренних дел от 4 июля 1904 г. за № 925 и, кроме того, создают большие неудобства в пользовании электрическим освещением»¹.

Таким образом, ко всему прочему правосудие имело все шансы оказаться на пепелище. Неразрешенность проблем пожарной безопасности не раз бросала региональную Фемиду в огонь: осенью 1812 г. пылала Москва, а в далекой Сибири — Тарский уездный суд²; в 1887 г. пожар «истребил дела Березовского окружного суда»³, «2 мая 1917 г. от возникшего в г. Барнауле пожара сгорело помещение окружного суда со всеми находящимися в этом помещении делами окружного суда и камеры прокурора»⁴ и т. д.

«Далеко не соответствующим своему назначению» признавалось здание Тобольского окружного суда экспертами Министерства юстиции, которые считали «весьма желательным» заново возвести храм правосудия⁵. Предполагалось, что средства на его сооружение будут заложены в министерские расходы 1914 г. Тобольское губернское управление уже уступило под него место в благоприятном и достойном для правосудия районе — на углу Богоявленской и Архангельской улиц напротив губернской гимназии. Еще в 1912 г. состоящим при министерстве архитектором академиком В. Пруссаковым был исполнен эскиз-проект здания

¹ ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1032. Л. 8–9.

² Там же. Ф. 329. Оп. 13. Д. 517.

³ Там же. Ф. 377. Оп. 1. Д. 47.

⁴ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее — ЦХАФ АК). Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. Л. 16.

⁵ Описание помещений судебных палат и окружных судов. С. 55.

для окружного суда в Тобольске, утвержденный 3 мая 1913 г. тобольским губернатором А. А. Станкевичем. Это большой трехэтажный дом, внешне — помпезный, внутренне — вместительный, где предусматривалось все для безмятежного служения Фемиде. На набросках архитектора изображены просторные залы заседаний, совещательные комнаты, в том числе для присяжных заседателей, вестибюли для публики, архивы суда и прокурора, буфет, уборные, световой дворик, квартиры сторожа, вахтера, швейцара, смотрителя и т. д.¹ — то, чем Тобольскому окружному суду никогда не пришлось воспользоваться: вскоре ему предстояло поселиться в отремонтированное здание пансиона гимназии².

Еще один окружной суд намеривались разместить в Ишиме, городская дума которого безвозмездно уступила Министерству юстиции участок городской земли в 1200 квадратных саженей под постройку «собственного здания»³. Но задуманный ишимский суд так и не появился, а городским саженям не посчастливилось ощутить тяжесть залов, где распределялись судебные милости. Антресоли, флигели, конюшни, купеческие дома, театры — туда нередко помещались суды. Правосудию соседствовали грязь, окурки, скверные запахи, сырость, винные пары, плесень и трещины, его оскорбляли, выгоняя, располагая «в линию» и в конюшнях, ограничивая саженями, комнатами, обветшалыми постройками и чужой мебелью, оно размывалось дождевыми и грунтовыми водами, посыпалось штукатуркой, мерзло, обдувалось ветрами, существовало на грани возгорания, душилось электрическими шнурами, иногда ремонтировалось, и только начинало находить собственный угол. Учреждениям юстиции не удалось создать вокруг себя комфортной среды обитания: в рушившейся империи квадратные метры, разрушавшиеся кровли, потолки, карнизы, полы и стены оказывались крепче престижа судебной власти.

¹ ГАТ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 940. Л. 2, 7, 8–11, 75, 84.

² Там же. Д. 1202. Л. 2.

³ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 904. Л. 50–52 об., 59–59 об.

ГЛАВА 5. РОЛЬ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ И ГУБЕРНАТОРОВ В РАЗВИТИИ ЮСТИЦИИ КРАЯ

Дореформенное правосудие в условиях господства канцелярской тайны и отсутствия общественного контроля над ним требовало постоянного внимания и опеки со стороны государства; ограниченное в собственных ресурсах и без претензий на самостоятельность, оно нуждалась в перманентном административном содействии. Главы российских территорий обладали широкой судебной компетенцией, а попытки ограничить их вмешательство в дела юстиции были непоследовательны и не приносили искомым результатов. Известный дореволюционный исследователь института губернаторства И. А. Блинов указывал, что «хотя Учреждение о губерниях 1775 г. и возвещало» об отделении суда от администрации, в действительности этого не произошло. Губернаторы, переставшие собственноручно осуществлять правосудие, не лишились права воздействовать на формирование состава судов, утверждать выборных судей, принуждать суды исполнять свои «повеления» и влиять на график работы судебных учреждений; от их широкого участия не избавилось уголовное судопроизводство: «предварительное следствие, столь важное при следственном процессе», было всецело в руках губернаторов, они контролировали движение дел и утверждали приговоры, иногда, не довольствуясь предоставленной им обширной властью, вмешивались в уголовные дела еще больше, чем им позволялось¹.

Период, предшествовавший Великим реформам, являл собой время, когда «никто не хотел знать каких-то там разделений властей, вроде судебной и административной, да и по закону такого

¹ Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 221–225.

разделения не было»¹, когда администрация, по едкому замечанию министра внутренних дел С. С. Ланского, «ездила на юстиции»². Игравшие огромную роль в отправлении правосудия и его попечении руководители регионов империи, естественно, выполняли судебные функции и в Сибири. Бывшего до М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором И. Б. Пестеля, например, законодатель напрямую обязывал «обеспечить порядок в законном отправлении правосудия»³.

Однако злоупотребления этого управленца своими полномочиями, в том числе манипуляции судебной властью, привели его преемника к выводу, что до 1819 г. в крае господствовали традиции «личных, так сказать, домашних правил» администрирования, при закрытости бюрократической системы легко превращавшиеся в произвол начальства⁴. Министр юстиции И. И. Дмитриев рассказывал, как при его предшественнике на министерском посту И. Б. Пестель использовал свое служебное положение, чтобы добиться нужных ему решений по судебным делам: «Бывший министр столько ему доброхотствовал, что исходатайствовал даже высочайшее повеление присутствовать ему по сибирским делам в первом и уголовном департаментах, и в общем собрании Сената». В результате получилось, что сибирский генерал-губернатор «в одно время стал и истцом, и судьей в собственном деле»⁵.

По задумке М. М. Сперанского, рецептура действенного управления и суда в сибирском крае, кроме иного, сводилась к следующему: «Преобразить личную власть в установление, и согласив единство ее действия с гласностью, охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами, из самого порядка дел возникающими; учредить действие ее так, чтоб было не личным и домашним, но публичным и служебным; усилить надзор, собрав раздробленные и потому бессильные его части в одно установление и тем, вместо бесплодной переписки, сделать его средством

¹ Васкель Я. Указ. соч. 17 янв.

² Цит. по: Гессен И. В. Указ. соч. С. 12.

³ ПСЗ-1. Т. 29. № 22143.

⁴ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. С. 6–7.

⁵ Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. С. 189.

к действительному исправлению, заменив им, с одной стороны, удаленный от Сибири надзор высшего правительства, а с другой, недостаточный надзор общего мнения»¹.

Сибирское учреждение 1822 г. на шестьдесят лет закрепило управленческую модель, когда юстиция в условиях смешения властей тесно взаимодействовала с администрацией и ей подчинялась. Генерал-губернаторы получили право и обязывались в порядке управления во всех ведомствах побуждать чиновников к скорейшему разрешению дел, определять и увольнять служащих, проводить ревизии государственных органов. Гражданским губернаторам предписывалось пересматривать уголовные дела и обозревать/ревизовать губернские присутственные места². Устанавливался, таким образом, ревизионный административный порядок: «основные цели программы» М. М. Сперанского — «контроль, гласность и “публичность” управления, — констатировал Н. М. Ядринцев, — не были им достигнуты вследствие существенных недостатков самого учреждения, начертанного им»³.

Управляющие регионами Сибири располагали немалым властным ресурсом: «По Сибирским учреждениям губернаторская власть и велика, и обширна, а главное — вполне самостоятельна. В то время, как во внутренней России, с введением представительных реформ, губернаторскую власть постепенно ущербляли, отнимая у нее тот или другой лепесток власти, — забытая реформами Сибирь сохраняла власть губернатора цельной и неприкосновенной»⁴. Обладанием судебной властью этот потенциал еще более увеличивался. Особенное рвение западносибирским управленцам законодатель предписывал проявлять в качестве проверяющих при обзрении деятельности государственных, в частности, судебных учреждений. М. М. Сперанский подчеркивал: «Двенадцать лет без ревизии и без надзора достаточны,

¹ Обзорение главных оснований местного управления Сибири. С. 23–24.

² ПСЗ-І. Т. 38. № 29125. Ст. 19, 33.

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 527.

⁴ Васкель Я. Указ. соч. 17 янв.

чтобы расстроить и привести в беспорядок наилучше устроенную губернию»¹.

В период действия Сибирского учреждения было проведено всего две крупные ревизионные проверки Западной Сибири: в 1827 г. сенаторами Б. А. Куракиным и В. К. Безродным; в 1851 г. — Н. Н. Анненковым. Роль местных ревизоров, таким образом, еще более возрастала. Начало обследованию судебных учреждений было положено в первый год их деятельности. П. М. Капцевич при ревизии Ишимского и Тарского окружных судов обнаружил медленность делопроизводства, «запущения и расстройство в делах», а на виновников нарушений наложил пени². Тобольский губернатор А. С. Осипов выявил незаконное расходование средств в городском суде губернского города, с членов и секретаря которого предписывалось взыскать растраченную сумму³.

Некоторые руководители, «обозрев» деятельность региональной юстиции, пытались сигнализировать о ее недостатках столичным чиновникам. Тобольский губернатор, бывший декабрист А. Н. Муравьев, устроивший в Тобольске «борьбу с целой партией местных взяточников, которым казалось странным, что губернатор ни с кого не берет взятки»⁴, в своей записке А. Х. Бенкендорфу «О злоупотреблениях и злоупотребителях Тобольской губернии» от 12 декабря 1833 г. рассказывал о деятельности окружных судов, что «злоупотребления в сих местах гораздо менее и реже, чем в земских судах, хотя и в них личные виды составляют перевес в некоторых делах». Сравнительное благополучие этих судов объяснялось отнюдь не честностью судей, а мизерностью числа гражданских дел, рассмотрение которых позволяло бы «воспользоваться деньгами», и предварительными поборами («стеснительными сборами») полицейских чиновников — после них взять с подсудимого было нечего. Тобольский губернский суд, отмечал губернатор, работал весьма медленно, гражданских дел произво-

¹ См.: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 523.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 228. Л. 14–14 об.

³ ГАТ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 10–13.

⁴ Головачев П. М. Декабристы: 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени. М., 1906. С. 162.

дилось в нем мало, а его председатель С. И. Кукуранов был бездеятелен и неприлежен в решении дел¹.

В середине XIX в. повышалось внимание к потребностям правосудия, обусловленное изменением правительственного курса по отношению к Сибири, и от фискального подхода самодержавие переходило к решению социально-экономических и политических проблем края². Сейчас активизировалась ревизионная деятельность, толчком к чему послужила проверка состояния Западной Сибири Н. Н. Анненковым, в ходе которой, по словам главного помощника ревизора, будущего тобольского губернатора В. А. Арцимовича, предпринимались «строгие и подробные ревизии» местной юстиции³. Правительственные чиновники стали озадачивать руководителей региона вопросами о способах совершенствования судоустройства, и сами местные администраторы начинали сознавать, что без коренных реформ улучшить положение юстиции в крае невозможно.

Деятельность в качестве ревизора и тобольского губернатора позволила В. А. Арцимовичу составить целостное представление о судебных порядках региона. Став начальником Тобольской губернии в 1854 г., он обследовал окружные суды. В Тюмени таковой «оказался неудовлетворительным, ибо решал мало дел, многим из них давал неправильный ход, иные оставлял без движения требованием излишних сведений и справок, которые были до того странны, что их можно отнести только или к намеренному продолжению дела, или к весьма мелочному, вовсе неслужебному любопытству. Самый состав суда был неудовлетворителен». Помощник губернатора и его шурин, чиновник особых поручений В. М. Жемчужников рассказывал об обнаруженных в ходе проверок анекдотических случаях из деятельности судебной системы. Так, в Ялуторовске «окружной судья, исполняя должность городничего, пьяный, украл при обыске у одного мещанина две сереб-

¹ Переписка А. Н. Муравьева // Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. Тюмень, 2000. С. 319, 321.

² Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. С. 191.

³ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4400. Л. 31.

ряные ложки... Заседатель окружного суда укрывал в подполье всех беглых, сам освобождал их из острога и делился с ними краденными вещами»¹.

Ревизионный порядок демонстрировал полную несостоятельность. Вскрывавшиеся в ходе обследований недостатки не исправлялись, повторяясь от проверки к проверке. Так, ревизия Ялуторовского окружного суда в августе 1859 г. обнаружила некоторые дела, которые «давно могли бы быть кончены, если бы суд более заботился о скорейшем их производстве и своевременно относился по ним со своими требованиями в другие присутственные места»². Через шесть лет в этом учреждении по производству уголовных дел была «замечена медленность в вырешении их». В те же сроки изучался Омский окружной суд. За шестилетие и он не стал более скорым: в 1866 г. А. И. Деспот-Зенович констатировал, что там «медленность в производстве дел встречается почти по каждому делу»³. В это время, как отметил губернатор, множество уголовных и гражданских дел и в других окружных судах «не имели движения»⁴.

На тщетность всяких проверок указывал в переписке с Г. Х. Гасфордом и В. А. Арцимович: «Несмотря на все стремление и заботливость вашего превосходительства, строгие и подробные ревизии и мои посильные труды об устройстве окружных судов, места сии далеко не соответствуют видам правительства, полагаю даже, что и невозможным достигнуть существенных улучшений по этой части управления, при условиях службы в судебных инстанциях первой степени и недостатке образованных юристов и во внутренних губерниях»⁵.

¹ Ск-ев [Скропышев Я. С.]. Тобольская губерния в пятидесятых годах. Материалы для биографии Виктора Антоновича Арцимовича за время управления его Тобольской губернией (1854–1858 гг.) // Вестник Европы. 1897. № 11. С. 13–15.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4573. Л. 7–7 об.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 35. Д. 221. Л. 2, 7 об.

⁴ См., напр.: Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 15 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). Тобольск, 1867. С. 301.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4400. Л. 31–31 об.

В триаде «администрация, суд и общество» взаимосвязи строились таким образом, что не облегчали жизнь ни одному из ее сегментов. Нерациональность связей, помноженная на местные традиции, удаленность от столичного начальства, допущенный Сибирским учреждением приоритет личных отношений над служебными внесли хаос в управление регионом. Администрация ревизовала суд, а тот проверял администрацию. При том, что разграничить их потребности и интересы не представлялось возможным, распри между влиятельными партиями в Санкт-Петербурге способствовали разжиганию неприязни между сибирскими чиновниками, бывшими ставленниками данных группировок, но в конечном итоге от козней, самоуправства и всяких иных неустройств страдало население, лишенное нормального управления и справедливого правосудия.

Типичным примером такого рода отношений административных и судебных губернских начальств служила Тобольская губерния. С 18 января 1824 г. по 4 июня 1837 г. председателем Тобольского губернского суда являлся С. И. Кукуранов¹ — выходец из дворян, карьера которого не предвещала достижения им высоких бюрократических ступеней. В 1793 г. он поступил копиистом в Курское губернское правление и потом долгое время находился на канцелярской службе в разных регионах и ведомствах, послужил в канцелярии Сената, имел небольшие поощрения (например, в 1811 г. «за ревностное содействие к охранению порядка» награждался золотой табакеркой от Министерства полиции)². Это был человек «глупый, упрямый, решавший дела по произволу или, лучше сказать, по карманным связям, крививший душой и законами»³.

В 1825 г. тобольским губернатором стал известный историк Д. Н. Бантыш-Каменский, которому благоволил западносибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич, а тому, в свою очередь, —

¹ Гриценко Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. С. 273.

² ГАТ. Ф. 329. Оп. 19. Д. 9. Л. 6 об.-10.

³ Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д. Н. Бантыш-Каменского. 1825-1834 гг. // Русская старина. 1873. № 6. С. 742.

всесильный при Александре I А. А. Аракчеев. Положение деятельного губернатора пошатнуло падение последнего в начале николаевского царствования и последовавшая отставка неуступчивого и независимого от Сибирского комитета П. М. Капцевича. В ходе ревизии Б. А. Куракина и В. К. Безродного против Д. Н. Бантыш-Каменского ополчились местные чиновники, ранее пострадавшие от него¹. Ему перестали подчиняться судебные чины: губернский суд «оказывал явное уже неповиновение»², а его глава С. И. Кукуранов, по воспоминаниям самого губернатора, «сделался дерзким» против него, начал помещать в представлениях своих оскорбительные для звания главы губернии выражения, «не уважал» его «предложений о скорейшем решении дел арестантских». Д. Н. Бантыш-Каменский был отстранен от должности, а когда уже его оправдали, Сенат в своем заключении все-таки припомнил отношения с председателем Тобольского губернского суда, в которых бывший губернатор якобы «отклонялся от установленного порядка» и переусердствовал по службе³. Однако ревизия ударила и по губернскому суду: Б. А. Куракин и В. К. Безродный, вскоре сам проворовавшийся⁴, выяснили, что работе этого учреждения свойственны «беспорядки», а по делам заметили «медленность и накопление их с давнего времени». Оказалось, что суд «решал дел гораздо менее, нежели поступало, от чего с каждым месяцем более и более накоплялось число нерешенных дел»⁵.

Оправдание Д. Н. Бантыш-Каменского перенесло тяжесть обвинения в его склоках с С. И. Кукурановым на последнего. Неподчинения руководителю столичных чиновники не могли терпеть: «В отношении же председателя тобольского губернского суда

¹ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 193–199.

² Штейн В. Бантыш-Каменский Д. Н. // Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. Т. 2. СПб., 1900. С. 464.

³ Шемякин суд в XIX столетии. С. 742, 772.

⁴ См.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 199.

⁵ ПСЗ-II. Т. 4. № 2655.

статского советника Кукуранова, усматривая дерзость его, Кукуранова, против начальства, явное своеволие, неосновательные донесения, личность против бывшего губернатора, неприличные насчет Правительствующего Сената изъяснения и другие предосудительные поступки, полагает (Сенат. — *Е. К.*): за таковые действия ...учинить ему, Кукуранову, строгий выговор, внося оный в формулярный о службе его список с подтверждением, что если впредь будет поступать подобным образом, а кольми паче позволит себе какие-либо личности ко вреду службы, то подвергнет себя за то суждению по всей строгости закона»¹.

Работа дерзновенного по отношению к административному начальству председателя губернского суда получала серьезные нарекания и внушения в свой адрес В. И. Вельяминова², тобольских губернаторов А. Н. Муравьева³, И. Г. Ковалева⁴, но С. И. Кукуранов пережил на своем посту их всех. Более того, он неоднократно исполнял должность главы губернии в 1835–1836 гг.⁵ Кроме него в качестве тобольских губернаторов были замечены председатели Тобольского губернского суда И. И. фон Шиллинг в 1852 г.⁶ и А. И. Папкевич в 1862 г.⁷, что лишний раз подтверждало умозрительность границы между администрацией и судом. Такая практика была привычной для эпохи. Например, И. С. Жиркевич, назначенный в 1836 г. витебским губернатором, рассказывал о временном исполнении губернаторских обязанностей до его прибытия председателем тамошней уголовной палаты⁸.

¹ Шемякин суд в XIX столетии. С. 772.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 326. Л. 208–209 об.

³ Переписка А. Н. Муравьева. С. 321.

⁴ ГАТ. Ф. 329. Оп. 11. Д. 272. Л. 374 об.–377.

⁵ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 518; Тобольский биографический словарь. С. 508–509; ГАТ. Ф. 152. Оп. 30. Д. 50. Л. 8 об.–25.

⁶ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 518; Тобольский биографический словарь. С. 558.

⁷ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 309.

⁸ Записки генерала Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. 1890. № 8. С. 236.

Порочность традиции совмещения властей и подчинения юстиции управленцам, прибегающим к судопроизводству, как и остальные подданные, демонстрировал случай, рассказанный М. Д. Францевой. П. Д. Горчаков затеял как-то «неправое дело» по наследству и «перевел это дело для скорейшего успеха в сибирские суды, где, как властелин края, надеялся выиграть его». Как и ожидалось, судебное решение было в пользу главного чиновника региона. Однако родитель мемуаристки, бывший тобольским губернским прокурором, «не мог поступить вопреки своей совести», понимая, что «жертвует благосостоянием своей многочисленной семьи» (у него было семь детей¹), протестовал против неверного постановления суда, и генерал-губернатор, «получив протест отца, рассвирепел окончательно»².

Между тем особые сибирские управленческие система и порожденные ей отношения воспитали в сибиряке искательство правды лучше всего у самого главного начальника и оформленной письменно. «Кому не приходилось тогда худо (а и кому не приходилось!), всякий считал, что защиту найдет только у губернатора. Кроме того, сибирское беспокойное население, испорченное столетиями бесправия и бумажного насилия, таки, наконец, от души полюбило эту бумажную кляузу, верило только в одну бумагу, ибо изверилось в людей (да и не в кого было, по правде сказать, верить!) и потому сделалось заклятым сутягой. Ясно, что при таком порядке и таком населении, даже самый идеальный губернатор должен бы был потеряться, чувствуя свою беспомощность; а между тем только ему, представителю высшей власти в губернии, население еще и верило»³.

Сутяжничество порождалось губернаторским многовластием, неудовлетворительным состоянием юстиции, а также неспособностью решать юридические вопросы: «Действительно, чего только не ведает начальник губернии? Кроме чисто административных дел и председательствования в многочисленных губерн-

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 30. Д. 78. С. 2 об.-18.

² Воспоминания М. Д. Францевой // Исторический вестник. 1888. № 6. С. 627–628.

³ Васкель Я. Указ. соч. 17 янв.

ских присутствиях и комитетах, сибирский губернатор направляет все хозяйственные и судебные дела, подлежащие рассмотрению в губернских советах, и наблюдает за исполнением постановлений последних. Это дает повод населению обращаться к губернатору с самыми разнообразными просьбами по всяким делам, как бы ничтожны и мелочны они не были, и сколько бы учреждений, помимо губернатора, не существовало для разрешения этих дел»¹.

Такие порядки доставляли немало хлопот административной власти, особенно начальникам губерний, отличавшимся отзывчивостью. В беседе с тобольским губернатором А. И. Деспот-Зеновичем редактор «Тобольских губернских ведомостей» А. И. Орлов узнал, что тот «ежедневно бывал обременен множеством просьб, не забывающих посещением и присутственные места». Главе губернии приходилось в ущерб своим непосредственным занятиям рассматривать эти прошения, «собирать по ним справки, занимая несколько рук; между тем как они большей частью оказывались несправедливыми или же подавались по делам, уже решенным»².

Институт российского губернаторства не был приспособлен к потребностям правосудия. И. А. Блинов указывал, что в 1840-х гг. губернаторы вынуждались подписывать в год до ста тысяч бумаг или до 270 ежедневно, и если предположить, что они тратили на просмотр и подписание каждой бумаги одну минуту, то тогда оказывалось, это занятие занимало четыре с половиной часа ежедневно. Причем, «бумажное многоделие» все развивалось и переписка, которая должна была быть по большей части следствием деятельности губернатора, обратилась для него в цель. Мало-маленьки принимаясь за дела, губернаторы немедленно же тонули в бумажном море, им оставалось или подчиниться своей судьбе, или, махнув на все рукой, ничего не делать»³. Следовательно, внимательный пересмотр уголовных дел губернаторами был невозможен.

¹ Сибирский вестник. 1885. 20 июня.

² Орлов А. И. Мысли об учреждении в Тобольске юридического общества // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус. Антология Тобольской журналистики конца XIX — начала XX вв. Тюмень, 2004. С. 487.

³ Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. С. 161.

Всевластие предъявляло к сибирским управленцам еще более повышенные требования: «Губернатор в Сибири, совсем не то, что губернатор в Европейской России. С одной стороны, права и полномочия сибирского губернатора шире и больше, но с другой, деятельность его обнимает такую массу предметов самого разнообразного свойства, что надо особую энергию и особое искусство, чтобы разобраться в этой обширной сфере, чтобы суметь установить правильные границы своего ведения и влияния, чтобы не пасть духом и не разочароваться»¹.

Вряд ли край мог рассчитывать на появление одновременно ряда способных управленцев, потому «дефектные экземпляры нередко встречались и между губернаторами, — утверждал Г. Н. Потанин, — сживали на губернаторских местах и подолгу сошедшие с ума генералы»². Во главе губерний, за некоторым исключением, находились люди, «мечтавшие только о том, чтобы получить другое назначение» и «стремившиеся вон из Сибири»³. Между тем сибирская общественность и сами начальники сознавали порочность многофункциональности управления: «Одной из основных причин беспорядков и зла в сибирском строе, как не раз указывалось, является соединение всех функций податных: хозяйственных, административных, судебных в одних руках дореформенных деятелей, о котором неоднократно выражали свои безутешные приговоры лучшие администраторы»⁴.

Среди последних выделялся В. А. Арцимович, в биографии которого сибирские годы остались важным эпизодом как период карьерного взлета и проверки на состоятельность в качестве губернатора — должности, обязывавшей в реалиях того момента активно участвовать в решении вопросов юстиции. Являясь воспитанником второго выпуска Императорского училища правове-

¹ Сибирский вестник. 1885. 20 июня.

² Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 274.

³ См., напр.: Непомнящий И. Сибирь и сибирские губернаторы // Сибирские вопросы. 1911. № 45/46. С. 74–75.

⁴ К. М. Современная жизнь Сибири и ее нужды // Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание под редакцией Н. М. Ядринцева. Приложение к «Восточному обозрению» 1886 г. Кн. 2. СПб., 1886. С. 115.

дения (1841)¹ — заведения, предназначавшегося законодателем николаевской России «для образования юношества на службу по части судебной»², учащимся которого прививалась мысль, что они «составят опору нравственного благосостояния государства»³, — юрист получил необходимые знания и в дальнейшем следовал указаниям наставников. Начав, по словам А. Ф. Кони, «трудовую жизнь в те тяжелые времена, когда отправление правосудия обращалось, в большинстве случаев, в трагикомедию бессудья»⁴, он десятилетие овладевал опытом в качестве участника ревизий и работая в Сенате, приобретая репутацию надежного и толкового чиновника. В частности, в 1843 г. молодой юрист служил в канцелярии ревизовавшей Таганрогское градоначальство и Керченский карантин группы, «где сосредотачивались все дела по судебной, административной и исполнительной частям», и, по словам руководителя ревизии сенатора М. Н. Жемчужникова, «оказал основательное знание законов, отличные способности, благородные правила и постоянную деятельность»⁵.

В. А. Арцимовичу пришлось исправлять положение вещей в Сибири, ведь управленческие порядки, насажденные в крае М. М. Сперанским, дали неоднозначные всходы (например, А. И. Герцен указывал: «Сперанский пробовал облегчить участь сибирского народа. Он ввел всюду коллегиальное начало; как будто, дело зависело от того, как кто крадет: поодиночке или шайками⁶). У прибывшего сюда ревизором и помощником Н. Н. Анненкова в 1851 г. будущего деятеля Великих реформ сформировался собственный взгляд на провинцию, существенно отличавшийся от традиционного. «Сибирь не есть страна для нас чуждая и предназначенная, как думают многие, исключительно для ссылки и наказания преступников. Сибирь есть часть России и одна из

¹ Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915–1916 г. Пг., 1915. С. 5.

² ПСЗ-II. Т. 10. № 8185. Ст. 1.

³ Штектардт Р. А. Юридическая пропедевтика. СПб., 1843. С. III.

⁴ Виктор Антонович Арцимович // Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных уставов). СПб., 1914. С. 174.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 31. Д. 1294. Л. 4–4 об.

⁶ Герцен А. И. Указ. соч. С. 204.

важнейших ее частей», — размышлял правовед после знакомства с регионом¹.

В ходе ревизии ее руководитель возложил на В. А. Арцимовича «заведование своей канцелярией по судебным и административным делам»². Хотя, по словам М. Д. Францевой, проверка была «сделана очень снисходительно»³, она «открывала полный беспорядок в Сибири и множество злоупотреблений»⁴. В. А. Арцимович составил отчет о поездке⁵, одну из частей которого Н. Н. Анненков прямо назвал «программой замечаний на Сибирские учреждения», где, среди прочего, указал на недостатки судебного управления и дал рекомендации по его совершенствованию. В частности, высказывалось предложение в целях наведения порядка в судебной системе рационализировать режимы подачи «жалоб на медленность судов I степени» и «наложения взысканий за неправильные и противозаконные действия сих судов»⁶.

Тогда же помощник ревизора вычленил главную проблему, в решении которой ему предстояло непосредственно поучаствовать в качестве губернатора, — «недостаток благонамеренных и способных чиновников». В. А. Арцимович докладывал столичным чиновникам, что «главное местное начальство вынуждено и ныне действовать столь же снисходительно и часто допускать и терпеть на службе людей малоспособных и ненадежных», напомнив о неоднократных предложениях об открытии сибирского высшего учебного заведения, которые «по неизысканию достаточных для сего средств остались без последствий»⁷.

¹ «Близкое познание Сибири ныне необходимо». Доклад В. А. Арцимовича. 1852 г. / сост. Н. Н. Александрова // Исторический архив. 1996. № 5/6. С. 195.

² Журнал гражданского и уголовного права. 1891. № 7. С. 144.

³ Воспоминания М. Д. Францевой. С. 632.

⁴ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 522.

⁵ См.: «Близкое познание Сибири ныне необходимо». С. 192–214; Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. С. 349–532.

⁶ «Близкое познание Сибири ныне необходимо». С. 193, 211–212.

⁷ Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. С. 350–351.

Таким образом, назначенный 16 марта 1854 г. тобольским губернатором, В. А. Арцимович уже хорошо знал местные условия и чиновный состав, в то же время взваливал на свои плечи многочисленные заботы, какие налагались на сибирского начальника. Предшественники ему оставили «губернию в крайне расстроеном виде. При отдаленности края, беззастенчивое взяточничество и игнорирование закона получили здесь особенно широкое развитие; в канцеляриях лежали без движения целые склады бумаг; самые элементарные нужды общественного благоустройства оставались неудовлетворенными; административный произвол нередко выливался в форму дикого самодурства»¹.

В той ситуации «даже самый идеальный губернатор должен бы был потеряться, чувствуя свою беспомощность»², однако это мнение не распространялось на В. А. Арцимовича. Среди губернаторов края он выделялся деловой активностью, ответственным отношением к службе, заботливостью о населении и стремлением улучшить местную общественную и хозяйственную жизнь. Достаточно напомнить, как отзывался о нем в своей переписке автор нетленного «Конька-горбунка» П. П. Ершов: «Я, помнится, писал тебе, что дел у меня порядочная куча. Помощником, пока, один Бог да истинно достойный начальник наш, тобольский губернатор Виктор Антонович Арцимович. Поверь мне, если б Россия была так счастлива, что хотя б в половине своих губерний имела Арцимовича, то Щедрина пришлось бы голодать, не имея поживы для своих Губернских очерков. Когда-нибудь, на досуге, я расскажу тебе об этой замечательной личности, а теперь порекомендую только заглянуть в наши “Тобольские ведомости”. Тут ты увидишь, что можно сделать, в самое короткое время, при умном, благонамеренном и деятельном начальнике»³.

¹ Арцимович (Виктор Антонович) // Энциклопедический словарь. Дополнительный том I. Аа–Вяхирь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1905. С. 161.

² Васкель Я. Указ. соч. 17 янв.

³ Петр Павлович Ершов, автор сказки Конек-горбунок. Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцова. СПб., 1872. С. 158.

Совершив множество важных и полезных для края деяний¹, В. А. Арцимович не мог игнорировать вопросы правосудия. Волокита, взяточничество, недоступность для населения и т. д. — все то, что было свойственно деятельности российских судов, в Сибири приобретало увеличенные формы. В памяти сибиряков тобольский губернатор остался руководителем, благодаря которому «вырешено было, как в административных, так и в судебных инстанциях, весьма значительное количество дел, лежавших без движения по десяти и даже более лет»².

Сибирский опыт пригодился государственному деятелю в дальнейшей службе. А. Ф. Кони указывал, что В. А. Арцимович, «близко знакомый с условиями и печальными бытовыми особенностями внутренней жизни дореформенной России по своему участию в нескольких сенаторских ревизиях и по управлению Тобольской губернией», «горячо откликнулся на призыв приступить к выработке мер для освобождения крестьян от крепостной зависимости»³. Однако в Сибири, как обнаружилось после его перевода в 1858 г. на должность губернатора в Калугу, где, собственно, он и приобрел знаменитость в качестве деятеля крестьянской реформы, судебное дело, если и улучшилось, то ненамного. Кроме порочности самих судеустройства и судопроизводства, причины малоуспешной деятельности этого государственного деятеля по улучшению правосудия коренились в несовершенстве бюрократической системы, неповоротливости чиновного аппарата и его низком качестве, хитросплетениях чиновнических связей. Как-то в некрологе по поводу кончины В. А. Арцимовича говорилось, что он «не имел ни врагов, ни завистников, он имел только доброжелателей»⁴. На самом деле это было не так, о чем знали современники даже за пределами России. В «Колоколе» рассказывалось:

¹ См.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 292–297.

² Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. С. 113.

³ См.: Кони А. Ф. К. К. Грот и В. А. Арцимович // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 5. М., 1911. С. 225.

⁴ Володимиров В. За месяц (юридическая хроника) // Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 3. С. 186.

«Окружен Гасфорд также очень дурно. В Тобольске, правда, был губернатором Арцимович, который несколько старался пробудить жизнь в своей губернии, но встреченный обскурантизмом Омска, должен был перенести свою деятельность на более благодатную почву»¹.

В начале своего губернаторства В. А. Арцимович сразу обратил внимание на ограниченность губернаторской власти в Сибири, способной парализовать ее деятельность: «При самом вступлении в управление губернией я заметил, что власть начальника Тобольской губернии находится далеко не на той степени силы и уважения, которые указаны нашими законами и учреждениями. Я всюду ощущал явный упадок этой власти и бессилие оной к добру и устройству края. Причина сего печального явления, очевидно, в прошедшем и, по преимуществу, в постоянном пренебрежении, с которым Главное управление здесь издавна привыкло обращаться к начальникам губернии. Я был во многих губерниях, но нигде не встречал столь нелестной и унижительной для власти переписки, какую нашел здесь в делах прежнего времени. Систематическое и постоянное пренебрежение обессилило законную власть, вывело все подчиненные управления из прямой зависимости и превратило начальника губернии в автомата, подписывающего, но не действующего, ибо предписания его оставались без всякого исполнения. Доказательство сего в горах бумаг во всех местах и учреждениях». «Пробыв здесь год, я, к сожалению, вижу, что только начальник злоупотребитель нашел бы здесь много помощников и был бы силен», — такой представлялась сибирская управленческая реальность².

Получается, сибирский губернатор не обладал инструментарием действенного воздействия на юстицию. Закрытость судопроизводства, укомплектование судов чинами с низкой квалификацией и неопределенной нравственностью, неспособными сознательно осуществлять правосудие, с одной стороны, и специ-

¹ [Потанин Г. Н.] К характеристике Сибири // Колокол. 1860. 1 июня.

² Из писем В. А. Арцимовича. I. Генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорду // Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904. С. 899–900.

фические условия края, порядки управления и бюрократические традиции, с другой, — все вместе делало вмешательство администрации в сферу правосудия неэффективным.

В эпоху либеральных реформ Александра II одной из главных забот генерал-губернаторской и губернаторских администраций Западной Сибири становилась подготовка края к введению Судебных уставов 1864 г. Чиновники, обнадеженные циркулярами столичных ведомств, старались оказать намеченному мероприятию всяческое содействие. Так, А. И. Деспот-Зенович 21 декабря 1863 г. приказал полиции губернии собрать данные «по предмету введения в Западной Сибири судебных следователей»¹, а 15 августа 1865 г. «наказывал» подчиненным: «Ввиду предстоящего осуществления судебной реформы, представляется весьма важным, для облегчения перехода от старого порядка судопроизводства к новому, принять меры к скорейшему окончанию дел, производящихся в существующих ныне судебных местах»². Уверенные в том, что скоро в крае будут введены мировые учреждения, члены Томского губернского совета, возглавляемого губернатором Г. Г. Лерхе, на заседании 24 января 1868 г. обязали окружных исправников собрать необходимые для реализации этого мероприятия сведения³.

Однако в связи с наметившимся изменением отношения правительственных кругов к юстиции подвергся корректировке процесс учреждения новых судов на территории империи. Комиссия под председательством В. П. Буткова, разрабатывавшая проект преобразования судебных учреждений Сибири, в 1870 г. была закрыта⁴. Западносибирским администраторам оставалось привлекать внимание правительства к нуждам края, указывать на желательность здесь реформы судоустройства и судопроизводства и в меру сил готовить для нее почву.

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 18. Л. 2–3.

² Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 16 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). С. 228.

³ ГАТО. Ф. 292. Оп. 1. Д. 157. Л. 2.

⁴ РГИА. Ф. 1149. Оп. 10. Д. 4^а. Л. 1 об.

В частности, современникам запомнилось, по названию Н. М. Ядринцева, «блестящее управление»¹ генерал-губернатора Н. Г. Казнакова (1875–1881), который целенаправленно, исправляя ошибки прежних управляющих и заботясь о повышении образовательного уровня чиновничества, всемерно способствовал распространению просвещения. К его личным заслугам относят открытие первого сибирского университета в Томске, реальных училищ в Тюмени и в Томске, гимназии в Омске и т. д.². Желая улучшить правосудие, он приглашал для работы в судебных учреждениях молодых юристов из Европейской России³, постоянно обращался за юридическими советами к выдающемуся судебному деятелю А. Ф. Кони и даже сделал ему предложение занять должность тобольского губернатора. Правда, после резонансного процесса по делу Веры Засулич отношения между последним и генерал-губернатором охладели, но и в воспоминаниях начала XX в. А. Ф. Кони называл Н. Г. Казнакова «человеком очень симпатичным»⁴.

В 1882 г. упразднялось генерал-губернаторство Западной Сибири. Новая расстановка сил на управленческом поле несколько не повлияла на ситуацию в судебной сфере. Томский губернатор И. И. Красовский в записке министру юстиции Д. Н. Набокову в 1884 г., указывая на «крайнюю необходимость» совершенствования системы правосудия, отмечал, что «настоящий порядок следствий и суда самым вредным образом отзывается на всей деятельности местной администрации»⁵.

Ставка на бюрократическое регулирование судебной системы Западной Сибири, сделанная М. М. Сперанским, оказалась несостоятельной. Проведенная в 1885 г. реформа внесла сомнительные улучшения в судоустройство и судопроизводство края. Некоторые должностные лица, не дожидаясь ее результатов, сразу

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 539.

² Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. С. 116–117.

³ Восточное обозрение. 1882. 15 июля.

⁴ Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1966. С. 230–231.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^в. Л. 2, 26 об.

включили осуществленные изменения в разряд неудачных. В своем отчете за 1885 г. чиновник, исполнявший обязанности томского губернатора, указывал, что преобразование «не могло оказать особенно благоприятных последствий»¹. Томский губернатор А. И. Лакс, отчитывавшийся за следующий годовой период, уже настаивал на необходимости усовершенствований юстиции: «Представляется неотложно необходимым введение судебной реформы, если не во всем объеме, то, по крайней мере, мирового института вместе с увеличением судебных следователей»².

Наибольшая практическая нагрузка по исправлению недостатков судебной системы легла на тобольского губернатора Н. М. Богдановича: ревизия П. М. Бутовского 1892 г. выявила в Тобольской губернии множественные упущения и злоупотребления судебных и полицейских чиновников. Вникнув в проблемы юстиции, тобольский губернатор стал сторонником «скорейшего введения судебной реформы на началах Судебных уставов императора Александра II», указав на главные пороки дореформенной системы правосудия: «Старые коллегияльные окружные суды и формальное следствие по каждому незначительному делу настолько усложняют ход правосудия, во вред его быстроте, что медленность и сложность эта зачастую граничит с отсутствием суда. Население обращается часто даже к волостному суду предпочтительно пред общими судебными местами и такое положение, нежелательное в интересах тяжущихся, не менее тяжело отзывается на низших полицейских чинах администрации, все время коих уходит на производство формальных следствий по мелким уголовным делам в ущерб гораздо более серьезным задачам общественного благоустройства и благочиния»³.

В целом к середине 1890-х гг. архаичная судебная система Сибири исчерпала свои ресурсы. В то время, когда в большинстве губерний России действовали учреждения, основанные на передовых началах Судебных уставов 20 ноября 1864 г., сибиряки

¹ РГИА. Коллекция печатных записок. № 102. Отчет о состоянии Томской губернии за 1885 г. Л. 8.

² Там же. Отчет о состоянии Томской губернии за 1886 г. Л. 11 об.

³ ГАТ. Ф. 479. Оп. 5. Д. 1. Л. 67 об.

довольствовались судом, бывшим, по оценке современников, «странной аномалией»¹. Немалый вклад в последующие упорядочения судебной организации и в исправление ее дефектов внесли начальники Tobольской и Томской губерний.

Судебная реформа 1864 г., базируясь на принципе разделения властей, отделила суд от администрации и оставила за ней в ведомстве юстиции функции исключительно организационного характера, к главнейшим из которых И. А. Блинов относил «просмотр списков лиц, имеющих право быть избранными в мировые судьи и присяжные заседатели»². Уставы Александра II в Сибири, также реализуя «самостоятельность судебной власти, ее отдельность от сопредельных ведомств»³, предписали губернаторам принимать непосредственное участие в решении проблем судоустройства: территориальном размещении и компоновке органов правосудия, упорядочении и повышении эффективности их работы. Вместе с тем важнейшие недостатки нового суда — отсутствие института присяжных заседателей, наделение мировых судей следовательскими полномочиями и функциями нотариусов, мизерный штат судебных органов — являлись теми пробелами в судоустройстве, задача восполнения которых на два десятка лет стала заботой местных губернаторов.

Временные правила 13 мая 1896 г. предписывали им возглавить губернские и областные комитеты, создаваемые для содействия юстиции. Л. М. Князев и томский губернатор А. А. Ломачевский приняли деятельное участие в процессе введения Судебных уставов. Первому помогало то, что он имел за плечами юридическое образование и десятилетия карьеры в судебном ведомстве: в 1872 г. он окончил курс в Петербургском императорском училище правоведения⁴ и начал службу в качестве помощника гродненского губернского прокурора; с 1873 г. — кандидат на судебные должности при прокурорах Рязанского, затем Тамбовского

¹ Сибирь. 1877. 17 июля.

² Блинов И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. С. 330.

³ Судебная реформа в Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 149.

⁴ Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915–1916 г. С. 110.

окружных судов и исполняющий обязанности судебного следователя; в 1878–1890 гг. — товарищ прокурора в Симбирском, Варшавском, Псковском, Санкт-Петербургском окружных судах; с 1890 г. — прокурор Витебского и Варшавского окружных судов¹.

Тобольский губернатор уже в мае и июне 1896 г. проводил инструктаж подведомственных ему лиц и учреждений по поводу предстоящего преобразования, начал сбор сведений о нужном числе нотариусов², поручил исправникам составить списки почетных мировых судей и разграничить округа на участки мировых судей. Исполнение последнего задания отличалось трудностью: должностей участковых мировых судей устанавливалось в самом ограниченном числе; их многофункциональность, в частности обязанность разъезжать в качестве следователей и выполнять поручения окружных судов, потребовала внимательного изучения географических условий региона. Несмотря на знание Л. М. Князевым порученного ему дела, он и его подчиненные не сумели выработать рецепты, позволявшие равномерно и в рамках предписанных норм провести размежевание участков, подведомственных мировым судьям, и многие из них с самого начала обречались на перегрузки³. По предложению А. А. Ломачевского весной 1896 г. губернский прокурор А. В. Витте составил «Проект о разделении Томской губернии на судебно-мировые и следственные участки и список кандидатов на должность почетного мирового судьи в той же губернии», но, как и в случае с Тобольской губернией, чиновников постигла неудача: количество мировых судей и судебных следователей было значительно меньше необходимого⁴.

В дальнейшем внимание губернаторов продолжало привлекать состояние мировой юстиции, переживавшей с самого начала своего функционирования в Сибири кризис, выход из которого заключался в увеличении ее штата и разделении судебных и сле-

¹ См.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 395; ГАТ. Ф. 152. Оп. 34. Д. 447.

² ГАТюмО. Ф. 183. Оп. 2. Д. 358. Л. 6.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861. Л. 1–2, 173 об., 207, 369; Д. 862. Л. 11.

⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 12.

довательских обязанностей у судей. Но у губернаторов не имелось средств реального воздействия на ситуацию. Они располагали лишь возможностью в случае увеличения состава мировых учреждений в качестве председателей губернских комитетов принять участие в новом разграничении участков и ходатайствовать перед столичными бюрократами о совершенствовании судебной организации, сигнализируя о ее недостатках.

Последовательным сторонником членения судебных и следственных полномочий являлся тобольский губернатор Д. Ф. фон Гагман. Во всеподданнейшем отчете за 1909 г. он, констатируя, что «труд мировых судей достиг огромных размеров и справиться с ним, исполняя обе функции (судьи и следователя), стало непосильным», настаивал на разделении этих обязанностей. В качестве примера чудовищного расстройтва мировой юстиции губернатор приводил факты, когда не расследовались даже убийства, и население «окарауливало» мертвецов с признаками насильственной смерти. В одном из сел такой труп без обследования пролежал 106 дней¹.

Главным недочетом судебного преобразования конца XIX столетия в Сибири считалось отсутствие суда присяжных. Губернаторы всячески содействовали его введению, участвуя в разных совещаниях, создаваемых по этому поводу, высказывая мнения относительно целесообразности и необходимости такого акта. В 1899 г. Н. В. Муравьев предложил старшему председателю Омской судебной палаты незамедлительно собрать сведения относительно готовности Западной Сибири к установлению института присяжных заседателей². Председатель палаты возложил исполнение этого поручения на созданные специально по этому случаю комиссии при губернаторах. По результатам проведенного в 1900 г. исследования стало известно, что в Западной Сибири количество лиц, имеющих право «присяжничать», было достаточным. Члены тобольской комиссии во главе с Л. М. Князевым поставили вопрос о скорейшем введении суда присяжных

¹ РГИА. Коллекция печатных записок. № 101. Отчет о состоянии Тобольской губернии за 1909 г. С. 12–13.

² ГАОО. Ф. 25. Оп. 2. Д. 320. Л. 18–21.

в Тобольской губернии¹; аналогичная комиссия соседней губернии констатировала «полную и безусловную возможность введения в Томской губернии суда присяжных»².

Но установления этого передового судебного института тогда не произошло. В 1907 г. И. Г. Щегловитов в очередной раз поставил вопрос о введении суда присяжных в Западной Сибири и 11 мая предложил губернаторам начать подготовку к осуществлению данной меры. Последние создали в каждом уезде особые комиссии для составления списков присяжных заседателей³. Сведения комиссий содержали серьезные ошибки, отличались неполнотой, и губернаторам приходилось посылать списки на доработку. В ходе кропотливого труда выяснилось, что количество присяжных за 7–8 лет в Тобольской губернии возросло в 1,7 раза, в Томской — в 2,7 раза. Такое увеличение объяснялось бурным экономическим и культурным развитием края, притоком населения, ростом уровня его грамотности, повышением оплаты труда на частных предприятиях и цен на недвижимое имущество. Кроме составления списков, уездным комиссиям предлагалось дать свои заключения относительно вопросов о целесообразности и возможности организации в регионе суда присяжных, и те, отозвавшись о нем положительно, почти единодушно высказались за его введение, считая, что препятствия деятельности этого института в Западной Сибири, за исключением двух северных уездов Тобольской губернии, отсутствуют⁴.

10 мая 1909 г. император утвердил закон об учреждении института присяжных заседателей в нескольких регионах России, в т. ч. в Западной Сибири⁵. И. Г. Щегловитов назначил начало работы суда присяжных на 1 ноября 1909 г., и тогда на его открытии в здании Тобольского окружного суда присутствовал Д. Ф. фон Гаг-

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 872. Л. 144–146.

² Розин Н. Н. О суде присяжных. Томск, 1901. С. 3.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 899. Л. 1, 9.

⁴ Городская хроника // Сибирский листок. 1908. 9 окт.; Розин Н. Н. О суде присяжных. С. 4; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 872. Л. 144; Д. 899. Л. 1, 162, 184, 186, 255–260; РГИА.Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1053. Л. 26.

⁵ ПСЗ-III. Т. 29. № 31862.

ман¹. Ему новое судебное учреждение доставило немало хлопот. Узнав о бедственном положении, в которое попадали присяжные (так, в мае 1910 г. в Ишиме остались без денег и не смогли найти себе пристанище местные крестьяне-присяжные: над ними сжался исправник и предоставил им помещение при полицейском управлении, а затем изыскал средства на их отправку по домам²), он предложил употребить две меры: вносить в списки присяжных заседателей только хорошо обеспеченных лиц и представить на обсуждение волостных сходов вопрос о выделении из их средств материальной помощи «сообщинникам», выбранным присяжными заседателями. Большинство волостных сходов Тобольской губернии не вняли губернаторскому призыву и отказали в отпуске денег на нужды заседателей из своей кассы. Например, в первом участке крестьянского начальника Ялуторовского уезда лишь один Новозаимский сход принял решение выдавать присяжным на время сессий окружного суда по 60 коп. суточных и по 4 руб. «прогонных», прочие волостные сходы посчитали, по словам начальника, что присяжные «вполне зажиточны и в денежном пособии на время сессии окружного суда не нуждаются». Этот аргумент использовали крестьяне и из других уездов.

Проблему представляло и низкое качество списков присяжных. Д. Ф. фон Гагман в циркулярах неоднократно указывал, что они составлялись с ошибками. Бывало, в них включались лица, состоящие под следствием, иностранные подданные, но не включались многие, удовлетворявшие всем требованиям³. Томскому губернатору П. К. Грану тоже приходилось выслушивать нарекания мировых судей в адрес нерадивых полицейских чинов, некачественно составляющих списки присяжных заседателей⁴. «Новизной дела» объяснял причину «несовершенства» списков

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 1; Ф. 158. Оп. 2. Д. 264. Л. 1.

² См.: В. А. С. Суд присяжных и «боевая юстиция» // Сибирские отголоски. 1910. 31 окт.; Севостьянов В. Заметка о сибирских присяжных заседателях // Сибирские вопросы. 1911. № 4. С. 28.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 902. Л. 166–168 об., 182–183, 187, 189, 195, 197–198, 200, 211–213 об., 218 об.

⁴ ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3249. Л. 42–42 об.

В. В. Едличко¹. Правда, никогда в России они не отличались высоким качеством. А. Ф. Кони в своих воспоминаниях указывал: «В Тверском суде в списках за 1874 г. было найдено четырнадцать человек умерших, из которых один скончался в 1858 г., а другой — в 1859»².

Поскольку интересы административной и судебной властей не всегда совпадали, случались разногласия между губернаторами и судейским руководством. К примеру, в 1898 г. председатель Тобольского окружного суда предложил отнести Тюкалинский уезд к округу окружного суда в Омске³. В 1904 г. председатели Омской судебной палаты и Тобольского окружного суда поставили тот же вопрос. Тюкалинск находился в 500 верстах от Тобольска, тогда как рядом располагался Омск, где, между прочим, постоянно пребывали два товарища прокурора Тюкалинского уезда. Разумное предложение судебных чинов не вписывалось в задачи губернско-го управления: тобольский губернатор А. П. Лаппо-Старженецкий не усмотрел необходимости в реализации предложенной меры⁴.

Некоторые губернаторы заслужили репутацию управленцев, опекающих правосудие и ему покровительствующих. Так, уход Л. М. Князева с губернаторского поста в 1901 г. расценивался местным юридическим сообществом как утрата для судебного дела. 11 марта в помещении общественного собрания Тобольска состоялся прощальный вечер в честь уезжающего чиновника, на котором с речью выступил С. В. Сукачев. Председатель Тобольского окружного суда указал на «единение суда и администрации, какое было в бытность губернатором Л. М. Князева, и его последовательность в служении лучшим заветам судебного ведомства, к которому он раньше принадлежал по своей службе, снискавшем ему общее расположение и уважение»⁵. О желании губернаторов

¹ ГАТО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 84. Л. 43.

² Кони А. Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. 1914. № 1. С. 8.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 254. Л. 21 об.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 869. Л. 126–130, 144–145 об.

⁵ Сибирский листок. 1901. 15 марта.

поддержать авторитет юстиции говорит тот факт, что они стремились влиться в ряды судебных деятелей. В частности, в состав почетных мировых судей входили томский губернатор К. С. Нолькен, тобольские губернаторы Л. М. Князев Д. Ф. фон Гагман, А. А. Станкевич, а Н. Л. Гондатти — будучи губернатором и в Тобольской, и в Томской губерниях¹.

Западносибирские губернаторы, став современниками одного из самых значимых в жизни Сибири того времени преобразования — судебной реформы на началах Судебных уставов Александра II, в целом проявили себя как участливые, порой весьма компетентные администраторы. Их усилия стимулировали совершенствование юстиции края и легли в основу фундамента, на котором базировалась сибирская система правосудия.

¹ См.: Адрес-календарь Тобольской губернии на 1898 г. Тюмень, 1898. С. 52; Правительственный вестник. 1910. 9 февр.; Сибирский листок. 1908. 21 янв.; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 905. Л. 26–53; ГАТО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 147. Л. 98; Ф. 3. Оп. 2. Д. 6610. Л. 64–80.

ГЛАВА 6. ПРОКУРАТУРА И ЕЕ СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ча протяжении рассматриваемого периода аппарат сибирской прокуратуры составляли губернские прокуроры, замененные в 1897 г. прокурорами окружных судов, губернские и окружные стряпчие, должности которых упразднились в 1885 г. с заменой товарищами прокурора, действовавшими вплоть до падения самодержавия. В развитии российской дореволюционной прокуратуры исторический перелом связан с судебной реформой 1864 г., определившей место прокурорским органам внутри системы юстиции и наделившей их обвинительной властью в суде¹.

В XIX столетие отечественная прокуратура перешла в расстроенном состоянии. Н. В. Муравьев указывал на противоречивость тогдашних законов об этом институте, зависимость прокурорских чиновников от администрации, слабость и неэффективность их деятельности². Действительно, по законодательству Екатерины

¹ Наиболее основательное историческое исследование российской прокуратуры имперского периода см.: Казанцев С. М. История царской прокуратуры. СПб., 1993.

² В своей фундаментальной книге о прокурорской службе Н. В. Муравьев констатировал: «Участь прокурорского надзора екатерининской эпохи в действительной жизни далеко не соответствовала положению, отведенному для него в законе. Здесь о его задачах было собрано много высоких общих определений, приведен ряд красноречивых рассуждений теоретического свойства, начертана целая его программа в нравственно-юридическом духе того времени. В действительности же прокурорам, этим представителям “ока государева” и стряпчим, их советникам и помощникам предстояло одно из двух: или безусловно подчиниться местному административному начальству, и из власти, имеющей за ним контроль, превратиться в его чиновников, или же вступить с ним в неравную борьбу. Первому воспрепятствовала, все-таки, хотя и в обессиленном виде сохранившаяся принадлежность их к особому ведомству надзора, с генерал-прокурором на его вершине, второго не допустили ни точный разум новых губернских учреждений, ни созданное ими местное всеильное главенство распорядительной власти высшей гу-

Великой статус самих губернских прокуроров на местах отличался двойственностью, а круг их занятий — неопределенностью, за ними закреплялись функции надзора, но с не совсем понятными полномочиями¹. Мало прояснили положение предписания, в частности, сформулированные в 1802 г. первым министром юстиции и генерал-прокурором Г. Р. Державиным. Его инструкция оканчивалась нарочито строгим внушением, говорившим, что ставка делалась больше на моральные, нежели на иные качества глав региональных прокуратур: «Если рачением, благоразумием и деятельностью вашею оправдаете вы законом возлагаемое на вас доверие, то не оставлю я всякий раз свидетельствовать, где подлежит, о похвальном служении вашем. В противном же случае за всякий беспорядок, злоупотребление и упущение дадите вы ответ без малейшего со стороны моей послабления»². Высокие требования к квалификации и профессионализму для тех времен, разумеется, являлись еще неприменимы, и само юридическое ремесло в целом не было престижным и вряд ли располагало к приобретению специальных навыков и знанию права. Как справедливо замечает Р. С. Уортман, «до царствования Николая I обучение юриспруденции предполагало лишь умение копировать бумаги и знание канцелярских формальностей. Это была низкая по статусу,

бернской администрации. Ограниченный и ослабленный, но не уничтоженный, прокурорский надзор был вынужден избрать среднюю дорогу приспособления к сложившейся вокруг него обстановке. Он сохранил идею закономерного надзора и специального преследования беззакония, но свел ее практическое осуществление к просмотру журналов и заявлению на них протестов в случаях формального нарушения закона». См.: Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Т. 1. М., 1889. С. 314–315.

¹ В соответствующем законе говорилось: «Буде губернский прокурор, где усмотрит злоупотребления, противящие законам, учреждениям, или указам, то долженствует о том (прилично по тому случаю) напечатать и уведомить (губернское) наместническое правление и генерал-прокурора, дабы злоупотребление поправлено было». Закон устанавливал коллегиальный порядок принятия прокурорских решений («Губернскому прокурору для совета определяются губернский стряпчий уголовных дел и губернский стряпчий казенных дел, и почитается, что они все трое едиными устами говорят»). См.: ПСЗ-I. Т. 20. № 14392. Ст. 405. П. 1, 8.

² ПСЗ-I. Т. 27. № 20553.

почти презренная служба, на которой нельзя было удостоиться отличий»¹.

С. М. Казанцев называет первую половину XIX в. «периодом застоя в истории русской прокуратуры»², когда совершенствования мало ее изменяли, несмотря даже на имевшиеся предложения коренного реформирования этой организации³. Положение сибирской прокуратуры в административной системе усложнялось тем, что в результате реформы М. М. Сперанского она имела над собой дополнительное к общероссийскому управленческое звено — Главные управления генерал-губернаторств, задачам общего надзора которых подчиняла свою деятельность⁴. Согласно закону

¹ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 12.

² Казанцев С. М. Указ. соч. С. 108.

³ В частности, рационализировать прокурорскую власть предлагалась путем ограничения поля ее приложения сферой правосудия, что в какой-то мере затем реализует судебная реформа 1864 г. В бумагах Комитета 6 декабря 1826 г. имелся проект М. А. Балугьянского, где указывалось: «Нет ничего полезнее учреждения прокурорского звания, но действия оно распространено не только на судные места, но и на губернское и финансовое управления, что противно всем понятиям государственного устройства». Его предложения относительно должных устройства и задач прокуратуры, превращавших ее, по сути, в орган юстиции, сводились к следующему: «Прокурор есть око министра юстиции, но только по судным делам. Он производит казенные тяжбы, преследует преступников, наблюдает за исполнением законов. Вход в казенную палату или губернское правление для надзора ему запрещается»; «Для производства судных дел определяются прокуроры и стряпчие (Ministere public), не имеющие никакой власти или отношения по делам губернского и казенного управления»; «При каждом суде определяется прокурор или стряпчий, или другой чиновник, исполняющий прокурорскую должность... Должность сих чиновников состоит: 1). Иметь бдение о сохранении порядка в судопроизводстве, законами предписанного. 2). Вести казенные тяжбы и охранять при каждом случае права правительства. 3). Преследовать преступников, делать следствие и пр. 4). Наблюдать за исполнением приговоров суда посредством чиновников судной полиции». См.: Рассуждения неизвестного (статс-секретаря М. А. Балугьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями // Сборник Императорского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 222, 234, 244, 267.

⁴ См.: Воропанов В. А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть

1822 г. Советы Главных управлений Сибири в порядке надзора в своей компетенции имели «рассмотрение замечаний губернского прокурора и губернских стряпчих по неправильному или медленному производству дел в местах губернских», и «ни главное управление, ни губернский совет, а тем менее губернский прокурор» не могли «переменить состоявшегося в судебных местах определения о существе дела»; прокурорские чины лишь надзирали «за правильностью производства» и охраняли «установленные законами обряды». Тем не менее, казалось бы, прокуратура заняла важное управленческое место. Губернский прокурор, в частности, входил в губернский совет наряду с губернатором, председателем казенной палаты и председателем губернского суда¹. И сибирякам сотрудник прокуратуры представлялся одной из самых могущественных фигур среди местных чиновников. «Прокурор все может, коли захочет, — говорили крестьяне, — даже барина (земского заседателя. — *Е. К.*) сместить может»².

Однако вплоть до введения Судебных уставов Александра II в Сибири область применения прокурорской профессии была не совсем точно определена, ресурсы прокурорского надзора являлись ограниченными, и потому представления о больших возможностях этой организации могут ввести в заблуждение. Ее работники и сами не разобрались в своих функциях. Один из сибирских стряпчих вспоминал: «По Сибирским учреждениям, а в особенности по служебным нравам, должность стряпчего была скорее административной, чем чисто судебной»³. Относительно прокуратуры региона, бывало заметным, что столичные чиновники вообще слабо понимали, как она устроена и функционирует. По такому поводу показательной является летняя переписка 1841 г. между министром юстиции В. Н. Паниным и П. Д. Горчаковым. Первый сообщал о намерении, устоявшемся в

XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. С. 266–267.

¹ ПСЗ-И. Т. 38. № 29125. Ст. 20, 23, 554.

² Киевский И. Из памятной книжки сибирского судьи // Сибирские отголоски. 1906. № 8. С. 2–3.

³ Васкель Я. Указ. соч. 10 янв.

правительственных кругах, перестроить прокурорский надзор далекого края на общих, принятых в России, основаниях (причиной необходимости преобразования называлась «ограниченность и почти совершенная бесполезность круга действий губернских прокуроров в Сибири»), а второй не мог догадаться, зачем это делать, поскольку считал, что прокуроры «поставлены здесь совершенно в те же отношения, как и в великороссийских губерниях»¹.

На фоне реализации судебной реформы 1864 г. статус сибирской прокуратуры становился откровенным анахронизмом. Теперь российская прокуратура сделалась судебным учреждением, обвиняла подсудимых и осуществляла надзор за проведением предварительных следствий. Сибири подобных изменений пришлось ожидать дополнительные десятилетия. Прокурорам края сверх надзорных полномочий фактически не разрешалось вмешиваться в дела судов и полиции, занимавшейся досудебными расследованиями. Показательна одна из резолюций Тобольского губернского совета начала 1885 г., в которой лицам прокурорского надзора было указано на их незначительное место: «Губернский прокурор при действующих в настоящее время отношениях его к полиции не может давать полицейским управлениям и чинам их предписаний, а тем менее требовать чинов полиции в свою камеру для личных объяснений»². Стремление вникнуть в существо судебных дел, свыше предписанных просмотра журналов судебных учреждений и протестов на их решения в случаях формального нарушения закона, ставило прокуратуру в нелепое положение. Примером могут служить попытки Н. С. Знаменского посредством опротестования приговоров губернского суда повлиять на его вердикты. Председатель последнего А. И. Папкевич пожаловался на чересчур деятельного прокурорского работника А. И. Деспот-Зеновичу по поводу одного из его возражений против судебного приговора, сказав, что прокурор на это не имеет ни права, ни компетентности³.

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1965. Л. 1, 45 об.-46.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 1185. Л. 132.

³ В этой жалобе среди прочего говорилось: «Губернский суд, рассмотрев это отношение Знаменского, находит в нем не протест, который обыкновен-

Наряду с правовыми, были ограниченными и материальные ресурсы сибирской прокуратуры. Сразу после реформы М. М. Сперанского обнаружилась нехватка средств на содержание регионального государственного аппарата. Тобольский губернский прокурор в 1823 г. затребовал у Тобольского общего губернского управления увеличения денежных сумм на содержание своей канцелярии. Было решено намеченный расход возместить за счет губернского правления, казенной палаты и губернского суда, которые сами скудно финансировались. Решение вызвало негодование О. А. Василевского: «Губернский суд... и на собственную свою канцелярию чувствует большой недостаток в сумме»¹. Вознаграждение за прокурорский труд было весьма невысоким, причем настолько, что, по мнению исследователей томской прокуратуры Ю. К. Рассамахина и Я. А. Яковлева, «прокурорская братия бедствовала»². Случалось, из скромного личного жалования прокуроры выделяли деньги, чтобы восполнить недостаток отпускаемых казенных средств на расходы своей канцелярии³. Порой из-за нехватки финансирования они не имели возможности выполнять свои служебные обязанности. Так, в 1888 г. в распоряжении товарища прокурора Каинского округа отсутствовали средства на объезд полицейских участков для ознакомления с делом производством⁴.

но основывается на фактах дела и на законах, а туманное и неграмматическое изложение каких-то понятий и фраз, наполненных невежливими уколами для губернского суда. А как такая письменность оскорбляет достоинство этого суда и затрудняет его напрасной перепиской бывшей и прежде по таким же почти заявлениям Знаменского, то губернский суд имеет честь представить об этом Вашему превосходительству для соображения, сколько пользы для службы приносят подобные заявления по должности, строго требующей не только совершенного знания законов и порядка производства дел, но и характера, не выходящего из границ благопристойности. Что же касается вышеозначенного журнального постановления губернского суда, то оно никакому изменению не подлежит по невысказанию понятно Знаменским никакого к тому основания». См.: ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 543. Л. 19–20.

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 284. Л. 9–56.

² Яковлев Я. А., Рассамахин Ю. К. Указ. соч. С. 123.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 11.

⁴ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1135. Л. 20–20 об.

Существовал еще ряд препятствий деятельности прокуратуры, в частности неорганизованность поднадзорных учреждений. К примеру, окружные суды не предоставляли стряпчим сведений о движении дел, невежественные полицейские следователи отправляли оконченные дела не надлежащему лицу прокурорского надзора и утаивали их, а бывало, при проверке застать проверяемых в рабочее время было невозможно¹. Перегруженность стряпчих и неточное определение законодателем их надзорных обязанностей, невозможность их удовлетворительного исполнения, по мнению Н. Н. Анненкова, затрудняли прокурорскую службу².

Управленческая модель России и Сибири первой половины XIX в. была устроена таким образом, что трудовые рвение и успехи зависели от личных свойств чиновников. До 1840-х гг. при назначении лиц прокурорского надзора от них вообще не требовалось обладания юридическим образованием³. К тому же недостаточная регламентация деятельности, бюрократизм, канцелярская тайна — все вместе позволяло становиться прокурорами и стряпчими бездельникам и даже проходимцам. Сомнительные достижения на жизненном и служебном пути, такие же личностные и профессиональные качества замечались у глав западносибирских губернских прокуратур. Например, А. К. Кротов, занимавший данную должность в Томске в течение 12 лет, оставил о себе ничем не выдающийся след в истории весьма насыщенного событиями времени, что фиксировалось в его личном деле в самом конце жизни: «Орден и знаков отличия не имеет... В походах против неприятеля и в самых сражениях не бывал... В штрафах и под судом не был»⁴. В 1828 г. он увольнялся от должности

¹ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 633^а. Л. 96–97; Ф. 51. Оп. 1. Д. 1578. Л. 1; Ф. 104. Оп. 1. Д. 1933. Л. 50–50 об.; ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 789. Л. 10, 12, 41; Д. 875. Л. 10.

² Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. С. 401–402.

³ См.: Селиванов Н. Прокуратура за двадцать пять лет // Журнал гражданского и уголовного права. 1889. № 9. С. 2.

⁴ Цит. по: Яковлев Я. А., Рассамахин Ю. К. Указ. соч. С. 108.

после ревизии В. К. Безродного и Б. А. Куракина за «небрежение, бездействие и послабление», а также распространившиеся при нем поголовное бездельничанье и многочисленные упущения стряпчих губернии¹.

В 1833 г. томским губернским прокурором был назначен Ф. А. Горохов, имя которого прочно вошло в анналы истории Томска и в свое время «гремело даже далеко за пределами Сибири»². Коренной сибиряк, не обделенный умом и работоспособностью, он сделал быструю карьеру, и, став главным прокурором Томской губернии, поначалу проявил себя хорошим служащим: «раскрыл не одну организацию фальшивомонетчиков, быстро обнаружил виновников одного убийства с хорошо спрятанными концами, выгодно для казны закупил провиант для военных магазинов» и т. д. Однако женитьба на дочери крупнейшего в губернском центре золотопромышленника А. Е. Филимонова полностью погрузила его в прибыльное занятие своего тестя и превратила в совершенно бездеятельного чиновника. Рассмотрение уголовных дел в губернии затягивалось, в тюрьмах скапливались арестанты, по несколько лет ожидавшие решений суда. На Ф. А. Горохова посыпались жалобы, доходившие до Министерства юстиции, но он продолжал держаться на посту благодаря покровительству западносибирских генерал-губернаторов Н. С. Сулимы и П. Д. Горчакова, а в 1838 г., уже обладая внушительным состоянием, все-таки покинул государственную службу³.

Одновременно возглавлять местные прокуратуры могли вполне достойные люди и работники. С подобными служащими связаны оценки А. Ф. Кони о том, что «в старом судебном строе была прекрасная должность губернского прокурора»⁴, или Д. Б. Берга, что «приносимая губернскими прокурорами польза была несо-

¹ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 355–358.

² Весь Томск. Адресно-справочная книжка на 1911–1912 гг. Томск, [1911]. С. 10.

³ Адрианов А. В. Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 170–171.

⁴ Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры. (Из воспоминаний судебного деятеля) // Кони А. Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 123.

мненна»¹. Между А. К. Кротовым и Ф. А. Гороховым в 1829–1832 гг. томской прокуратурой управлял П. В. Трескин, который, в отличие от предшественника и преемника, имел образование, закончив Санкт-Петербургскую духовную академию², энергично выполнял свою работу, за что даже удостоился похвалы И. А. Вельяминова. Последний, прося томского губернатора Е. П. Коваленского «объявить» губернскому прокурору его признательность, характеризовал П. В. Трескина «как чиновника усердного, деятельного, совершенно бескорыстного и преисполненного чувствами строгой справедливости и беспристрастия»³.

В Тобольской губернии заслуживает внимания деятельность Д. И. Францева, которая удостоилась особенной проверки, поскольку разворачивалась в условиях ревизии Н. Н. Анненкова и совпала с сибирским этапом карьеры В. А. Арцимовича. Д. И. Францев приехал в Сибирь в 1834 г. из Симбирска, долго занимал здесь должности, не связанные с прокурорским ремеслом, но 7 июня 1847 г. был назначен тобольским губернским прокурором⁴. Работал на этом посту, как следует из воспоминаний его дочери, вполне успешно. Во время указанной ревизии к нему не нашлось претензий, более того, он стал помощником ревизоров и заслужил их благодарность. Дочь вспоминала: «При ревизии оказалось много беспорядков в делах и пришлось некоторых чиновников удалить от должностей; к покойному же отцу моему, Анненков во все время ревизии относился с доверием и часто руководился его указаниями. Он нашел в таком порядке все его дела, что, по окончании ревизии, представил его к Св. Анне 2-й степени»⁵.

Разумеется, работа губернских прокуроров зависела от качества состава подчиненных, а оно по понятным причинам не могло быть высоким. Например, в 1850-х гг. вторыми лицами прокурорской системы Томской губернии — губернскими стряпчими — являлись И. И. Елисеев, окончивший тобольскую семинарию,

¹ Берг Д. Б. Дмитрий Александрович Ровинский. Из воспоминаний // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 12. С. 196–197.

² Яковлев Я. А., Рассамахин Ю. К. Указ. соч. С. 147.

³ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 71. Л. 30 об.–31.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 30. Д. 78. Л. 2 об.–18.

⁵ Воспоминания М. Д. Францевой. С. 633.

и В. С. Садовников с «воспитанием домашним»¹. Стряпчие часто учиняли «противозаконные поступки», брали взятки и отдавались под суд. В некоторых случаях совершенно непонятно, на какой стороне закона находились работники прокуратуры. Так, каинский окружной стряпчий в 1828 г. был обвинен в пьянстве и буйстве, а также воровстве дров². В. К. Безродный и Б. А. Куракин упрекали лиц прокурорского надзора в том, что именно по их вине «все беспорядки и нарушение законов давно в здешней губернии (Томской. — Е. К.) гнездились»³. Совет Главного управления Западной Сибири в 1844 г. специально обратил внимание на положение дел системы прокуратуры в регионе: губернские прокуроры не осуществляли должного надзора за окружными стряпчими, которые «имея источником... неблаговидные цели, только накапливали дела и следствия бесполезно, до крайности обременяющие здесь исполнительные и судебные власти», а их деятельность производила «излишнее благоприятство к жалобам и доносам неосновательным и бездоказательным»⁴.

Состояние прокуратуры Западной Сибири, в принципе не способной удовлетворительно исполнять свои обязанности, соответствовало ее положению в России, накануне судебной реформы 1864 г. по-прежнему определявшемуся устаревшими законами⁵.

¹ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 323. Л. 214.

² ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 15. Л. 30 об.; ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25. Л. 14; Ф. 3. Оп. 13. Д. 37; Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 206, 217.

³ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 355.

⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2161. Л. 6–7 об.

⁵ При подведении итогов деятельности дореформенной прокуратуры встречались такие оценки: «Разбирая ныне существующие законы, определяющие существо власти и предметы ведомства чинов прокурорского надзора, мы невольно останавливаемся на них, пораженные их неполнотою, неточностью и неудобством. Основные постановления о прокурорском надзоре носят явный отпечаток старины и удивляют странностью своего содержания, другие, принадлежа к произведениям законодательства новейшего времени, не вяжутся с первыми, а иногда и противоречат им; в результате же обнаруживается полное смешение понятий о значении учреждения прокуроров. Напрасно было бы стараться подвести действующие об учреждении прокуроров законы под одну из научных форм, выработанных в Западной Европе. Законы эти оказываются анахронизмом, сохранившимся до нашего

Между тем еще в недрах дореформенного строя происходили подвижки, указывавшие на неотвратимое наступление кардинально иных порядков. В частности, в стране стали подготавливать специалистов-юристов. Общий устав императорских российских университетов 26 июля 1835 г. предусмотрел юридические факультеты¹, и это, по мнению современников, послужило началом новой эры в истории страны², а также «удовлетворением» потребностей общества³. Существенным признаком перемен стало учреждение в 1835 г. Императорского училища правоведения. Огромнейшее значение имели труды М. М. Сперанского, ведь лишь «с изданием Свода законов отечественные законы сделались доступными для всех и уже никто не мог затрудниться в изучении их»⁴. Недаром в 1830–50-х гг. активно развивалась юриспруденция, и эти десятилетия стали временем формирования наук государственного, уголовного и гражданского права, уголовного судостройства и судопроизводства, гражданского судостройства и судопроизводства⁵. Важность наличия чиновников высокой квалификации со специальной теоретической правовой подготовкой как неотъемлемый фактор эффективного управления теперь не подвергалась сомнению: «В настоящее время, слава Богу, для очень многих доступна та истина, что одна практика без теории — слепа и часто бессильна везде вообще, в особенности же в деле применения законов. Следовательно, нечего доказывать необходимость юридического образования для известного числа

времени, несмотря на перемену обстоятельств, его обуславливавших». См.: Марков П. О прокурорском надзоре в гражданских делах // Журнал Министерства юстиции. 1864. № 6. С. 605.

¹ ПСЗ-II. Т. 10. № 8337. Ст. 2.

² Мейер Д. И. О значении практики в системе современного юридического образования. Казань, 1855. С. 3.

³ Редкин П. Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета. М., 1846. С. 3.

⁴ Орлов А. О современном юридическом образовании в России // Современник. 1850. № 5. С. 91.

⁵ Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX в. М., 2010. С. 5.

людей, посвящающих свои силы судебной или общей административной деятельности»¹.

На 1 января 1853 г. из попавших в поле зрения П. А. Зайончковского российских губернских прокуроров высшее образование имели 27 человек (51.9%), 16 из которых окончили Императорское училище правоведения², сделавшееся в дореволюционной России одним из ведущих для страны поставщиком квалифицированных прокурорских кадров. Изменения в системе образования в целом улучшили прокуратуру. Ее дореволюционный исследователь Ф. И. Гредингер писал: «Только к концу царствования императора Николая I, когда ряды чинов прокуратуры стали наполняться лицами, получившими образование на юридических факультетах университетов и в Императорском училище правоведения, а в русском образованном обществе стали все более и более сознавать настоятельную необходимость борьбы с произволом и злоупотреблениями чиновничества, значение прокурорского надзора несколько увеличилось, а деятельность его стала ближе отвечать той цели, для которой он учрежден был»³. Вместе с тем прокуроры стали занимать видное место в складывавшейся корпорации правоведов, объединенных общими взглядами и задачами: как отмечается, они вместе с другими практикующими юристами жаждали перемен и были полны ожиданий от судебной реформы Александра II⁴.

Перемены чувствовались в составе сибирской прокуратуры, куда иногда уже вливались люди с высшим образованием и лица, не чурающиеся участия в решении общих проблем. 9 августа 1861 г. на должность томского губернского прокурора был назна-

¹ Нелидов О. О необходимости приобретения обществом юридических и политических сведений // Юридический журнал. 1860. № 1. С. 38–39.

² Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 170.

³ Гредингер Ф. И. Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам императора Александра II // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Т. 2. Пг., 1914. С. 205.

⁴ См., напр.: Kucherov S. The legal profession in pre- and post-revolutionary Russia // The American Journal of Comparative Law. 1956. Vol. 5, №. 3. P. 452.

чен окончивший Харьковский университет Н. М. Шмаков¹. В начале 1860-х гг. прокуроры и стряпчие Тобольской губернии принимали действенное участие в обсуждении будущей судебной реформы, наряду с иными чиновниками края давали зрелые с юридической точки зрения рекомендации по применению к региону особенных подходов в организации судоустройства и судопроизводства. Среди таковых был, к примеру, воспитанник декабриста М. А. Фонвизина и Тобольской духовной семинарии, выпускник Казанской духовной академии Н. С. Знаменский, неоднократно поощрявшийся весомыми правительственными наградами и являвшийся одним из самых активных общественных деятелей Тобольска².

Закон 25 февраля 1885 г. возложил на прокурорскую организацию края функции правосудия, предусмотренные уставами Александра II, хотя в целом устройство юстиции претерпело незначительные изменения. Сама прокуратура осталась вне судебной системы и по-прежнему возглавлялась губернскими прокурорами, но в их ведении вместо стряпчих устанавливались должности товарищей прокурора, а в подчинении — учрежденные вновь судебные следователи. Существенно модифицировало положение и характер прокурорской службы применение элементов состязательности, гласности и устности судопроизводства: часть деятельности прокуратуры — в публичных заседаниях суда — ставилась под общественный контроль, появился новый тип прокурора-обвинителя, говорившего в суде и к которому, соответственно, предъявлялись вновь более высокие требования. После реформирования авторитет прокуратуры вырос, среди ее сотрудников начали появляться талантливые ораторы, побеждавшие защитников в судебных состязаниях, послушать речи которых сибиряки собирались толпами³. Прокуроры теперь замечались во внимательном изучении дел, их обвинения в суде, как констатировала томская пресса, зачастую представляли «обширные, глубоко

¹ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 323. Л. 214.

² Тобольский биографический словарь. С. 189–190; ГАТО. Ф. 2, Оп. 1. Д. 85. Л. 16; Д. 87. Л. 11.

³ См.: Яковлев Я. А., Рассмахин Ю. К. Указ. соч. С. 234–239.

обдуманные и мастерски произнесенные речи», отличавшиеся «своей ясностью и прочувствованностью», производившие «глубокое впечатление как на самих судей, так и на защитника»¹.

Преобразование вмиг повысило качество лиц прокурорского надзора и судебных следователей. Приказами октября 1885 г. большинство из них назначались Министерством юстиции из приезжих людей, тогда как штаты самих судов изменились мало². Теперь в сибирском крае прокуратуру начали возглавлять люди, чьи высокие квалификация и профессиональные качества не подлежали сомнению. В Тобольске такую должность долго занимал К. Б. Газенвинкель — выпускник Императорского училища правоведения 1872 г., на вершине карьеры которого после работы в Сибири значилось членство в Киевской судебной палате³, хороший юрист и профессионал, имевший самостоятельный взгляд на очень важные проблемы судостройства и судопроизводства. Им написаны несколько обстоятельных руководств (одно из них по проведению формального следствия)⁴, он достаточно активно критиковал сибирские судебные порядки и предлагал способы их совершенствования, даже вопреки тогдашним планам Министерства юстиции. Известны его ходатайства о необходимости увеличить штат прокурорского надзора в Тобольской губернии, а когда в столице начали обсуждать способы применения к Сибири Судебных уставов, прокурор выступал против продвигаемой в министерских кругах идеи соединения в руках будущих сибир-

¹ Сибирская газета. 1886. 7 дек.

² ГАТюмО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 379. Л. 20–23 об.

³ Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917). Т. 1. А–З / сост. Е. Л. Потемкин. М., 2017. С. 342; Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915–1916 г. С. 112.

⁴ Газенвинкель К. Б. Инструкция чинам прокурорского надзора Тобольской губернии. Тобольск, 1887; Он же. Об условиях производства формальных следствий по закону 25 февраля 1885 г. Тобольск, 1889; Он же. Сборник действующих в Тобольской губернии узаконений и распоряжений по следственной части. Тобольск, 1888.

ских мировых судей следовательских и судебных функций¹, тем самым проявил дальновидность.

Прокурорский работник отмечался как красноречивый и дельный судебный оратор, основательно готовившийся к заседаниям суда и умевший впечатлить участников процесса. К примеру, в отчете «Сибирской газеты» по резонансному делу руководителя полиции Тюмени Б. И. Красина, обвиненного во взяточничестве, рассказывалось: «Прокурор в своей обвинительной речи выяснил данные, осветил их и, коснувшись характеристики лихоимства в Сибири, указал, какой громадный вред приносит оно целому обществу. Прокурор Газенвинкель, действительно, потрудился над этим делом, изучил его и своею ясною и прочувствованною речью произвел глубокое впечатление как на самих судей, так и на защитника Красина, его самого и всю публику. Речь эта длилась 2^{1/2} часа и была прервана для отдыха на 10 минут»².

Чиновник руководил прокуратурой Тобольской губернии во времена, когда ей подчинялась так называемая «следственная часть», состоявшая не только из высококвалифицированных судебных, но, намного больше, из невежественных полицейских следователей, когда прокурорской организацией остро ощущался дефицит ресурсов для успешной деятельности. Так, количество товарищей прокурора явно не соответствовало объему взваленной на их плечи работы, и сами чиновники Министерства юстиции признавали их численность «ничтожной»³; по словам К. Б. Газенвинкеля, подавляющему большинству из них требовалась «немедленная помощь»⁴. Член Тобольского губернского суда Н. П. Геллертов писал о тогдашнем безотрадном состоянии прокуратуры губернии: «Товарищи прокурора завалены работою настолько, что почти не живут личной жизнью, а весь свой день отдают службе, причем малейшее уклонение от нормальных условий

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 16 об., 20 об.-22; Оп. 91. Д. 2855. Л. 1.

² Дело о взяточничестве тюменского исправника Бориса Красина // Сибирская газета. 1886. 7 дек.

³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921е. Л. 10 об.

⁴ Там же. Оп. 91. Д. 2855. Л. 3.

жизни (напр., болезнь своя, болезнь близких) сейчас же отзывается на ходе делопроизводства; при увеличении же поступления они будут лишены даже физической возможности справляться с массой поступающих к ним дел и накопление дел в прокурорских участках станет обычным явлением до тех пор, пока законодательство не придет на помощь»¹. Но даже в условиях чудовищной перегруженности К. Б. Газенвинкелю удавалось сохранить высокое качество прокурорского персонала. Говоря о его общем трагическом положении, это подчеркивал в своем отчете по поводу ревизии П. М. Бутовский: «Фактического наблюдения за производством следствий со стороны прокурорского надзора, которое могло бы до известной степени упорядочить следственную часть в Тобольской губернии, почти не существует, да при настоящем положении и не может быть; прекрасная по своему личному составу прокуратура Тобольской губернии, заваленная непомерным трудом, превосходящим все, что я когда-либо видел за всю мою свыше тридцатилетнюю службу в судебном ведомстве, обречена на безмолвное созерцание следственной части»².

Тем не менее, может по инерции, К. Б. Газенвинкель выделялся современникам фигурой еще «прежнего» времени, а его поведение не совсем укладывалось в представления о чиновниках по равного уровня должности в новых российских судах. Как и предшественники на посту губернского прокурора Тобольской губернии, он в буквальном смысле изображался бездельником. На одной из карикатур с пасквильным смыслом местного художника М. С. Знаменского прокурорский работник нарисован среди управленцев и самых влиятельных в Тобольске лиц в мечтательной и совершенно бездеятельной позе³. Переписка 1889 г. между руководством Сибирского жандармского округа и центральным Штабом отдельного корпуса жандармов позволяет увидеть в прокуроре вспылчивого человека, позволявшего себе неуважительно,

¹ Геллертов Н. П. Указ. соч. С. 31.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 16.

³ См.: Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. С. 349–350.

даже по-хамски, общаться со служащими из других ведомств. На вокзале в Тюмени 10 июля указанного года ему не «отдал честь» жандармский унтер-офицер Н. Онохин. Взбешенный К. Б. Газенвинкель потребовал от того поклониться, задавая вопросы: «Ты знаешь кто я? Почему мне не кланяешься? ...Разве ротмистр тебя этому не учил?» Жандарм был знаком с прокурором, но никакие правила субординации не предписывали склонять перед ним голову. Начальство встало полностью на сторону Н. Онохина, поскольку предъявленное на железнодорожной станции к нему требование признавалось «вполне незаконным». При разбирательстве этого скандала также выяснилось, что подобный стиль отношений К. Б. Газенвинкель практиковал всегда. Он даже пытался оказывать давление на начальника Тобольского жандармского губернского управления, чтобы тот заставил местных жандармов ему подчиняться¹.

В профессиональных и личных качествах некоторых губернских прокуроров Западной Сибири, назначенных после ревизии 1892 г., сложно обнаружить какие-либо изъяны. В 1892–1894 гг. главой прокуратуры Тобольской губернии являлся воспитанник Императорского училища правоведения С. Г. Коваленский. Занимаемые ранее им должности были прокурорскими (среди них — товарищ прокурора Новочеркасского и Санкт-Петербургского окружных судов)², а на сибирской службе он оказался в качестве ревизора и помощника П. М. Бутовского³. Главная задача, которая возлагалась в тот момент на губернского прокурора, состояла в выведении из кризиса следственного аппарата. Чтобы исправить ситуацию, С. Г. Коваленский проделал титаническую работу. В рапорте министру юстиции от 26 ноября 1893 г. он представил отчет о своих действиях: попытался «установить с точностью общее число находившихся в каждом из следственных участков дел», предпринял меры по «очистке» делопроизводства от следствий, по которым продолжать действия представлялось невозможным и бессмысленным, перераспределил следствия между

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 357. Л. 1–3.

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 5. Д. 180. Л. 14–18 об.

³ ГАТюмО. Ф. 40. Оп. 2. Д. 392. Л. 41.

судебными и полицейскими следователями таким образом, что первые, как намного более квалифицированные и надежные, занимались делами повышенной сложности, правильно наладил службу прибывших по назначению от министерства на помощь специалистов, отведя им фронт работ в наиболее уязвимых для местных следователей направлениях. Плоды усилий губернского прокурора становились заметными в 1894 г., когда с января по август количество неоконченных следствий в губернии резко сократилось с 14825 до 5216¹.

Однако С. Г. Коваленский понимал, что системе правосудия края необходимо коренное реформирование. Прекрасно зная ее тогдашнее состояние, он разработал подробные «Проект положения о судебном устройстве в Тобольской губернии» и объяснительную записку к нему. Кроме предложений там содержались адресованные Министерству юстиции предостережения от некоторых необдуманных шагов и экспериментов при запланированном распространении на Сибирь Судебных уставов. В частности, он смело раскритиковал санкционированную самим Н. В. Муравьевым новацию, заключающуюся в усилении подвижности будущих судебных учреждений края с тем, чтобы приблизить правосудие к населению. С. Г. Коваленский справедливо считал, что интенсификация судебских командировок в условиях обширного края не приведет к желаемым результатам, повлечет собой лишь «значительную трату времени» и будет «невыгодно отражаться на успешности работы» судов².

Без сомнения, губернский прокурор являлся специалистом высочайшего уровня, что подтверждается дальнейшим восхождением по служебной лестнице: с 27 октября 1894 г. член Комиссии для разработки предположений об улучшении судебной части в Сибири под председательством П. М. Бутовского, а затем член Комиссии для составления законодательных предположений об устройстве тюремной части при Первом департаменте Министерства юстиции под руководством знаменитого правоведа Н. С. Таганцева, председатель Митавского окружного суда, прокурор

¹ ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 10. Л. 16–29 об.

² Там же. Л. 11 об.

Иркутской, Тифлисской, Варшавской судебных палат, директор Департамента полиции Министерства внутренних дел, сенатор¹.

Если С. Г. Коваленский больше предстает великолепным чиновником, то назначенного 22 февраля 1894 г. томским губернским прокурором А. В. Витте² (тот самый будущий председатель Томского окружного суда) можно с полным правом характеризовать еще выдающимся общественным деятелем. Через пару лет после окончания Императорского училища правоведения он в результате министерского «кадрового призыва» 1885 г. оказался в Сибири, став товарищем прокурора в Томской губернии. Прослужив здесь два года, потом занимал аналогичные должности при Кутаисском, Луцком и Тверском окружных судах, и с повышением вернулся в Томск, имея исключительно хвалебные отзывы о своей трудовой деятельности. Характеристики его бывших начальников сохранились в личном деле из иркутского архива: «ревностно относится к службе, в нравственном отношении безупречен»; «обладает прекрасными способностями, трудолюбием и преданностью службе»; имеет «прекрасные служебные и личные качества». Прокурор Московской судебной палаты М. Г. Акимов в 1894 г. непосредственно перед назначением А. В. Витте высказывался о нем, что он «одарен хорошими способностями, отличается безупречными нравственными качествами и успел приобрести достаточную служебную опытность»³.

Следственный аппарат Томской губернии, как выяснила еще ревизия П. М. Бутовского, «представлялся в значительно лучшем, по сравнению с Тобольской губернией, виде»⁴, потому вероятнее всего назначение образцового специалиста — молодого (34 года) и энергичного — обуславливалось нуждами подготовки к введению в Сибири Судебных уставов. Некоторые замыслы Министерства юстиции, направленные на приспособление положений этого

¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. 5. Д. 180. Л. 19 об., 21–22 об., 71; Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915–1916 г. С. 133.

² ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1877. Л. 1 об.

³ ГАИО. Ф. 245. Оп. 5. Д. 67. Л. 1–2 об.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 25.

кодекса к условиям края, А. В. Витте разделял¹, но по определенным позициям, прежде всего, практического свойства у него имелось собственное мнение. Представленный 27 сентября 1896 г. губернским прокурором А. А. Ломачевскому проект разделения территории губернии на мировые и следственные участки демонстрировал, насколько внимательно и вдумчиво чиновник относился к возложенному на него поручению. Собранная им по крупицам информация и проведенные расчеты свидетельствовали, что предположенный законом 13 мая 1896 г. штат мирового суда совершенно не удовлетворит потребностям региона. Наперекор установленному порядку, когда в коридорах столичного министерства решались проблемы разграничения мировых участков и назначения в них мировых судей (чаще механически, без учета особенных качеств назначаемых), он считал разумным передать больше ответственности за это местным властям, лучше знакомым со здешними чиновниками и обстановкой в регионе: «Крайне желательно, чтобы высшему судебному учреждению (речь об отвечавших по закону 13 мая 1896 г. за общие вопросы организации судов губернские комитеты. — Е. К.) предоставлено было право, по указаниям опыта, изменять границы мировых участков. Точно также было бы весьма целесообразно предоставить губернскому совету право распределять мировых судей по участкам, соображая при этом с способностями и характером, состоянием здоровья и семейным положением этих должностных лиц, какие обстоятельства будут лучше известны местному учреждению, чем центральному»².

Содержание проекта позволяет оценивать автора как принципиального руководителя, что замечалось и в последующей карьере³; в том же факте, что он видел в служащих не только «чинов-

¹ Так, вслед за министерскими чиновниками вместе с председателем Томского губернского суда Г. В. Юркевичем считал нецелесообразным учреждать в Сибири съезды мировых судей. РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 16 об.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 12–25 об.

³ К примеру, когда он в 1898 г. исполнял обязанности прокурора Иркутской судебной палаты, на почве его неуклонного следования законности и самостоятельности случился конфликт между ним и иркутским губернатором И. П. Моллериусом. См.: Андриянова Д. В., Крестьянников Е. А. Модели

ничье», но еще и «людское», находили проявление запомнившиеся современникам черты его характера — человеколюбие и отзывчивость. По окончании исполнения обязанностей губернского прокурора даже за пределами Томской губернии А. В. Витте называли «гуманным администратором»¹, а когда в 1902 г. ему пришлось вернуться в Томск в качестве председателя здешнего окружного суда, корреспондент местного издания, вспоминая его в прокурорской должности, давал такую характеристику: «Это — еще молодой человек, полный сил и энергии, отзывчивый на все доброе и гуманный»². Именно альтруизм принес губернскому прокурору всероссийскую славу. В середине 1890-х гг. он стал инициатором создания и председателем благотворительного Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, имевшего целью перевоспитать малолетних преступников, бродяг и нищих, дать им кров над головой. Отечественная пресса приветствовала эту инициативу, называя ее «благим начинанием», способствовавшим развитию «высокогуманной деятельности»³, предназначенным «к исправлению детей от растлевающего влияния сибирской тюрьмы, всегда и всюду переполненной людьми, потерявшими всякий стыд и совесть, и охотно толкающими других на скользкий путь преступления и порока»⁴.

Быть приверженцем общечеловеческих ценностей, выйти из служебного кабинета и деятельно участвовать в культурной и общественной жизни, понимая, что являешься частью социума, становилось свойственным и для тех, кто по должности обязывался стоять на защите государственных интересов. Само бурно развивавшееся общество давало для всего этого повод, а, в свою очередь, способность служения общему благу и будущему страны уже «маркировала» профессионала в любой сфере управления

служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 14.

¹ См.: Корреспонденция «Енисей». Томск // Енисей. 1897. 7 дек.

² Заметки о судопроизводстве и судоустройстве // Сибирский наблюдатель. 1902. № 3. С. 160.

³ Хроника // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 232.

⁴ Иванюков И. И. Очерки провинциальной жизни // Русская мысль. 1896. № 6. С. 162.

страной. В смену исторических парадигм губернские прокуроры Западной Сибири — быстро преодолевающей отставание от остальной России провинции — встроились естественным образом. Подобно А. В. Витте, С. Г. Коваленский чуть позже, но также в прокурорском звании, являлся председателем комитета земледельческих колоний и ремесленных приютов¹, К. Б. Газенвинкель прославился как историк и автор исторических трудов², предшественник А. В. Витте на посту томского губернского прокурора С. Ф. Мальцев посещал защиты диссертаций в Томском университете³.

Когда в 1897 г. на Сибирь распространялись Судебные уставы, прокурорская организация сделалась частью судебного ведомства и представляла собой иерархию из трех ступеней: товарищей прокурора в округах (уездах), прокуроров окружных судов и прокуроров судебных палат. Прокуратура заняла особое место в судебной системе. Прежде всего, она была призвана обеспечить уголовную репрессию в интересах общества и государства, на нее возлагалась задача искоренения преступности, пустившей глубокие корни в сибирской жизни.

Однако устройство реформированной юстиции имело множество недостатков. Самым негативным образом на работе прокуратуры сказывались перегруженность судов всех уровней, чудовищная судебная волокита. В этих условиях, как писал В. Н. Анучин, «прокурорский надзор мог осуществляться только на бумаге»⁴. Действительно, прокуроры не всегда имели возможность воздей-

¹ См.: Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX — начала XX века в лицах и документах: Материалы к энциклопедии / сост. В. Г. Вишневский. Иркутск, 2004. С. 173.

² Среди прочего им написаны: Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных списках, как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892; Он же. Обские пираты прошлого века // Исторический вестник. 1893. № 8. С. 455–468; Он же. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в Сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII в. К истории Сибири XVII в. Тобольск, 1892.

³ Защита диссертации лекарем И. И. Степановым на степень доктора медицины // Сибирский вестник. 1893. 7 марта.

⁴ Анучин В. Пасынки Фемиды. № 51/52. С. 58.

ствовать на деятельность поднадзорных им учреждений. В 1899 г. судебное руководство потребовало от товарища прокурора Бийского участка объяснить, почему происходит накопление дел в следственном аппарате уезда. Прокурору пришлось признаться в своем бессилии: в участке возникало огромное, никакими нормами не предусмотренное количество предварительных расследований, и, несмотря на все усилия, он не мог ускорить их производство¹. На рубеже первого и второго десятилетий XX в. отмечался пик накопления следственных дел. Важная роль в исправлении создавшегося положения отводилась прокурорским работникам, возможности которых, по-видимому, уже исчерпались. В. В. Едличко, не давая подчиненным действенных советов, требовал от них лишь «напрячь всю служебную энергию», «проявить всю полноту своего наблюдения»².

Лица прокурорского надзора не избежали перегрузок. «Громадная, непосильная работа, — докладывал в 1911 г. Ф. Ф. фон Паркау И. Г. Щегловитову, — лежит на чинах прокуратуры»³. По сведениям министра, товарищи прокурора округа Омской судебной палаты трудились больше, чем их коллеги из любого другого региона империи⁴. Увеличение количества товарищей прокурора в Западной Сибири в 1911 г.⁵ несколько улучшило показатели их деятельности. Округ Омской судебной палаты по обремененности прокурорских чиновников отодвинулся на второе место в империи⁶.

В особенно сложном положении находились товарищи прокурора округа Барнаульского окружного суда. Им приходилось рассматривать ежегодно в 2–3 раза больше дел, чем в среднем в Западной Сибири. С тем, что прокуроры юга Томской губернии «обременены работой сверх всякой меры», председатель Омской судебной палаты связывал их переутомление и низкую произво-

¹ ГАТО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–7.

² Там же. Ф. 11. Оп. 3. Д. 84. Л. 57, 191.

³ ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 218. Л. 10.

⁴ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1909 г. С. 40; Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1910 г. С. 50.

⁵ ПСЗ-III. Т. 31. № 35330.

⁶ Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1911 г. С. 48.

дительность труда. По мнению председателя палаты, в округе суда в Барнауле существовала потребность в четырех дополнительных товарищах прокурора. Однако состояние барнаульской прокуратуры не улучшалось. 10 января 1917 г. прокурор Омской судебной палаты докладывал в Министерство юстиции о ее «крайне тяжелом положении»¹.

Качество работы прокурорских сотрудников было невысоким. Прокурор Барнаульского окружного суда, по его словам, постоянно замечал «полное незнакомство лиц прокурорского надзора с делами, находящимися под их наблюдением»². В то же время нередко за производством одного предварительного расследования наблюдали несколько товарищей прокурора, что, по мнению прокурора Омской судебной палаты, было в корне неправильно³. Слабостью наблюдения за производством предварительных следствий объяснял прокурор Томского окружного суда значительность количества дел, возвращаемых на доследование⁴.

По-прежнему наблюдался недостаток финансирования, который вынуждал прокуратуру изыскивать способы ограничения расходов. Некоторые из них откровенно противоречили духу Судебных уставов. Например, циркуляром от 23 ноября 1912 г. прокурор Тобольского окружного суда, «в целях экономии средств», предписывал подчиненным вызывать как можно меньше очевидцев правонарушений. «Если об одном и том же обстоятельстве на предварительном следствии спрошены и свидетельствовали без существенных между собою противоречий несколько лиц, — разъяснялось в циркуляре, — то включать в список одного или нескольких из них, избегая, таким образом, вызова лишних свидетелей»⁵.

Разность интересов российских судебной власти и прокуратуры приводила к определенным трениям между их чиновниками⁶.

¹ ЦХАФ АК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 13. Л. 8-9; Д. 14. Л. 1.

² ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 209. Л. 6.

³ ГАТО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 84. Л. 12.

⁴ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 147. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 209. Л. 29-29 об.

⁶ См.: Н. Н. О некоторых сторонах нынешнего общественного быта русских коллегияльных судов и судей // Журнал гражданского и уголовного

Примеры проявления взаимной неприязни и даже столкновений наблюдались в сибирском крае. Так, 28 января 1902 г. на выездной сессии Тобольского окружного суда в Тюкалинске товарищ прокурора находился в одном помещении с членами суда, совещавшихся по поводу определения меры наказания по разбиравшемуся делу. Когда в совещательную комнату вошел член суда барон И. А. Будберг и увидел там представителя прокурорской организации, он громко сказал ему: «Вон отсюда!» Оскорбленный товарищ прокурора обратился с требованием к председательствующему в суде К. И. Ремезову запротоколировать инцидент, но тот отказался. Местный исправник общую озлобленность судебного персонала на прокурорского служащего объяснил «его слишком строго официальным отношением к делу и нередкими протестами по делам»¹.

Иногда прокурорские чины превышали пределы своих полномочий. Однажды в камере мирового судьи 2-го участка Туринского округа П. В. Стрижаченко товарищ прокурора учинил несанкционированный обыск. Докладывая об этом происшествии М. Я. Введенскому, судья прокомментировал подобные возмутительные действия как характеризующие «положение судебных деятелей в провинции и взаимные отношения, вряд ли желанные, между ними, и, в данном случае, прокуратурой»².

Имевшуюся в России практику запугивания присяжных заседателей результатами их оправдательных приговоров и других способов манипуляции с общественными представителями³ применяли и сибирские прокуроры. Резонанс вызвал конфликт между прокуратурой и присяжными, разгоревшийся в октябре 1910 г. в Томске. Начало ему положил товарищ прокурора 3-го участка, который в нарушение правил судопроизводства напутствовал отправляющихся в комнату для совещаний «судей совести»: «Ввиду

права. 1882. Кн. 1. Январь. С. 6, 24; Саранчов Д. Прокурорский надзор и его отношения к магистратуре // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. 4. Апрель. С. 56.

¹ ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 74. Л. 35–36.

² Там же. Ф. 158. Оп. 2. Д. 31. Л. 65.

³ Кони А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры. (Из воспоминаний судебного деятеля). С. 135–136.

ясности факта виновности обвиняемых, их оправдать ни в коем случае нельзя, так как право помилования есть прерогатива только монарха». Присяжные обратились к председателю суда за разъяснениями, а затем вынесли оправдательный вердикт¹.

П. В. Вологодский объяснял чрезмерное служебное рвение прокуроров и недовольство ими со стороны сотрудников юстиции таким образом: «На сибирскую прокуратуру слышатся нарекания, что она чаще всего вносит семя раздора в судебную семью. Нужно сознаться, что в этом голосе общественного мнения есть значительная доля правды. Обширная инициатива в возбуждении вопросов, широкая власть в первоначальных распоряжениях по приготовлению и обработке материалов для решения этих вопросов судебной коллегией действуют опьяняющим образом на представителей прокуратуры, вербуемых, по большей части, из молодого поколения. В службе по прокуратуре много соблазна, много мест для раздражения молодого самолюбия, молодого задору, много простора в порыве преследования врагов правосудия, в пылу борьбы с ним представители прокуратуры часто односторонне увлекаются и обращаются в тех бездушных преследователей всяких вольных и невольных нарушителей закона, в те юридические крючки, которые народным остроумием поставлены в весьма неприятную компанию в известной русской пословице: “В земле черви, в лесу сучки, в аду черти, в суде крючки”»².

Проблемы, сопровождавшие деятельность западносибирской прокуратуры по осуществлению правосудия в XIX — начале XX в., во многом являлись результатом изъянов юстиции региона. Волокита, дефицит людских и материальных ресурсов, злоупотребления, беспорядки в делопроизводстве и т. д. — то, что характеризовало функционирование судебной системы и службу прокурорского надзора в судебном ведомстве.

¹ Томская хроника. В судебном мире // Сибирские отголоски. 1910. 26 окт.

² ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 299. Л. 62–63.

ГЛАВА 7. ПОЛИЦИЯ И ПРАВОСУДИЕ

Дореволюционная Сибирь испытывала большую нагрузку переселения и ссылки, здешние обитатели постоянно перемешивались, их состав был очень неоднородным и включал массы чрезвычайно социально и политически активных людей. В этом «котле» сталкивались самые неодинаковые культурно-правовые и исторические традиции, конфликтовали разные представления о гуманности, нравственности, должном правопорядке, и такие противоречия способствовали развитию преступности.

Один из дореволюционных публицистов А. Литовцин подчеркивал особенности местных криминальных обычаев: «Нравы в Сибири, надо сознаться, довольно-таки грубы. Да и откуда быть им мягкими? Столетиями в страну вливались всяческие отбросы, столетиями сибиряк слышал свист каторжного кнута; десятки лет видел рваные ноздри, клейменные щеки и лбы; был безмолвным свидетелем произвола властей над поселенцами, над ссыльными, сам испытывал его на себе. Он жил бок о бок с убийцами, ворами, конокрадами, чаерезами, фальшивомонетчиками, и это не могло не оставить на нем свой тяжелый, глубоко врезавшийся след. Страницы сибирской летописи, если б кто-нибудь ее вел, были б забрызганы кровью, запятнаны преступлениями»¹. М. Петров рассказывал о крае «как о стране преступников», в которой человеческая жизнь ценилась очень дешево. Он писал: «Есть там такие места, где не найдешь аршина земли, не обгаренной человеческой кровью, где нет недели, в течение которой не было бы совершено в округе менее двух убийств. Сколько их остается необнаруженных — одному богу известно!»².

¹ Литовцин А. Сибирские нравы и преступления // Сибирские вопросы. 1909. № 43. С. 27–28.

² Петров М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская. М., 1908. С. 88–89.

Уголовная репрессия в условиях крайне разнородного сибирского общества имела огромное значение, еще более важное, чем в иных регионах Российской империи, и от правоохранительных учреждений, ее осуществлявших, в первую очередь зависел успех ответов государства на вызовы преступного мира. Вплоть до введения в Сибири Судебных уставов Александра II расследованиями по криминальным делам там занималась полиция (с 1885 г. вместе с судебными следователями), являясь в этом смысле органом юстиции, причем таким, который при господстве розыскных начал процесса, закрытости и письменности последнего, действию системы формальных доказательств и существовании формального следствия во многом определял правосудие по преступлениям. О его важности в судопроизводстве дореформенной России пишет и Р. С. Уортман: «Судья оказывался в зависимости от канцелярских служащих, которые рассматривали факты в том виде, как их сообщала полиция»¹.

Хотя М. М. Сперанский рассуждал, что «отделение суда от полиции ...без сомнения было необходимо в истинном порядке»², согласно написанному им Сибирскому учреждению, судебные функции городской и земской полиций состояли в «преследовании всякого рода преступлений», «производстве следствий и взятые под стражу обвиняемых установленным законами порядком», «предании их суду»³. Грань между юстицией и полицейским ведомством осталась иллюзорной. Считалось, что в Сибири было «неизвестно, где кончалась полиция и начинался суд — так тесно связаны они между собой»⁴.

Дореформенная российская действительность среди государственных органов выделяла наибольшим влиянием и воздействием на общество учреждения Министерства внутренних дел. Американец Г. Кеннан утверждал, что «нет ни одного государства в мире, где бы полиция обладала такой неограниченной властью,

¹ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 63.

² Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления. С. 33.

³ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125. Ст. 79, 112.

⁴ См.: Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 541.

где бы она играла такую важную роль, где бы она позволяла себе так бесцеремонно обращаться с личностью гражданина, как в России»¹. Особенно всемогущими представлялись полицейские чиновники в Сибири. «Грозой и язвой сибирской деревни» называл земских заседателей дореволюционный исследователь сибирского чиновничества Н. А. Гурьев². Им принадлежали обширнейшие полномочия, что даже приходилось констатировать: «Земский заседатель в одно и то же время и полицейский чиновник, и судебный следователь, и верховный вершитель судеб целого участка, имеющего подчас до 100 тысяч населения»³. «Барин» — название, данное полицейскому чиновнику сибирским крестьянством, говорило само за себя⁴. Его «следовательская» власть казалась поистине безграничной: «Что такое сибирский заседатель-следователь? Это лицо, которое может всякого заподозрить в каком угодно преступлении и начать обвинять. Но от него же зависит повернуть так или иначе процесс. Он в то же время может отдать подсудимого на обычный суд и расправиться волостным порядком, он же и администратор, поэтому его приказаниям будут повиноваться тотчас, без промедления»⁵.

Такое могущество доверялось тем, кто, как правило, не обладал набором нужных для его верного применения качеств. «На должности поступали люди некомпетентные и неспособные к службе», — констатирует современный исследователь томской дореволюционной полиции Д. М. Шиловский⁶. Один из публицистов указывал, что сибирские полицейские чиновники были «плохо подготовленными, подчас малоразвитыми, с эластической нравственностью, допускаящей их делать вопиющие злоупотреб-

¹ Кеннан Г. Сибирь! СПб., 1906. С. 229.

² Гурьев Н. А. Сибирские чиновники былого времени // Сибирский наблюдатель. 1901. № 10. С. 31.

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. С. 541.

⁴ См.: Восточное обозрение. 1883. 3 марта; Киевский И. Указ. соч. С. 2.

⁵ Восточное обозрение. 1883. 3 марта.

⁶ Шиловский Д. М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. С. 21.

ления»¹. Среди служащих обнаруживались и дилетанты, и откровенные профаны, и настоящие преступники. Иногда они были настолько невежественны, что, не подозревая того, сами в этом сознавались. Например, после ревизии Омского земского суда в 1822 г., в ходе которой выявились множественные злоупотребления и нарушения, от членов учреждения потребовали объяснений. На предъявленную ревизором претензию по поводу неправильного ведения журналов, форма которых казалась ему «самой простой и внятной», они по глупости ответили: «Форма журналов известна и действительно внятная, но для земского суда весьма затруднительна»².

Впрочем, ситуация с подбором полицейских кадров и другими проблемами исследуемой организации в регионе не являлась уникальной. Так, витебский губернатор И. С. Жиркевич рассказывал: «Внутреннее полицейское устройство в губернском городе нашел я в весьма жалком положении. Особенно замечательна была в этом отношении полицейская прислуга; все старики в лохмотьях, с подогнутыми штанами, вечно небритые, в помятых, разорванных, разнокалиберных шапках. И на вопрос, Г-ке (витебскому полицмейстеру. — *Е. К.*) сделанный, что это за люди и откуда они набраны, я получил ответ, что часть из отставных солдат, а часть из бессрочно отпускных, что порядочных людей для примера приискать нет никакой возможности; жалование назначено весьма скудное, но и то очень часто, за не сбором в свое время городских доходов на содержание полиции, доходит неаккуратно. Малейшее взыскание за нерадение или неопрятность непременно влечет за собой отказ нанимающихся в служение, и очень часто хилого и неуклюжего старика, вместо выговора, приходится еще упрашивать, чтобы он продолжал числиться по списку полиции»³.

Сомнительными качествами обладали сибирские полицейские чиновники. «Большей частью земские заседатели никуда не годились, а служили только к обременению уездов», — докладывал

¹ Сибирь. 1876. 21 марта.

² ГАТ. Ф. 329. Оп. 12. Д. 30. Л. 11–11 об.

³ Записки генерала Ивана Степановича Жиркевича. С. 237.

А. Х. Бенкендорфу А. Н. Муравьев в 1833 г.¹ Ревизии полицейских органов постоянно вскрывали недостатки и упущения. И. А. Вельяминов, обследовав состояние присутственных мест региона в 1828 г., отметил, что в «оных дела имеют течение не столь успешное, как желательно начальству, в особенности... в некоторых земских судах»². Проехав в 1830 г. по маршруту недавней ревизии Б. А. Куракина и В. К. Безродного с собственной проверкой, генерал-губернатор нашел полицию в самом удручающем состоянии. Чиновники не посещали места своей службы, бездействовали, в Томском земском суде из-за их «нерадения, лености и пренебрежения своими обязанностями» беспорядок достиг такого предела, что данное учреждение «унизило себя не только в глазах начальства, но и в глазах каждого из граждан»³. Уже в 1871 г. А. П. Хрущов при ревизии Тобольской и Томской губерний не обнаружил «ни одного заседателя, ни одного полицейского пристава или надзирателя, у коих делопроизводство было бы в порядке»⁴!

Целые районы приводились в запустение из-за нерадивости полиции. Курганский округ являлся одним из самых преступных уголков Тобольской губернии, а его население наиболее подвергнутое алкоголизации, что, по мнению, как местного общества, так и губернских властей, произошло из-за полного бездействия местного полицейского ведомства. Начальник сибирского жандармского округа в 1871 г. доносил в Главное управление Западной Сибири, что курганские блюстители и охранители порядка явно не переусердствовали на службе: город погрузился в хаос, его улицы тонули в нечистотах, которые с наступлением весны вызывали вспышки лихорадки и тифозной горячки, а возгорание навозных куч приводило к крупным пожарам⁵.

В 1854 г. В. А. Арцимович проверил полицейские учреждения губернии и, найдя в них «утаенные дела» и «бездеятельность в делопроизводстве», некоторых земских заседателей отдал под

¹ Переписка А. Н. Муравьева. С. 317.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 284. Л. 294.

³ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 71. Л. 9–9 об., 21–22.

⁴ ГАТ. Ф. 329. Оп. 1. Д. 18. Л. 54 об.

⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 18560. Л. 1–3.

суд¹. В 1862–1863 гг. «предавались суду» полицейские чиновники Западной Сибири, например, «за жестокое наказание крестьянина», «неправильные действия», «превышение власти», «вымогательство», «подлог по службе», «жестокое и без всякого к тому основания наказания розгами крестьянина», «беспорядки», «истязание крестьянки»². В 1889–1892 гг. находились под следствием или уже понесли уголовное наказание служащие полиции Тобольской губернии: многие — за взятки, некоторые — за «неправильное лишение свободы», отдельные — за «составление подложных протоколов свидетельских показаний», «присвоение золотого перстня», «вымогательство и незаконное лишение свободы»³.

Между тем специфика психологии отечественного чиновничества, наложенная на сибирские условия, и особенности управленческой практики в регионе воспитали в полицейском служащем края безнаказанность и пренебрежение своим долгом перед обществом и государством. Репрессия, употребляемая во время проверок, воспринималась не как наказание, а как непонятная придирка сытого руководства. В этой связи нелишне вспомнить те ментальные основания, которыми руководствовались полицейские чиновники в России. В. Я. Фукс, будучи специалистом в таких вопросах, писал про их типичного представителя: «Он едва ли юридически понимает строгость предписаний высшего начальства против лихоимства. В его глазах поэтому высшее начальство имеет характер исключительно притязательный; губернские и министерские власти, по его понятиям, суть люди, которые, имея в избытке не только насущный хлеб, но и все земные блага, без всякой причины преследуют его; не имея повода предполагать в них зависти, он подразумевает в них какую-то безотчетную злобу. Потому, если он попадет под следствие и суд, лишится места, подвергнется наказанию, то он считает всякое подобное событие не карой за служебные свои преступления, а незаслуженным несчастием, наравне с тяжелой болезнью, пожа-

¹ Ск-ев [Скропышев Я. С.]. Указ. соч. С. 11–12.

² ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4960. Л. 4–8, 10, 14, 18.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 14 об.–15.

ром и наводнением. Он не погибает в мнении своих сослуживцев; напротив, его все сожалеют: всякому может приключиться подобная же беда, говорят они»¹.

В Сибири, тем более, «заседатель и исправник привык схватить куш — а там хотя и под суд: он обеспечен, делается домовладельцем и землевладельцем»². Поведение сибирского сотрудника полиции сводилось к тому, чтобы минимизировать негативные последствия чувствительных для себя наказаний или игнорировать незначительные. Когда М. М. Сперанский вернулся в столицу, ему стали сообщать из Томской губернии, что некоторые тамошние «земские и другие чиновники», которые во время ревизии, «быв уличены в неправильном присвоении денег, удовлетворяли поселян и инородцев, ныне сами, объявив на них претензии, находят средства к обратному получению заплаченных денег». Сибирский генерал-губернатор потребовал от губернского правительства, «чтоб подобных взысканий нигде и не под каким предлогом не производилось, а взысканные деньги были бы возвращены по принадлежности»³. В 1851 г. Н. Н. Анненков, обозрев деятельность западносибирской полиции, замечал: «Всеобщее бездействие исказило даже понятие должностных лиц о служебных их обязанностях и правилах подчиненности. Я убедился, что подтверждения, замечания и выговоры, делаемые начальством, не возбуждают подчиненных чиновников к деятельности»⁴.

Служащие полиции явно не состоялись в качестве следователей. А. Н. Муравьев отмечал, что их расследования были «большей частью весьма неисправны, особенно те, по коим замешаны богатые крестьяне, или где следователи имели в виду какие-либо выгоды». Как образец нерадивого отношения к следственному делу губернатор представлял городничего, который «показывая собой пример распутства и безнравственности, привел дела тюменской полиции в такой порядок, что нет никакой возможности

¹ Фукс В. Я. Опыт физиологии уездного чиновника // Современник. 1859. № 12. С. 48–49.

² Гурьев Н. А. Указ. соч. № 9. С. 26.

³ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 84. Л. 47–47 об.

⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 13. Д. 179. Л. 19.

без особой комиссии разобрать смешение оных, особенно в отношении к денежным делам»¹. В 1880-х гг. та же полиция из-за своей неорганизованности признавалась неспособной препятствовать развитию уголовщины. В Тюмени, судя по докладам местного исправника, полицейские учреждения обнаружили абсолютное «бессилие» в борьбе с преступностью, в частности с кражами, поскольку их штат оказался недостающим, а лица, занимающие полицейские должности, — совершенно некомпетентными².

Следователи будто не обращали внимания на разгул криминала. К примеру, И. А. Вельяминов при ревизии делопроизводства каинской полиции обнаружил, что, судя по бумагам, «как бы вовсе в г. Каинске не было ни одного происшествия в нынешнем году»³. Чиновники полиции нарушали правила судопроизводства⁴, иногда просто прекращали «всякую деятельность свою по производству следствий»⁵, по их общему признанию, отказывались возбуждать уголовные дела по жалобам населения⁶, а, начав расследования, не принимали мер к их завершению⁷. В случаях, когда потерпевший являлся представителем угнетенных слоев общества, а вдруг, бродягой, земские заседатели «если и старались отыскать в подобных случаях виновных, то уже никоим образом не из желания найти их, но лишь из желания вытянуть елико возможно из виновников убийства, а затем предать дело воле Божьей, а тело — земле»⁸.

Чиновники действовали крайне медленно и, похоже, не понимали, зачем начальство требует от них ускорить следствия. Один из земских заседателей Тобольской губернии на вопрос о наличии у него в производстве залежавшихся дел без смущения ответил:

¹ Переписка А. Н. Муравьева. С. 318–319.

² Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.). Тюмень, 1995. С. 135–138.

³ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 71. Л. 10.

⁴ Там же. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1933. Л. 50; ГАТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 915. Л. 2.

⁵ ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 10. Л. 5 об.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 241. Л. 6.

⁷ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1135. Л. 25–26.

⁸ Москвич В. Погибшие и погибающие. Отбросы России на сибирской почве // Русское богатство. 1895. № 7. С. 48.

«Очень старых нет, лет по семи»¹. Однако только после судебного преобразования 1885 г. удалось выявить истинные размеры следственной волокиты, выразив их в хоть каких-то величинах. В Томской губернии в 1886 г. накопилось 6707 неоконченных следствий. Эту цифру томский губернатор характеризовал как «громадную»². В Тобольской губернии тогда же было зафиксировано 6465 нерешенных дел³. В дальнейшем в Томской губернии положение исправилось. Около 4700 неоконченных расследований находилось в производстве в 1892 г.⁴. Но в Тобольской губернии в упомянутом году волокита достигла огромных размеров: П. М. Бутовский в ходе ревизии обнаружил не менее 18000 незавершенных следствий⁵; отдельные из этих дел производились до семнадцати лет⁶. Вместе с тем выявленные в ходе ревизионного обследования цифры неоконченных следствий являлись меньшими, чем в действительности, поскольку имела место практика фальсификации данных. Например, в первой половине 1890-х гг. С. Г. Коваленский при проверке делопроизводства одного из земских заседателей Ишимского округа нашел 1023 дела вместо 79, на наличие которых в отчетных ведомостях указывал полицейский чиновник⁷.

Следственные проволочки доводили расследования до такого состояния, что раскрытие преступлений становилось невозможным. С. Г. Коваленский констатировал: из всего количества следствий «значительное большинство ложится на такие дела, кои, ввиду того, что за истечением нескольких лет пребывали без производства, утратили всякий интерес как для самих участвующих в деле лиц, так и для власти», поскольку «за давностью времени исчезли не только все следы преступления, но и сама возмож-

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 11 об.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 5 об.

³ ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 97.

⁴ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 25.

⁵ Библиотека РГИА. Отчет о ревизии судебных установлений и прокурорского надзора Тобольской и Томской губерний... С. 1.

⁶ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 11 об.

⁷ Там же. Ф. 479. Оп. 2. Д. 10. Л. 17.

ность восстановить таковые»¹. Трупы не вскрывались по несколько месяцев, а когда доходило до вскрытия, мертвецы при неустроенности ледников представляли собой «бесформенную, гниющую и зловонную массу», когда уже «не представлялось возможности не только установить отдельные признаки преступления, но даже определить причину смерти данного лица»².

Волокита имела самые негативные последствия. П. М. Бутовский рассказывал: «Описанная медленность производства следствий приводит к тому, что самые важные преступления, которые при своевременном правильном и энергичном ведении следствия в большинстве были раскрыты, остаются безнаказанными, и валяющиеся в канцеляриях земских заседателей дела о них должны быть ныне признаны безнадежными. По делам же, возбуждаемым в порядке частного обвинения, медленность следователей приводит к совершенному отказу от правосудия». Последние, как правило, прекращались «за нехождением»³ или, как наблюдал Р. Л. Вейсман, «некоторые земские заседатели, продержав у себя в течение давностного срока без производства дела о кражах и других преступлениях, преследуемых в общем порядке, направляли их затем к прекращению за истечением давности»⁴.

Чиновники стремились всячески скрыть недостатки своей работы. По наблюдению того же П. М. Бутовского, они прибегали к разнообразным приемам «с целью избежать наблюдения за деятельностью их в этом отношении и вообще оградить себя от всяких требований об ускорении дел»: оставляли на свободе лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых по наиболее важным делам, или освобождали таковых из-под стражи, несмотря на тяжесть совершенных преступлений и наличие доказательств по ним. Значит, у преступников существовала «полная возможность уклониться от следствия и суда»⁵. Репрессивный потенциал поли-

¹ ГАТ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 10. Л. 17–17 об.

² Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 12–12 об.

³ Там же. Л. 12 об.

⁴ Вейсман Р. Л. Заметки о судебной реформе в Сибири // Томский листок. 1896. 29 нояб.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 10 об.

ции, таким образом, являлся весьма невысоким. Правоохранительная система не могла предоставить гарантий безопасности добропорядочным подданным и создавала условия, которыми пользовались преступные элементы, чтобы скрыть следы преступлений¹. В статье «Сибирская уголовщина», помещенной в «Восточном обозрении», говорилось о сибирских расследованиях: «Следствие в Сибири страшно только на минуту, а потом дела совершенно изменяются. Ловкий и опытный человек даже не боится этих следствий и подсудностей, особенно человек, имеющий место и протекцию. За всяким следствием следует преследование, за одним судом следует другой. Где-нибудь найдется смягчение, а не то обеление. Подсудимый при прежних порядках не дремал, а только ухмылялся»².

Полицейские следователи, по словам Г. Кеннана, «виртуозы вымогательства»³, нередко покровительствовали злоумышленникам, тем самым способствовали развитию преступности. А. Н. Муравьев докладывал: «Господа заседатели, вообще, при следствиях чинили главнейшие свои злоупотребления, стесняя при оных крестьян вовсе бесполезными мерами, собирая большое количество обывателей без нужды, устраивая некоторых, освобождая других и прочих, и все сие за деньги и за суммы, весьма для поселян тягостные, одним словом, невозможно исчислить всех изворотов, и нет ни одного случая, где бы полиции сии при малейшей возможности чем-либо воспользоваться от обывателей пропустили бы оный... Тобольская градская полиция, долженствуя служить примером благочиния и устройства для всех таковых же в губернии, напротив того, служит примером всего худшего, что только вообразить можно. Потачка воровству и грабительству, распутное поведение полицейских чиновников, притеснения жителям, лихоимства, укрывательства беглых и несправедливости всякого рода, что свидетельствуется документами и событиями, состав-

¹ Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 15 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). С. 2.

² Восточное обозрение. 1885. 16 мая.

³ Кеннан Г. Указ. соч. С. 239.

ляют характеристику тобольской градской полиции»¹. «Противозаконные действия явных преступников, нарушителей общественного спокойствия», как обнаружила ревизия Н. Н. Анненкова, подолгу ожидали расследования².

Намеренное затягивание следствий и сокрытие фактов преступлений за взятки, убийств — за весьма крупные, были обычными явлениями³. Имя одного корыстолюбивого следователя стало широко известно благодаря зарождавшейся частной сибирской прессе и Г. Кеннану, рассказавших о злоупотреблениях тюменского исправника Б. И. Красина. 25 мая 1882 г. жители деревень Гольшевой и Елагиной убили «посредством задушения» крестьянина из ссыльных Л. Задорожного. Расследование производили двое земских заседателей во главе с Б. И. Красиным, которые за взятки с подследственных не давали делу хода. Во время следствия исправник приказал старосте сельского общества, выходцами из которого были убийцы, собрать подарки и передать их ему. В результате амбары главы тюменской полиции пополнились пятью возами разных припасов из муки, рыбы, дичи, яиц и прочего, и тот, с характерным цинизмом преисполненного самодовольством и уверенностью в своей безнаказанности чиновника, произнес перед взяткодателями речь: «Ташите господа больше денег и припасов, и я тогда сделаю все для вас; я буду ходатаем за вас по делу, как будто бы адвокат». По делу Л. Задорожного, свидетельствовали крестьяне, «брали взятки все, начиная с волостного писаря и кончая Красиным», и зажиточная раньше деревня «окончательно разорилась». Аппетиты тюменского исправника, кроме коллективных, распространялись и на индивидуальные взятки. Как-то крестьянка А. Незарукова попросила его «помочь ее горю» (сын в качестве подследственного содержался под арестом) и этой «помощи» чиновник назначил цену в 300 рублей. Несчастная мать, продав лошадь, корову, овец, собрала нужную сумму и передала исправнику, «но ни сына, ни денег не получила, оставшись совершенно без средств». Несмотря на многочислен-

¹ Переписка А. Н. Муравьева. С. 317–318.

² ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 179. Л. 18 об.–19.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 15; Сибирь. 1876. 21 марта.

ные факты злоупотреблений, выявленных в суде, Тобольский губернский суд по невыясненным причинам оправдал Б. И. Красина¹. Однако виновность исправника была очевидна для местных крестьян: «Красин брал взятки не только по делу Задорожного, но и вообще, как об этом говорят, по крайней мере, в народе», а в деревне Голышевой «Красину во взятки пошли даже деньги, собранные на часовню». В 1887 г. его все-таки осудили за вымогательство, «лишили всех прав состояния и сослали на поселение в отдаленные места Сибири»²; по сведениям Г. Кеннана, дальнейшее пристанище этого «любезного исправника» (таким он показался американцу при их первой встрече) находилось где-то в восточносибирской глуши³.

Подобный сценарий расследований не являлся оригинальным. «Турист», как он себя называл, М. Квитка, путешествовавший на рубеже XIX–XX вв. по рекам бассейна Оби, передавал в своих записках рассказ попутчика о полицейском следственном беспределе прежних времен. Ехал на пароходе старик, который вспоминал, как он когда-то («да годков тридцать, али более того, уже миновало») в течение пяти лет находился на службе у «барина» кучером и «нагляделся в тую пору разных разностей». Полицейский чиновник «Миколай Егорыч» — «хапун покойник был, ...не доведи господи! Просителев, бывало, там разных как находило к ему в прихожку полным-полно! Он, стало быть, завсегда у себя на квартире просителев принимал, а в полиции — ни боже мой! Глядит, бывало, в окошко на улицу, кто к ему с просьбами идет. Ежели, примером, один, али два человека, ну, стало быть, беда, говорит, случилась маленькая. А ежели, бывало, мужиков целая куча лезет, тогды знать только ручки потирает: беда, мол, большая случилась, по народу, грит, видно, что дело сотнями пахнет, братец. Потому по беде давай, мол, и денежки». Однажды к Егорычу наведалься группа мужиков, убивших конокрада, которые просили его, «чтобы не губил их». Далее следствие имело привычное развитие: «Вот торговались и торговались, гляжу я, не сдается

¹ Сибирская газета. 1886. 7 дек.

² ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 51. Л. 60–60 об., 149.

³ Кеннан Г. Указ. соч. С. 238.

мой барин и только. Мужики двести дают рублей, значит, а он уперся: триста, мол, и никаких! Уж им и вина подносил, и речами всякими приятными в резонт приводил, а мужики все на своем: бери, ваше благородие, двести, нету-ка более, не погуби, мол, покрой убивство. В ноги кланяются. Насилу на двухстах тридцати дело покончили. Взял барин деньги, теперь, грит, ступайте с богом, спите спокойно, ничего не будет, двиствительно, им ничего не было. Покрыл убивство чистенько»¹.

Особенно изощренными были злоупотребления вверенной полицейским чиновникам властью в отдаленных уголках края с преимущественно невежественным и беззащитным населением. Р. Л. Вейсман повествовал о преступной деятельности полицейского следователя И. С. Ландышева: «Этот господин, проживая в селе Алтайском Бийского округа вне постоянного надзора прокуратуры и начальства, и имея дело с малоразвитыми инородцами, практиковал вымогательство взяток в формах и размерах почти невероятных. Следствием выяснено, что при возникновении уголовных дел он сажал под стражу в “каталажку” безразлично обвиняемых, родственников их и даже потерпевших, и освобождал их только после уплаты потребованной им взятки»². Но и в более близких к цивилизации районах «разбойники в полицейской форме» (еще одно выражение Г. Кеннана)³ усугубляли негативные последствия преступлений, утяжеляя участь потерпевших и становясь, таким образом, на сторону злоумышленников. П. М. Бутовский рассказывал о «беззастенчивости», по его характеристике, действий одного из земских заседателей Ишимского округа, который, «получив от потерпевшего заявление об ограблении у него лошади и, несмотря на наличность обвиняемого», освободил последнего, а потерпевшего заключил под стражу, потребовав с него за освобождение 25 руб. и продержав под арестом в течение трех дней, пока не овладел вымогаемой суммой»⁴.

¹ Квитка М. По рекам Западной Сибири. (Из впечатлений поверхностного туриста) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. 1900. № 4. С. 35.

² Вейсман Р. Л. Заметки о судебной реформе в Сибири.

³ Кеннан Г. Указ. соч. С. 239.

⁴ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 15.

Хрестоматийными примерами получения полицейскими чиновниками дополнительного преступного дохода при следственных операциях являлись их манипуляции с останками неустановленных лиц. Г. Кеннан сообщал о хитроумных операциях смекалистого земского заседателя Тюменского округа, в участке которого обнаружили труп мужчины с признаками насильственной смерти. В той деревне отсутствовал ледник, и чиновник, решив подзаработать, приказал крестьянам отнести мертвеца в усадьбу самого состоятельного селянина, где телу определялось находиться до медицинского освидетельствования. В доме деревенского богача на следующий день намечалась свадьба дочери, и он оказался перед выбором: либо понести ответственность «за сопротивление властям», либо полюбовно решить вопрос с заседателем, чтобы тот отменил распоряжение и не сорвал тем самым намеченное торжество. 30 рублей оказались в кармане служащего полиции, а труп продолжил перемещение из одного конца села в другой, «останавливаясь перед окнами зажиточных крестьян и вымогая для заседателя более или менее значительные суммы в виде откупа»¹.

Факты подобного рода предприимчивости в сельской местности установила и ревизия П. М. Бутовского: «В некоторых случаях источником злоупотреблений со стороны земских заседателей является, по-видимому, производство осмотров и вскрытий мертвых тел; пользуясь тем, что для населения продолжительные наряды караулов к общественным ледникам представляются крайне обременительными, заседатели оттягивают производство вскрытия, пока им не будет уплачена сельским обществом взятка». В отчете ревизора рассказывалось о коррумпированности одного из полицейских чиновников Курганского округа, преступлением которого в ряду других было получение денег от сельских старост за скорейший осмотр трупов в размере 3–5 рублей².

Между тем в дореформенных России и Сибири замедляло расследования наличие всякого рода процессуальных предписаний, которые с введением Судебных уставов уходили в прошлое. Смысл унаследованного от предыдущего столетия судопроизвод-

¹ Кеннан Г. Указ. соч. С. 239–241.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 15–15 об.

ства с его нормами о силе доказательств и улик (система формальных доказательств), формальном следствии состоял в том, чтобы подчинить по возможности все действия судебных чиновников воле закона, лишить процесс влияния пристрастий отдельной личности, связать его наперед установленными, универсальными, стандартными, применимыми к каждому конкретному делу нормами. Потому следователь, начиная расследование, несмотря на индивидуальные особенности дела, порой на его незначительность, обязывался произвести иногда сложные и трудоемкие, в результате часто ненужные, следственные операции и зафиксировать их в материалах дела. Практика проведения формальных следствий в России показывала, что такой порядок приводил к потере скорости судопроизводства, волоките, накоплению и обрастанию дел «бумагами».

Формальное следствие, эволюционировавшее во времена господства розыскного порядка процесса, было чуждым порядку состязательному. Судьи могли выносить приговор, опираясь исключительно на материалы, собранные следователем. Задача досудебного следствия при розыскном процессе состояла в установлении фактов как вины, так и невиновности подсудимого. По сути, стадия формального следствия являлась в уголовном судопроизводстве решающей, а роль в нем следователя — в дореформенных условиях, как правило, полицейского чиновника — весьма важной. Разумеется, заводя по своему невежеству дела, например, «о лае собак на его превосходительство г. томского губернатора», «об изорвании галош почтальона Монастырева собакой мещанина Бертенева»¹, он не имел шансов закончить производство: формальность требовала (одна из инструкций западносибирского судебного начальства по 11 позициям²) выяс-

¹ Вейсман Р. Л. Заметки о судебной реформе в Сибири; О следствиях «о хождении мертвого тела по Березовскому краю», законченному «за естественной смерти мертвого», о «суде над медведем» и других делах, производимых невежественными полицейскими чиновниками, см.: Ла-н М. А. Курьезы сибирской старины. (Из архивных дел и рассказов старожил) // Сибирский наблюдатель. 1902. № 12. С. 98–111.

² Инструкция состоящим по Томской губернии следователями как судебным, так и из чинов полиции. Томск, 1886. С. 7.

нения таких обстоятельств преступления или проступка, которые зачастую открыть было просто невозможно.

Наряду с этим полицейским чиновникам обязанность проведения расследований не виделась важной, и они подходили к ее исполнению безответственно, тем более, как справедливо отмечалось в прессе, отсутствовал контроль над их следовательской деятельностью¹. Отсутствие надзора умножало невнимательность чинов полиции к следовательской работе, чем и объяснял беспорядки в следственном аппарате П. М. Бутовский: «Совокупность указанных условий, в связи с тем, что относительно исполнения служебных обязанностей административного свойства чины полиции находятся под строгим и постоянным контролем своего непосредственного начальства, тогда как надлежащее наблюдение за производством ими следствий, как о том будет указано ниже, почти отсутствует, приводит к тому положению, что производство следствий представляется полицейским следователям чем-то второстепенным, ввиду чего, за весьма редкими исключениями, предоставляют занятие следственными делами своим письмоводителям. Письмоводители эти, набираемые в большинстве случаев из ссыльных или же лиц, опороченных по суду в Сибири... ни по образованию своему, ни по своим нравственным качествам, очевидно, не представляют никаких гарантий добропорядочного ведения дела»². Таким образом, совсем нередко дело правосудия отдавалось на откуп преступникам, зловещие фигуры которых запечатлены в сибирском фольклоре. М. Квитке приходилось слышать песни-«плач» сибиряков, которыми они во время плавания на пароходах развлекали себя и разрезали безмолвие таежных просторов: «Как по речке по быстрой, становой едет пристав, ой, горюшко-горе, становой едет пристав. А за ним письмоводитель, престащенный грабитель, ой, горюшко-горе, престащенный грабитель»³!

Приемы, подобные привлечению канцелярских служителей к расследованию преступлений, могли быть и плодом перенапря-

¹ Сибирь. 1876. 21 марта.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 9.

³ Квитка М. Указ. соч. № 2. С. 33–34.

жения полиции края, невозможности справиться со всем кругом полицейской деятельности одновременно. Так, министр юстиции В. Н. Панин, подводя итоги ревизии Н. Н. Анненкова, заключил: «Нет сомнения, что земские суды в Сибири имеют в сравнении и со всеми тамошними уездными местами, и со всей земской полицией внутренних губерний гораздо более дела»¹. В конце XIX в. комиссия, планировавшая мероприятия по отмене ссылки, отмечая отсутствие «присмотра» за ссыльными, указывала на невозможность «винить сибирскую полицию» в этом: «Ее численный состав так невелик, а размеры участков, заведываемых отдельными полицейскими чинами, так велики, что у последних решительно не хватает сил для исполнения даже общих полицейских обязанностей, и они поневоле принуждены обращать внимание на ссыльных не более, чем на остальных обывателей»².

В. И. Мерцалов утверждал, что обременение чиновников полиции следствиями имело результатом неисполнение ими «ни полицейских, ни следственных обязанностей»³. В 1892 г. корреспондент «Сибирского вестника», доказывая «совершенную» несовместимость этих функций и считая такое положение ненормальным, даже не допускал вероятности того, что чрезмерно перегруженные работой сотрудники окажутся способными на скорое решение дел⁴. Полицейские служащие не могли уделять расследованиям достаточно времени. Так, один из западносибирских заседателей только шесть дней в месяц занимался рассмотрением следственных дел, посвятив остальное время другим занятиям⁵. Кроме того, их активно привлекали к отправлению правосудия в качестве членов окружных судов⁶, и указанный

¹ Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. С. 379.

² Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900. С. 293.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 7–7 об.

⁴ Сибирский вестник. 1892. 13 нояб.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 29.

⁶ ГАТюМО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 435. Л. 2–3; Ф. 40. Оп. 2. Д. 386. Л. 25–26; РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 9921^с. Л. 11.

порядок отрывал чинов полиции от исполнения основных обязанностей, делая их административную деятельность менее эффективной. Н. М. Богданович указывал в своем всеподданнейшем отчете за 1894 г., что участие полицейских чиновников в судебных делах действовало «в ущерб гораздо более серьезным задачам общественного благоустройства и благочиния»¹.

В России призывы создать специальный следственный институт звучали давно. В пору деятельности Комитета 6 декабря 1826 г. профессором М. А. Балугьянским предлагалось учредить «судную полицию», подчинив ее независимой «судной власти»². Подобного рода мысли, хотя и признавались «заслуживавшими особенного внимания» (заседание Комитета 19 февраля 1828 г.)³, их автор стяжал императорское «благоволение», однако были не совсем поняты современниками-законодателями⁴. Недоверие к полицейскому следствию становилось общим к моменту реформ Александра II, его неприемлемость делалась очевидной. Так, в 1860 г. с университетской кафедры В. Д. Спасович заявлял: «Само собой разумеется, что уголовные следствия должны бы быть производимы судебными, а не полицейскими властями»⁵.

Досудебное следствие изымалось из рук полиции еще до принятия Судебных уставов, чем подчеркивалась насущность такого преобразования. 8 июня 1860 г. вводился институт судебных следователей в 44 губерниях империи, что тогда обосновывалось потребностями не правосудия, а администрации: «Желая дать полиции более средств к успешнейшему исполнению ее обязанностей,

¹ ГАТ. Ф. 479. Оп. 5. Д. 1. Л. 61.

² Рассуждения неизвестного (статс-секретаря М. А. Балугьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями. С. 246, 268.

³ Журналы комитета, утвержденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 74. СПб., 1891. С. 265.

⁴ Коркунов Н. М. М. А. Балугьянский. Проект судебного устройства 1828 г. // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 8. С. 47–54.

⁵ Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. Публичная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете. (Сентябрь и октябрь 1860 г.) // Сочинения В. Д. Спасовича. Т. 3. Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. СПб., 1890. С. 273.

столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний, и определить точное свойство и круг ее действий, мы признали за благо отделить от полиции вообще производство следствий по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест»¹.

На сибирские губернии новый закон не распространялся, но местные чиновники живо его обсуждали (так, члены Тобольского губернского совета на заседаниях в августе 1862 г. полемизировали, как узаконенные положения следует применять в регионе²) и выражали пожелания касательно применения в Сибири правил 8 июня 1860 г. (Совет Главного управления Западной Сибири неоднократно просил министра юстиции «об учреждении в Тобольской и Томской губерниях судебных следователей»³). Лишь в начале 1880-х гг., когда сибирские генерал-губернаторы сигнализировали об особенно неудовлетворительном состоянии следственной части в регионе⁴, а губернаторы, например В. И. Мерцалов, стали настаивать на необходимости введения института судебных следователей⁵, правительство обратило внимание на решение данного вопроса.

В 1885 г. судебные следователи появились в Сибири, но их штат, 22 чиновника на обе западносибирские губернии, представлялся весьма незначительным. Сами чиновники Министерства юстиции еще до проведения реформы оценивали это число как «самое ограниченное»⁶; «совершенно не удовлетворяющим потребностям населения» считали их количество представители местного административного и судебного ведомств⁷. При подготовке реформы предполагалось возложить на судебных следователей расследование наиболее тяжких преступлений. В своей инструкции К. Б. Газенвинкель называл этих чиновников «как бы

¹ ПСЗ-II. Т. 35. № 35890.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 1161. Л. 281–289.

³ Там же. Ф. 329. Оп. 1. Д. 18. Л. 70.

⁴ См.: Восточное обозрение. 1882. 30 сент.

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1221. Л. 7–7 об.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 69. Д. 7107^а. Л. 48 об.

⁷ Там же. Оп. 87. Д. 9921^е. Л. 10.

следователями по особо важным делам»¹. Однако на практике судебные следователи зачастую рассматривали незначительные уголовные дела, а полицейские чиновники по-прежнему расследовали серьезные преступления. В Тобольской губернии в 1887 г. чины полиции провели примерно 75% следствий по делам, подсудным губернским судам, а 25% от всего количества решаемых судебными следователями дел подлежали разбирательству в окружных судах².

Таким образом, роль полиции в преследовании злоумышленников хоть и минимизировалась, но весьма незначительно. Десятилетие после судебной реформы 1885 г. стало временем заключительной проверки полицейских чинов в деятельности по ведомству юстиции на жизнеспособность; новые условия (введение процессуальных состязательности и устности, а также гласности, институтов товарищей прокурора и судебных следователей) стали гарантом тщательности такой экспертизы. Следователи от полиции, по выражению Н. П. Геллертова, «жрецы правосудия в полицейском мундире»³, снова проявляли себя с наихудшей стороны. Их квалификация и профессионализм по-прежнему вызывали сомнения, не проявляли они и особого усердия в следовании нормам морали и права. По словам известного томского адвоката В. П. Картамышева, досудебные расследования, как и раньше, проводили безграмотные полицейские чиновники⁴. «Большинство из этих лиц совершенно не подготовлены к производству следственных действий, и значительный контингент их состоит из людей, не получивших не только юридического, специального, но и среднего образования», — утверждал корреспондент «Сибирского вестника»⁵. По мнению Р. Л. Вейсмана, они «ни по образовательному своему цензу, ни по нравственным качествам не представляли в большинстве случаев никаких гарантий правильного и добропорядочного ведения дел, полицейский следователь

¹ Газенвинкель К. Б. Об условиях производства формальных следствий по закону 25 февраля 1885 г. С. 2.

² ГАТ. Ф. 377. Оп. 1. Д. 21. Л. 98.

³ Геллертов Н. П. Указ соч. С. 26.

⁴ Сибирский вестник. 1885. 16 окт.; 1886. 1 мая.

⁵ Там же. 1892. 13 нояб.

выходил из характерной среды мелких канцелярских чиновников, образовательный ценз которых в редких случаях превышал несколько классов гимназий или духовных семинарий»¹.

Какими были квалификация полицейских следователей и их потенциал, установила ревизия П. М. Бутовского. Среди 54 чинов полиции Тобольской губернии ни один не имел юридического образования, немногие окончили курс гимназии, образование некоторых ограничивалось «домашним воспитанием», а их нравственный уровень, как указывал ревизор, являлся чрезвычайно невысоким. Из-за большой текучести кадров у них зачастую отсутствовала возможность ознакомиться с принятыми следственными делами. С 1889 г. по 1 августа 1892 г. те самые 54 должности занимали 170 лиц. Причем за этот период в 4-м участке Тюмени сменилось 7 чиновников, во 2-м участке Ялуторовска — 6, во многих участках — по 5². Пренебрегать своими обязанностями и процессуальными нормами считалось правилом: служащие не являлись по вызову судебных следователей, оконченные дела отправляли не соответствующему лицу прокурорского надзора, а в суд или в полицейское управление³, приглашали в качестве экспертов по сличению подчерков почтальонов, писарей⁴. Для деятельности полиции были характерны злоупотребления и незаконные действия. В 1888 г. товарищ прокурора по Каинскому уезду неоднократно обращал внимание томского губернского прокурора на ставшую обычной практикой утаивания земскими заседателями следственных дел под наименованием дознаний⁵. В ходе ревизии начала 1890-х гг. выяснилось, что подобными способами злоупотребляли все без исключения чины полиции Тобольской губернии, именно там, как увидел П. М. Бутовский, наиболее глубокие корни пустила коррупция⁶. Восточнее чиновничество было лучше, но ненамного. Тот же ревизор подчеркивал: «Справедливость требует сказать, что среди полицейских чинов-

¹ Вейсман Р. Л. Заметки о судебной реформе в Сибири.

² ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 8 об.-9, 13-13 об.

³ Там же. Д. 789. Л. 10, 12, 41.

⁴ Там же. Д. 875. Л. 8-9, 14.

⁵ ГАТО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 1135. Л. 20-20 об., 51-51 об.

⁶ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 10, 14-15 об., 27, 124.

ников Томской губернии встречаются и такие, которые по деятельности своей и нравственным качествам представляются вполне удовлетворительными... Но такие чиновники являются собой только исключение и притом довольно редкое»¹.

Они не шли ни в какое сравнение с судебными следователями, делопроизводство которых было найдено П. М. Бутовским «в порядке», что совершенно естественно: в их составе преобладали выпускники Демидовского юридического лицея, Московского, Санкт-Петербургского, Новороссийского, Казанского и Харьковского университетов². К 1897 г. 24 из 26 судебных следователей Тобольской губернии имели высшее образование³. Недаром некоторые сообразительные сибиряки, поняв разницу между двумя следственными институтами, обращались в соответствующие инстанции с просьбой передать следователям-специалистам интересующие их расследования от полицейских чинов⁴.

Последние не научились и не преисполнились желанием результативно бороться с преступностью, наоборот, часто позволяли преступникам оставаться безнаказанными, продолжали скрывать следы преступлений, что не могло не сказаться на отношении к ним со стороны населения. В отчете за 1886 г. А. И. Лакс констатировал: «Благонамеренные люди не питают к полицейским чинам, производящим следствия, того необходимого доверия, каким пользуются всюду чины новых судебных учреждений, а злонамеренные видят в них людей, с помощью которых они всегда имеют возможность избежать кары за свои преступления путем обмана или подкупа»⁵. Вообще, судебные деятели давали исключительно негативные оценки полицейскому следствию. С. Г. Коваленский считал его главным пороком системы правосудия⁶. П. М. Бутовский приравнивал поступление сообщения

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 28 об.-29.

² Там же. Л. 31, 32 об.; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2659. Л. 2.

³ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 16. Л. 7-8.

⁴ Там же. Ф. 377. Оп. 1. Д. 47. Л. 76.

⁵ РГИА. Коллекция печатных записок. № 102. Отчет о состоянии Томской губернии за 1886 г. С. 12.

⁶ ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 6 об.

о совершенном преступлении чину полиции к «началу гибели дела»¹.

Такое состояние следственного аппарата приводило к частой повторяемости преступлений и создавало у населения «чувство неподконтрольности власти и вседозволенности, что еще более криминализировало его поведение»². Неуязвимость сибирских чиновников развращала правосознание сибиряков, а сибирские государственные учреждения, существуя не для человека, а против и за счет него, часто как бы подстрекали к противоправным действиям. «Зато сибирякам пришлось иметь дело с местным начальством и чиновничеством, — писал знаток региона М. Петров, — которое имело еще больше власти, чем у нас на родине, и как мы видели выше, всячески насильничало над сибирским населением, отданным в его полную, бесконтрольную власть. Нравы под влиянием административного произвола ожесточались»³.

В этой связи нелишне вспомнить широко распространившуюся даже за пределами России молву (возможно, результат мифотворчества), согласно которой томский губернатор середины XIX в., а, значит, руководитель полиции В. А. Бекман являлся «тираном, каких Европа не знает уже со времен инквизиции». Он, якобы, наслаждался пытками над людьми, применяя, в частности, «засовывание несчастному допрашиваемому лицу мокрого платка в рот, пока не начинал человек задыхаться, и кровь не показывалась из горла»⁴. Полицейские служащие своими выходками дискредитировали государство в глазах населения края. Когда в своей губернии «тиранствовал» В. А. Бекман, тобольский полицмейстер разъезжал с палкой и любого встречного мог ей ударить или «захватить в полицию для выкупа». Один из земских заседателей

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 15 об.

² Шиловский Д. М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. С. 19.

³ Петров М. Указ. соч. С. 84.

⁴ Гурьев Н. А. Указ. соч. № 6. С. 35; Из Сибири. (Отрывки из писем к издателю Колокола в 1862 г.) // Сибирь и русское правительство. Несколько объяснительных заметок и документов из прошедшего времени. Лейпциг, 1878. С. 29.

тогда «наказывал крестьян тем, что ездил на них по деревне верхом, погоняя плеткой»¹.

Попытки нормализовать отношения между обществом и региональным чиновничеством, сблизить их терпели фиаско. В 1880-х гг. губернатор одной из сибирских губерний говорил: «Откровенно сознаюсь, что я не достиг ни одной из намеченных мной целей: я хотел, прежде всего, сделать для населения вверенной мне губернии, так сказать, осязательной мысль, что чиновники, как высшие, так и низшие, служат для пользы жителей, а не наоборот — население существует для чиновников; но мысль эта не проникла ни в население, ни тем менее в сердца и сознание чиновников. Я хотел, далее, чтобы низшие власти, начиная с сельских и кончая заседателями и исправниками, не изображали из себя в своих районах неограниченных монархов, — и этого мне не удалось искоренить»².

В данных условиях, на первый взгляд, «смиранный до чрезвычайности» сибиряк³ проявлял производившую впечатление даже на анархистов-революционеров самостоятельность (П. А. Кропоткин, например, указывал на «независимый характер сибирского крестьянина»⁴), трансформировавшуюся в кровожадную самодеятельность; невнимание государства, помноженное тяготами чиновного произвола в Сибири, рождало особое отношение к его институтам и безжалостные способы борьбы за выживание. Потерпевшие попросту не обращались в полицию при совершении против них преступлений⁵, они, видя бездеятельность правоохранительных органов и безнаказанность злоумышленников, «во избежание траты времени и ввиду безрезультативности заявлений, предпочитали не заявлять о случившемся с ними»⁶, но, давая отпор вызовам криминального мира (преступные деяния «при слабом влиянии власти и полиции» «становились смелее

¹ Ск-ев [Скропышев Я. С.]. Указ. соч. С. 11, 15.

² Сибирский вестник. 1885. 20 июня.

³ Нечто или взгляд на Тобольск. Письмо институтки из Т... М., 1847. С. 18.

⁴ Кропоткин П. А. Тюрьмы, ссылка и каторга в России. СПб., 1906. С. 37.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 789. Л. 112–113 об.

⁶ Там же. Д. 875. Л. 18 об.

и необузданней»¹), находили противозаконные способы самостоятельно карать злоумышленников: «Здесь более чем где-либо, развито искание правды, возмездия, правосудия, и недостаток уголовной репрессии при старом архаическом неуклюжем порядке суда и крайней слабости полицейской власти на обширных, безлюдных пространствах влек за собой нередко дикий самосуд с его грустными и преступными формами»². Членов комиссии П. М. Бутовского потрясала беспощадность расправ с преступниками. Так, С. Г. Коваленский отмечал, что в регионе получили развитие самовольные наказания в «зверском» виде³. «Полное недоверие обывателей Сибири к репрессивной деятельности судебных учреждений, — указывал сам глава ревизии, — вызывает случаи возмутительного самосуда, который составляет там обычное явление»⁴.

Объектом народных растерзаний служили, прежде всего, самые бесправные слои населения, в частности, неистовый «крестьянский самосуд» направлялся против бродяг, «бесчисленные останки» которых скрывала «молчаливая тайга»⁵. Местные прокурорские и полицейские работники свидетельствовали о ежегодных находках весеннего времени «большого количества трупов с признаками насильственной смерти», которыми одаривало таяние снега вдоль Сибирского тракта. Такие останки называли «подснежниками» и узнавали в них местных воров, преимущественно конокрадов. По словам П. М. Бутовского, дела о самочинных расправах было «нельзя читать без содрогания». Одного вора крестьяне замучили насмерть, избивая, «раскрывая ему рот дегтярной мазилкой» и засыпая в него сухой горох, другого толпа приперла баграми к стене и «заколотила до смерти». В 1891 г. Тобольским губернским судом разбиралось дело об убийстве крестьянина В. Смирнова, которого односельчане подозревали в краже

¹ Ядринцев Н. М. Положение ссыльных в Сибири // Вестник Европы. 1875. № 12. С. 539.

² Громов Н. А. О возможности введения суда присяжных в Томской губернии // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 10. С. 144.

³ ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 3-3 об.

⁴ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 125.

⁵ Москвич В. Указ. соч. С. 47.

мельничного камня, и, хотя тот с соучастниками без всякого сопротивления направлялся к старосте, чтобы дать показания, его «буквально как собаку забили палками до смерти», избивали «пока не устали», били «уже недвижимого»¹.

Сибирские чиновники, не желая мириться с таким положением дел, считали сохранение в руках полиции обязанностей проведения досудебных следствий неприемлемым и выступали за передачу этих функций судебным следователям. К. Б. Газенвинкель и З. Н. Геращенко, сразу после реформы 1885 г. заявив о том, что полицейское следствие «гибельно» отражается на отправлении правосудия, предложили изъять расследование преступлений из рук чинов полиции². «Дальнейшее оставление следственной части в тех условиях, в которых она находится в настоящее время, должно быть приравнено к отказу от правосудия», — писал в отчете П. М. Бутовский³.

Самое бедственное состояние западносибирских органов расследования преступлений, прежде всего следственной полиции Тобольской губернии, заставило значительно увеличить число судебных следователей и товарищей прокурора в 1892–1894 гг.⁴. При обсуждении штатных изменений в Государственном совете констатировалось очевидное: «Производство следствий велось в Тобольской губернии крайне медленно, нередко в течение многих лет, что к расследованию самых тяжких преступлений часто приступали только тогда, когда следы преступления успели уже давно изгладиться, и изобличение виновных представлялось невозможным, и что само делопроизводство по следственным делам сопровождалось многочисленными упущениями. Последствием же сего являлось отсутствие безопасности и спокойствия, безнаказанность преступников и постоянное возрастание числа преступлений». Признавалось, что «личный состав следственной части в названной губернии оказывался, однако совершенно

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 18 об.–19.

² Там же. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 6 об.

³ Там же. Ф. 152. Оп. 37. Д. 875. Л. 19.

⁴ Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. Т. 2. СПб., 1894. С. 420–421; ПСЗ-III. Т. 13. № 10006.

не соответствующим значительному числу возникающих в ней уголовных дел, вследствие чего часть эта находилась там далеко не в том положении, которое необходимо для правильного отправления правосудия»¹.

Но эти меры Н. В. Муравьев считал недостаточными: они не привели «к существенному улучшению дела»². По мнению С. Г. Коваленского, указанные мероприятия имели значение «лишь в смысле спасения» судебной организации «от окончательной гибели». Но нельзя игнорировать тот факт, что с формальной точки зрения деятельность следственной части усовершенствовалась. В 1894 г. общее количество неоконченных следствий доводилось до нормы³. Позитивность результатов от увеличения числа сотрудников юстиции отмечал и Н. М. Богданович. В октябре 1894 г. он писал: «Скорость производства следствий измеряется ныне уже не годами, как прежде, а месяцами и неделями, значение и сила уголовной репрессии значительно увеличилась»⁴.

Между тем улучшение показателей деятельности следственного аппарата Тобольской губернии во многом было связано с удачным стечением обстоятельств. В 1893–1894 гг. наблюдалось понижение уровня преступности. В 1893 г. увеличивался штат чиновников по крестьянским делам и расширялся круг их действий⁵. Кроме того, пришлось предельно мобилизовать усилия чиновников полиции, направив их деятельность на проведение расследований. Н. М. Богданович считал ценой исправления состояния досудебного следствия «лихорадочное напряжение сил всех деятелей по следственной части», сознательное «пренебрежение другими, часто административными, обязанностями чинов полиции». Вместе с тем губернатор был убежден в невозможности

¹ Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1893–1894 гг. Т. 2. С. 418–419.

² Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. С. 9; РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 3.

³ ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 4.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 239. Л. 2 об.

⁵ ГАТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 566. Л. 3 об.

долгое время сосредоточивать усилия полицейских чиновников на расследовании преступлений, предполагая, что их успехи «заменяются новым упадком»¹.

«При неудовлетворительном состоянии следственной части не может быть и правильного отправления правосудия»², — так считали представители сибирской общественности. Реформа на основе Судебных уставов реализовала в Сибири принцип разделения властей и избавила предварительное следствие от полицейского содействия, что представлялось современникам даже «коренным переворотом»³. Изменился баланс сил на региональном властном поле. Независимая и авторитетная система правосудия, укомплектованная высококвалифицированными кадрами, в определенном смысле возвысилась над полицией, за которой в судебном ведомстве оставались обязанности сугубо организационного характера.

Закон от 13 мая 1896 г. возлагал разграничение мировых участков и составление списков почетных мировых судей на Особые губернские и областные комитеты во главе с губернаторами, следовательно, на полицию. Выполнение этих чрезвычайно важных функций требовало ответственности, компетентности и осложнялось ограничениями сибирской судебной реформы. Явно недостаточный штат мировой юстиции и ее многофункциональность толкали на разные ухищрения, чтобы как можно рациональней разделить губернии на судебнo-следственные участки. В связи с этим полицейским чиновникам приходилось следовать чрезвычайно двойственным и трудновыполнимым директивам. Так, в Тобольской губернии им рекомендовалось «избегать учреждения слишком больших участков, поставив обширность участков в известное соотношение к числу возникающих дел, то есть, чем больше количество дел, тем меньше должна быть величина участка. Независимо от сего, невозможно также включать в один участок местности, отделяемые одна от другой большими реками, горами, тайгой и другими естественными преградами, так как

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 250. Л. 2–3 об.

² Сибирский вестник. 1892. 13 нояб.

³ Вейсман Р. Л. Заметки о судебной реформе в Сибири.

в противном случае, даже при малом количестве дел и не особенно обширных участках, судьи будут лишены возможности исполнять надлежащим образом свои обязанности»¹.

Окружные исправники — главные исполнители данных поручений регионального руководства, таким образом, ставились в затруднительное положение, поскольку условия далеко не всегда позволяли удовлетворить указанным требованиям. Некоторые чиновники пытались сигнализировать о противоречивости заданий: ялutorовский исправник докладывал Л. М. Князеву, что разделение вверенного ему округа на три участка «представлялось крайне затруднительным». В интересах правосудия, по его мнению, округ нуждался в пяти участках. Следовательно, мировым судьям были уготованы перегрузки: в Тобольской губернии мировые участки наделили так, что в одном из них ежегодно возникало до 1400 дел мировой подсудности, а в другом — до 170 следственных дел, т. е. вдвое больше предусмотренных предельных норм². В Томской губернии, вообще, случались недоразумения: как выяснилось, лишь после начала работы новых судов в 1897 г. станица Верх-Алейская Змеиногорского округа с населением 2706 жителей и несколько инородных местностей Каинского округа оказались не отнесенными ни к одному судебносудебному участку³; в 1910 г. во время учреждения Барнаульского окружного суда обнаружили две волости, не получившие места ни в каком судебном округе⁴.

Не всегда относившиеся к делу ответственно, полицейские служащие не сумели должным образом справиться с составлением списков почетных мировых судей. На неудовлетворительность списочных материалов указывал Л. М. Князев, замечавший ошибки в сведениях о претендентах на почетное судейское место⁵. Притом полицейские чины, похоже, не понимали назначения судебной службы. Так, в 1909 г. в список кандидатов по Ишимскому

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 861. Л. 1–2.

² Там же. Л. 173 об., 207, 369.

³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 5. Л. 114, 118, 127, 129–129 об.

⁴ Утро Сибири. 1911. 16 дек.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 876. Л. 1.

уезду включались сразу пять участковых мировых судей, в силу должностных обязанностей, уже служивших Фемиде¹.

С введением в 1909 г. суда присяжных председателями комиссий по составлению списков призванных «присяжничать» являлись здешние участковые мировые судьи, но информация о местном населении им доставлялась другими ведомствами. И без того многотрудное и плохо обустроенное занятие (тогда «неудовлетворительность существующей организации составления списков» признавалась в России «общепризнанной», а «порядок комплектования присяжных заседателей — Ахиллесовой пятой в организации нашего суда представителей общественной совести»²) по причине безответственности сибирской полиции еще более усложнялось. Новые обязанности представлялись ее сотрудникам ненужной заботой, никак не связанной с основной деятельностью. Качество их работы в указанном направлении вызвало серьезную критику, накаляя отношения между юстицией и администрацией, приводя к межведомственным конфликтам. Например, 13 июня 1912 г. один из мировых судей Тарского уезда обратился в Тобольский окружной суд и к А. А. Станкевичу с жалобой на халатность чиновников, в обязанность которых входил сбор сведений о присяжных заседателях. Сформированные ими списки поступали в таком небрежном виде и с такими отступлениями от законодательства, что судья либо вынуждался сам их перепроверять, либо отсылать обратно на доработку. «Такое отношение чинов Министерства внутренних дел к исполнению своих служебных обязанностей по составлению общих списков присяжных заседателей делает обязанности председателя комиссии по составлению списков присяжных заседателей очень хлопотливыми и отнимающими много времени — необходимо вести излишнюю переписку, разъяснять статьи закона и указывать их, и т. д.», — негодовал судья, а губернатор объявил тарским чиновникам выговор³.

¹ ГАТ. Ф. 152. Оп. 37. Д. 903. Л. 20 об.-27.

² См.: Трегубов С. Н. Составление списков присяжных заседателей // Вестник права. 1904. № 10. С. 50, 58.

³ ГАТ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 343. Л. 4, 8.

В целом качество списков, которые составлялись полицейскими чиновниками, было невысоким: местные комиссии, рассматривавшие их, по мнению известного общественного деятеля Тобольской губернии В. Костюрина, «оказались далеко не на высоте порученной им задачи»¹. К мировому судье Томского уезда, ответственному за составление перечней присяжных заседателей, таковые постоянно поступали от полицейских чинов «без надлежащей проверки»; в них включались лица, которых разыскать не представлялось возможным, или неизлечимо больные, либо не имеющие права «присяжничать» «по старости или по малолетству, или были под судом». Особенные претензии вызвала работа новониколаевского полицмейстера, ставившего под угрозу всю деятельность местного суда присяжных. В одном случае он обязывался мировым судьей разослать извещения 47 присяжным заседателям о приглашении на судебное заседание, но из них 15 оказались не выданными, большинство предназначались лицам, якобы в Новониколаевске не проживающим, умершему и т. д. Намеченное заседание, таким образом, сорвалось².

Полиция Западной Сибири, призванная после реформы 1897 г. оказывать содействие судебному ведомству, не располагала для этого необходимыми ресурсами. Низкие профессиональные качества, порой, дилетантизм полицейских чиновников, недобросовестное отношение к второстепенным для них обязанностям, превращали помощь юстиции в обременительную повинность, отвлекая от собственных дел, что в конечном итоге негативным образом отражалось на организации системы правосудия.

В дореформенный период участие полиции в отправлении правосудия являлось естественным и определялось характерным для эпохи пониманием роли и места суда в государстве и обществе. Его подчиненность и приниженное положение личности

¹ Костюрин В. К вопросу о суде присяжных в Сибири // Сибирский листок. 1909. 11 янв.

² ГАТО. Ф. 233. Оп. 2. Д. 3249. Л. 42–42 об.

позволяли не задумываться о справедливости судопроизводства. Либеральные преобразования сформировали новый взгляд на уголовный процесс, и он изменил назначение: справедливое решение дела с учетом свобод подсудимого потребовало независимости судебной власти и ее беспристрастия. Полицейское следствие теперь не соответствовало времени и, в сибирских условиях более медленно, отмирало, а за полицией оставались в юстиции лишь вспомогательные функции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие имперской судебной системы Западной Сибири в XIX — начале XX столетия прошло несколько этапов, на каждом из которых правосудие представляло собой формы, различавшиеся организацией, положением в структуре власти и потенциалом. Упорядочение учреждений М. М. Сперанским привело к созданию в зауральской провинции относительно стройной, по сравнению с остальной Россией, юстиции¹, но по-прежнему не претендовавшей на самостоятельность, обладавшей небольшими материальными и людскими ресурсами, в конце концов, не способной обеспечить решение даже тех скромных задач, какие ставились государством. Подчиненность администрации и зависимость от правоохранительных органов, господство канцелярской тайны, формализм и другие свойства процесса, недоступность суда и чиновников для людей, низкая квалификация служащих — все вместе в целом соответствовало порядкам бюрократической структуры царизма: она была несовершенной и не умела улучшаться, предназначалась опекать подданных и препятствовала общественным инициативам.

Отношения государственного аппарата, суда и населения, существовавшие в определенном отрыве друг от друга, строились на началах, свойственных традиционному обществу и мало привлекавших взаимную пользу. Деятельность дореформенных судебных органов Западной Сибири обуславливалась и характеризовалась дефицитом денежных средств, волокитой, беспорядками в делопроизводстве, множественными служебными упушениями и злоупотреблением персонала. Сам суд не был устроен так, чтобы стремиться доставить судебные милости и «правду» сибирским

¹ Административно-судебная модель, примененная в Сибири М. М. Сперанским, служила даже примером для последующих царских реформаторов. Так, в Комитете 6 декабря 1826 г. предлагалось распространить некоторые черты сибирской системы на остальную Россию. См.: Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 90. СПб., 1894. С. 226.

подданным, а те, в свою очередь, понимая это, не спешили обращаться за помощью в судебное ведомство.

Администрация и правоохранительные учреждения, осуществлявшие в сфере юстиции ревизию, надзор и расследование преступлений, обладали незначительными для этого силами. Участие полиции в судопроизводстве нередко только усугубляло проблемы правосудия, компрометируя его и делая зачастую недостижимым для сибиряков. В руках полицейского служащего производство о проступке или преступлении могло приобрести любой оборот, чем работник полиции порой позволял себе безгранично пользоваться не в самых благовидных целях. Генерал-губернаторы и губернаторы, в случае занятия должностей ответственными и деятельными чиновниками, хотя и пытались способствовать совершенствованию судебных мест, но в рамках дореформенного строя такие порывы были недостаточно результативными. Ревизии опирались на формальные предписания и не содействовали улучшениям, поскольку их запас мог черпаться только из уже использованных и мало восполняемых резервуаров средств государственной системы. Неудивительно, что вскрывавшиеся недостатки не исправлялись, а в материалах проверок трудно обнаружить стремления выяснить, насколько правильно решались дела — главное заключалось в ускорении их движения. Надзор принадлежал прокуратуре, но ее место и роль в судебной сфере не имели четкого определения, она была ограничена в возможностях, зачастую состояла из лиц с сомнительными качествами, иногда имевшими слабое представление о законах.

Процессы модернизации середины XIX в. привели к наполнению арсенала преобразований Александра II либеральными идеями и определили такое содержание судебной реформы 1864 г., каким царизм подталкивался к наложению фундаментальных ограничений на свои автократические полномочия. В ходе тех эпохальных изменений создавались «необходимые условия для внедрения законности в систему управления»¹; юстиция теперь уже строилась в соответствии с «требованиями,

¹ Уортман Р. С. Указ. соч. С. 454.

которые предъявляются к суду в правовом государстве»¹. С другой стороны, реформирование развернуло юстицию «лицом к людям», поставило ее на службу обществу и сделало необходимым задействовать в отправлении правосудия социальные ресурсы; к тому же потребность поддержания авторитета и престижности судейской службы заставляла изыскивать внушительные денежные средства на содержание суда. Таким образом, Судебные уставы, первоначально намеченные к распространению на всю империю, основывая судопроизводство на принципах независимости и гласности, увеличивая его стоимость, привлекая к участию в нем население, устанавливали прямую зависимость реформы от политической ситуации, состояния финансов и уровня развития социальных отношений.

Вместе с остальной страной ускорились темпы развития Сибири и здесь появлялись управленцы, которым были близки мысли о желательности правовых гарантий для российских подданных² и необходимости переустройства края, в том числе его системы правосудия. Однако на пути интеграции региона в общероссийские судебные порядки встречались существенные препятствия. К политической ненадежности провинции и ограниченности ресурсов местного социума в качестве таковых добавлялись традиции колониализма и особенные географические условия. Самодержавие, когда для себя определяло баланс цены и ценности какой-то окраины, в случае с самой дальней из них явно скупилось. В результате край, по мнению современных исследователей, получал меньше, чем отдавал, притом «получал не то, что хотело население региона, а то, что предлагали Петербург и Москва»³, и нужды сибиряков удовлетворялись мало, если они не соответ-

¹ Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) // Вехи; Интеллигенция в России: Сборник статей. 1909–1910. М., 1991. С. 130.

² К примеру, после губернаторства в Сибири В. А. Арцимович рассуждал: «Спокойствие народа только тогда надежно, когда оно есть плод удовлетворения законных потребностей и всеобщего довольства». См.: Записка В. А. Арцимовича о предполагаемом учреждении генерал-губернаторств. (1858 год) // Лемке М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам с портретами. СПб., 1908. С. 467.

³ Зиновьев В. П. Указ. соч. С. 97.

ствовали интересам государства или российских предпринимателей¹. Привычка метрополии «приберегать» лучшее замедляла процессы реформирования, продлевала жизнь устаревшим институтам и влияла на модификацию современных, что налагало отпечаток на устройство правительственных структур сибирского образца. Местные просторы и малолюдность² также служили поводом сначала откладывать реформирование, а затем отказываться от некоторых судебных начал и учреждений — край сделался чуть ли не важнейшей площадкой экспериментов Министерства юстиции над российским правосудием.

Сибирские судебные учреждения образца «переходного режима», показав малоуспешную деятельность в 1885–1897 гг., продемонстрировали несостоятельность совершенствования судоустройства и судопроизводства путем соединения дореформенных начал и положений Судебных уставов. Главные пороки юстиции не были искоренены, ее кадровый потенциал остался невысоким, материальное обеспечение — неудовлетворительным. Работа учреждений, осуществляющих надзор и судебное следствие, несмотря на реорганизацию, заслуживала серьезных нареканий. Становилось очевидным, что без коренных преобразований всей системы судоустройства и судопроизводства улучшений в области правосудия не добиться.

Введение уставов Александра II в Сибири предпринималось на пике инновационной активности Министерства юстиции и требовало особенной внимательности к разработке реформы. Специфика окраины заставляла вести поиск форм и средств адаптации к ней юстиции с учетом возможностей, условий, интересов одновременно центра и периферии, в балансе отношений которых те или иные обстоятельства могли иметь неодинаковое значение и воплощение. Примеряясь к окраинным условиям, приходилось

¹ Сибирь в составе Российской империи // отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007. С. 265.

² В 1914 г. доля сибирских жителей составляла всего 5.61% от российского населения при площади края в 57.41% от территории империи. См.: Saunders D. Regional diversity in the later Russian Empire // Transactions of the Royal Historical Society. 2000. Vol. 10. P. 145.

учитывать самые разнообразные факторы: состояние казны и различные свойства местного общества, уровень развития правосознания населения и путей сообщения, суровость окружающего мира и структуру региональной экономики, а также многое другое. Неизбежно следовало задумываться о трансформации требований к профессионализму судебных тружеников и повышении выносливости суда, искать способы на месте обеспечить его помещениями, имуществом, вспомогательным персоналом и т. д. Практика реформированной юстиции указывала на недалекость столичных чиновников, не сумевших разобраться с вызовами сибирской окраины. Деятельность судебных учреждений сопровождалась кризисными явлениями, говорившими о неспособности судов справляться с возложенными на них задачами. Исправление дефектов юстиции происходило медленно, не позволяя существенно улучшить положение правосудия, и свидетельствовало о низкой эффективности системы самодержавия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А. Х. Мировой судья в Сибири / А. Х. // Сибирские вопросы. — 1911. — № 5/6.
2. Административно-судебная система Восточной Сибири конца XIX — начала XX века в лицах и документах: Материалы к энциклопедии / сост. В. Г. Вишневский. — Иркутск, 2004.
3. Адоньева, И. Г. «Великая полуреформа»: преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX — начало XX в.) / И. Г. Адоньева. — Новосибирск, 2010.
4. Адрес-календарь Архангельской губернии на 1906 г. — Архангельск, 1906.
5. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1898 г. — Тюмень, 1898.
6. Адрианов, А. В. — Томская старина / А. В. Адрианов // Город Томск. — Томск, 1912.
7. Азиатская Россия. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. — СПб., 1914.
8. Альтшуллер, М. И. Земство в Сибири / М. И. Альтшуллер. — Томск, 1916.
9. Андриевич, В. К. Сибирь в XIX столетии. Ч. 2: Период с 1806 по 1819 г. / В. К. Андриевич. — СПб., 1889.
10. Андриянова, Д. В. Модели служебного мотивирования чиновников администрации и юстиции Сибири в конце XIX — начале XX в. / Д. В. Андриянова, Е. А. Крестьянников // Вопросы истории. — 2018. — № 3.
11. Анненский, Н. Ф. Хроника внутренней жизни. Судебная реформа в Сибири / Н. Ф. Анненский // Русское богатство. — 1896. — № 6.
12. Анучин, В. Н. Пасынки Фемиды / В. Н. Анучин // Сибирские вопросы. — 1909. — № 49/50, 51/52.
13. Арефьев, Н. За пределами Европейской России. I: В Сибири / Н. Арефьев // Северный вестник. — 1896. — № 1.
14. Арцимович (Виктор Антонович) // Энциклопедический словарь. Дополнительный том I. Аа–Вяхирь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1905.
15. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства / Я. И. Баршев. — СПб., 1841.
16. Берг, Д. Б. Дмитрий Александрович Ровинский. Из воспоминаний / Д. Б. Берг // Журнал Министерства юстиции. — 1895. — № 12.

17. Биографические очерки Владимира Новаковского. IV. Михаил Михайлович Сперанский. — СПб., 1868.
18. Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917). Т. 1: А–З / сост. Е. Л. Потемкин. — М., 2017.
19. «Близкое познание Сибири ныне необходимо». Доклад В. А. Арцимовича. — 1852 г. / сост. Н. Н. Александрова // Исторический архив. — 1996. — № 5/6.
20. Блинов, И. А. Губернаторы. Историко-юридический очерк / И. А. Блинов. — СПб., 1905.
21. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / Ф. Бродель. — М., 1986.
22. Бтикеева, М. А. Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв.: (По материалам округа Омской судебной палаты) / М. А. Бтикеева. — Омск, 2008.
23. Бузмакова, О. Г. Судебная власть в Сибири в конце XIX — начале XX в. / О. Г. Бузмакова. — Новосибирск, 2012.
24. Бычков, И. А. М. М. Сперанский генерал-губернатор в Сибири и возвращение его в Петербург (Из бумаг академика А. Ф. Бычкова) / И. А. Бычков // Русская старина. — 1902. — № 10.
25. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. — СПб., 1872.
26. В. Т. Отношение русского суда к государству и обществу / В. Т. — СПб., 1905.
27. Вагин, В. И. Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г.: в 2 т. / В. И. Вагин. — СПб., 1872.
28. Вагин, В. И. Мои воспоминания / В. И. Вагин // Мемуары сибиряков. XIX век. — Новосибирск, 2003.
29. Вейсман, Р. Л. Правовые запросы Сибири / Р. Л. Вейсман. — СПб., 1909.
30. Вейсман, Р. Л. Яркие недостатки сибирского суда / Р. Л. Вейсман // Сибирские вопросы. — 1908. — № 3/4.
31. Весь Томск. Адресно-справочная книжка на 1911–1912 гг. — Томск, 1911.
32. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника Ивана Ивановича Дмитриева. — М., 1866.
33. Виктор Антонович Арцимович // Кони, А. Ф. Отцы и дети судебной реформы (К пятидесятилетию Судебных уставов) / А. Ф. Кони. — СПб., 1914.
34. Виленский, Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России / Б. В. Виленский. — Саратов, 1969.

35. Внутреннее обозрение // Русская мысль. — 1896. — № 6.
36. Вологодский, П. В. Из истории вопроса о судебной реформе в Сибири / П. В. Вологодский // Русское богатство. — 1892. — № 12.
37. Володимиров, В. За месяц (юридическая хроника) / В. Володимиров // Журнал гражданского и уголовного права. — 1893. — № 3.
38. Воропанов, В. А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование / В. А. Воропанов. — Челябинск, 2011.
39. Воропанов, В. А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана) / В. А. Воропанов. — М., 2016.
40. Воропанов, В. А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа) / В. А. Воропанов. — Челябинск, 2008.
41. Воропанов, В. А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780–1869 гг. / В. А. Воропанов. — Челябинск, 2005.
42. Воспоминания М. Д. Францевой // Исторический вестник. — 1888. — № 6.
43. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1896 г. — СПб., 1897.
44. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1908 г. — СПб., 1909.
45. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1909 г. — СПб., 1910.
46. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1910 г. — СПб., 1911.
47. Всеподданнейший отчет министра юстиции за 1911 г. — СПб., 1912.
48. Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 2. Ч. 2: Общие вопросы судоустройства. — СПб., 1900.
49. Высочайший рескрипт, данный на имя министра юстиции, статс-секретаря, тайного советника Муравьева // Журнал Министерства юстиции. — 1899. — № 7.
50. Газенвинкель, К. Б. Инструкция чинам прокурорского надзора Тобольской губернии / К. Б. Газенвинкель. — Тобольск, 1887.
51. Газенвинкель, К. Б. Книги разрядные в официальных списках, как материал для истории Сибири XVII в. / К. Б. Газенвинкель. — Казань, 1892.
52. Газенвинкель, К. Б. Об условиях производства формальных следствий по закону 25 февраля 1885 г. / К. Б. Газенвинкель. — Тобольск, 1889.

53. Газенвинкель, К. Б. Обские пираты прошлого века / К. Б. Газенвинкель // Исторический вестник. — 1893. — № 8.
54. Газенвинкель, К. Б. Сборник действующих в Тобольской губернии узаконений и распоряжений по следственной части / К. Б. Газенвинкель. — Тобольск, 1888.
55. Газенвинкель, К. Б. Систематический перечень воевод, дьяков, письменных голов и подъячих с приписью в Сибирских городах и главнейших острогах с их основания до начала XVIII в. К истории Сибири XVII в. / К. Б. Газенвинкель. — Тобольск, 1892.
56. Геллертов, Н. П. Усиление следственной части в Тобольской губернии / Н. П. Геллертов // Журнал гражданского и уголовного права. — 1893. — № 7.
57. Герцен, А. И. Былое и думы. Т. 1 / А. И. Герцен. — Л., 1931.
58. Гессен, И. В. Судебная реформа / И. В. Гессен. — СПб., 1905.
59. Глазунов, Д. А. Деятельность судебных учреждений — Томской губернии (конец XIX — начало XX в.) / Д. А. Глазунов. — Барнаул, 2006.
60. Годичный акт в Императорском Томском университете 22 октября 1898 г. — Томск, 1899.
61. Головачев, П. М. Декабристы: 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени / П. М. Головачев. — М., [1906].
62. Головачев, П. М. Сибирь в екатерининской комиссии. Этюд по истории Сибири XVIII в. / П. М. Головачев. — М., 1889.
63. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1912 г. Сессия пятая. Ч. 4. Заседания 120–153 (с 30 апреля по 9 июня 1912 г.). — СПб., 1912.
64. Граф М. М. Сперанский в Тюмени // Русская старина. — 1896. — Т. 87.
65. Гредингер, Ф. И. Прокурорский надзор за пятьдесят лет, истекших со времени его преобразования по Судебным уставам императора Александра II / Ф. И. Гредингер // Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. — Т. 2. — Пг., 1914.
66. Гриценко, Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук / Н. В. Гриценко. — Омск, 2005.
67. Громов, Н. А. О возможности введения суда присяжных в Томской губернии / Н. А. Громов // Журнал Министерства юстиции. — 1897. — № 10.
68. Гурьев, Н. А. Сибирские чиновники былого времени / Н. А. Громов // Сибирский наблюдатель. — 1901. — № 6, 10.
69. Деревскова, В. М. Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в. / В. М. Деревскова. — Иркутск, 2004.

70. Дерюжинский, В. Ф. Судебные деятели об университетской подготовке молодых юристов / В. Ф. Дерюжинский // Журнал Министерства юстиции. — 1902. — № 7.
71. Джаншиев, Г. А. Основы судебной реформы: сборник статей / Г. А. Джаншиев. — М., 2004.
72. Джаншиев, Г. А. Эпоха великих реформ / Г. А. Джаншиев. — М., 1898.
73. Елизавета Фролова-Багреева // Мордовцев, Д. Русские женщины Нового времени. Биографические очерки из русской истории. Женщины XIX в. / Д. Мордовцев. — СПб., 1874.
74. Ефремова, Н. Н. Министерство юстиции Российской империи в 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование / Н. Н. Ефремова. — М., 1983.
75. Журналы комитета, утвержденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. — Т. 74. — СПб., 1891.
76. Зайончковский, П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — М., 1978.
77. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. — М., 1970.
78. Заметки и воспоминания В. М. Флоринского // Русская старина. — 1906. — № 4.
79. Заметки о судопроизводстве и судоустройстве // Сибирский наблюдатель. — 1902. — № 3.
80. Заметки. Z. По поводу жалоб на кавказские суды // Журнал гражданского и уголовного права. — 1884. — № 10.
81. Замечания о применении к Сибири основных положений преобразования судебной части в России. — СПб., 1863.
82. Замечания о развитии основных положений преобразования судебной части в России. Ч. 4. — СПб., 1863.
83. Замещение должностей в новых судебных учреждениях Сибири // Журнал Министерства юстиции. — 1897. — № 4.
84. Записка В. А. Арцимовича о предполагаемом учреждении генерал-губернаторств. (1858 год) // Лемке, М. К. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». По неизданным документам с портретами / М. К. Лемке. — СПб., 1908.
85. Записки генерала Ивана Степановича Жиркевича // Русская старина. — 1890. — № 8.
86. Зиновьев, В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX — начало XX в. / В. П. Зиновьев. — Томск, 2009.

87. Иванюков, И. И. Очерки провинциальной жизни / И. И. Иванюков // Русская мысль. — 1896. — № 6.
88. Игнатьева, М. Н. Управление и суд в Сибири во второй половине XIX в. / М. Н. Игнатьева. — Якутск, 1995.
89. Из писем В. А. Арцимовича. I. Генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорду // Арцимович, В. А. Воспоминания. Характеристики / В. А. Арцимович. — СПб., 1904.
90. Из Сибири. (Отрывки из писем к издателю Колокола в 1862 г.) // Сибирь и русское правительство. Несколько объяснительных замечок и документов из прошедшего времени. — Лейпциг, 1878.
91. Инструкция состоящим по Томской губернии следователями как судебным, так и из чинов полиции. — Томск, 1886.
92. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. — СПб., 1902.
93. К. М. Современная жизнь Сибири и ее нужды / К. М. // Сибирский сборник. Научно-литературное периодическое издание под редакцией Н. М. Ядринцева. Приложение к «Восточному обозрению» 1886 г. — Кн. 2. — СПб., 1886.
94. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1 / К. П. — М.; Пг., 1923.
95. Казанцев, С. М. История царской прокуратуры / С. М. Казанцев. — СПб., 1993.
96. Квитка, М. По рекам Западной Сибири. (Из впечатлений поверхностного туриста) / М. Квитка // Дорожник по Сибири и Азиатской России. — 1900. — № 4.
97. Кеннан, Г. Сибирь! / Г. Кеннан. — СПб., 1906.
98. Киевский, И. Из памятной книжки сибирского судьи / И. Киевский // Сибирские отголоски. 1906. — № 8.
99. Кистяковский, Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) / Б. А. Кистяковский // Вехи; Интеллигенция в России: сборник статей. 1909–1910. — М., 1991.
100. Кони, А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Кони А. Ф. Собрание сочинений. — Т. 2. — М., 1966.
101. Кони, А. Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля / А. Ф. Кони // Русская старина. — 1914. — № 1.
102. Кони, А. Ф. К. К. Грот и В. А. Арцимович / А. Ф. Кони // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. — Т. 5. — М., 1911.
103. Кони, А. Ф. Новые меха и новое вино / А. Ф. Кони // Кони, А. Ф. Собрание сочинений / А. Ф. Кони. — Т. 4. — М., 1967.
104. Кони, А. Ф. Приемы и задачи прокуратуры. (Из воспоминаний судебного деятеля) / А. Ф. Кони // Кони, А. Ф. Собрание сочинений / А. Ф. Кони. — Т. 4. — М., 1967.

105. Кони, А. Ф. Судебная реформа и суд присяжных / А. Ф. Кони // Кони, А. Ф. Собрание сочинений / А. Ф. Кони. — Т. 4. — М., 1967.
106. Коркунов, Н. М. М. А. Балугьянский. Проект судебного устройства 1828 г. / Н. М. Коркунов // Журнал Министерства юстиции. — 1895. — № 8.
107. Коркунов, Н. М. Юридическая хроника / Н. М. Коркунов // Журнал гражданского и уголовного права. — 1879. — Кн. 2.
108. Корнилов, А. Вопрос о введении земства в Сибири до высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. / А. Корнилов // Сборник о земстве в Сибири: Материалы по разработке вопроса на местах и в законодательных учреждениях. — СПб., 1912.
109. Корнилов, А. М. Замечания о Сибири. Сенатора Корнилова / А. М. Корнилов. — СПб., 1828.
110. Корф, М. А. Дневники 1838 и 1839 гг. / М. А. Корф. — М., 2010.
111. Корф, М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2 / М. А. Корф. — СПб., 1861.
112. Красовский, А. Следственная часть в Закавказском крае / А. Красовский // Журнал гражданского и уголовного права. — 1885. — № 9.
113. Крестьянников, Е. А. Суд присяжных в дореволюционной Сибири / Е. А. Крестьянников // Отечественная история. 2008. — № 4.
114. Крестьянников, Е. А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири / Е. А. Крестьянников. — Тюмень, 2009.
115. Кропоткин, П. А. Тюрьмы, ссылка и каторга в России / П. А. Кропоткин. — СПб., 1906.
116. Курас, Л. В. Иркутская Судебная палата (1897 — февраль 1917 гг.) / Л. В. Курас, Т. Л. Курас, Н. Н. Щербаков. — Улан-Удэ, 2003.
117. Л. К. Очерки сибирской жизни / Л. К. // Сибирские вопросы. — 1909. — № 49/50.
118. Ла-н М. А. Курьезы сибирской старины. (Из архивных дел и рассказов старожилов) / М. А. Ла-н // Сибирский наблюдатель. 1902. — № 12.
119. Литвак, Б. Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива / Б. Г. Литвак. — М., 1991.
120. Литовцин, А. Сибирские нравы и преступления / А. Литовцин // Сибирские вопросы. — 1909. — № 43.
121. Ляхович, Е. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России / Е. С. Ляхович, А. С. Ревушкин. — Томск, 1998.
122. Маковецкий, П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1: Материальное право / П. Е. Маковецкий. — Омск, 1886.
123. Маковецкий, П. Е. Юрта (летнее жилище киргиз) / П. Е. Маковецкий // Записки Западносибирского отдела Императорского русского

- географического общества / П. Е. Маковецкий. — Омск, 1899. — Кн. 16, вып. 2/3.
124. Марков, П. О прокурорском надзоре в гражданских делах / П. Марков // Журнал Министерства юстиции. — 1864. — № 6.
125. Материалы, касающиеся последствий ревизии управления Западной Сибири, 1851 г. // Прутченко, С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения / С. М. Прутченко. — СПб., 1899.
126. Мейер, Д. И. О значении практики в системе современного юридического образования / Д. И. Мейер. — Казань, 1855.
127. Минаева, Н. В. М. М. Сперанский в воспоминаниях современников: Конец XVIII — первая половина XIX вв. / Н. В. Минаева. — М., 2009.
128. Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России. — М., 2007.
129. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк. — СПб., 1902.
130. Москвич, В. Погибшие и погибающие. Отбросы России на сибирской почве / В. Москвич // Русское богатство. — 1895. — № 7.
131. Муравьев, Н. В. Из прошлой деятельности: в 2 т. / Н. В. Муравьев. — СПб., 1900.
132. Муравьев, Н. В. Последние речи. 1900–1902 гг. / Н. В. Муравьев. — СПб., 1903.
133. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности / Н. В. Муравьев. — Т. 1. — М., 1889.
134. Нелидов, О. О необходимости приобретения обществом юридических и политических сведений / О. Нелидов // Юридический журнал. — 1860. — № 1.
135. Непомнящий, И. Сибирь и сибирские губернаторы / И. Непомнящий // Сибирские вопросы. — 1911. — № 45/46.
136. Нечто или взгляд на Тобольск. Письмо институтки из Т... — М., 1847.
137. Нольде, А. Э. М. М. Сперанский. Биография / А. Э. Нольде. — М., 2004.
138. О. Б. А. Хроника внутренней жизни / О. Б. // Русское богатство. — 1897. — № 7.
139. Обозрение главных оснований местного управления Сибири. — СПб., 1841.
140. Общий обзор деятельности Министерства юстиции и Правительствующего Сената за царствование императора Александра III. — СПб., 1901.
141. Одна из предсмертных записок Павла Григорьевича фон Дервиза. 1881 г. // Русская старина. — 1885. — № 6.

142. Описание помещений судебных палат и окружных судов. — СПб., 1913.
143. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.). — Тюмень, 1995.
144. Орлов, А. О современном юридическом образовании в России / А. Орлов // Современник. — 1850. — № 5.
145. Орлов, А. И. Мысли об учреждении в Тобольске юридического общества / А. И. Орлов // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус. Антология Тобольской журналистики конца XIX — начала XX вв. — Тюмень, 2004.
146. Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1910 г. — Томск, 1911.
147. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1893-1894 гг. — СПб., 1894.
148. Отчет по делопроизводству Государственного совета за сессию 1895-1896 гг. — СПб., 1896.
149. Отчет тайного советника Сперанского в обозрении Сибири с предварительными сведениями и основаниями к образованию ее управления // Прутченко, С. М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки. Приложения / С. М. Прутченко. — СПб., 1899.
150. Очерк деятельности высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части // Журнал Министерства юстиции. — 1895. — № 6.
151. Очерки, рассказы и воспоминания Э... ва [Э. Стогова] // Русская старина. — 1878. — Т. 23.
152. Памятная книжка Западносибирского учебного округа, заключающая в себе список учебных заведений, с указанием времени открытия, источников содержания, числа учащихся и личного состава служащих на 1909 г. — Томск, 1909.
153. Памятная книжка Императорского училища правоведения на учебный 1915-1916 г. — Пг., 1915.
154. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. — Тобольск, 1884.
155. Первый сибирский университет // Вестник Европы. — 1879. — № 11.
156. Переписка А. Н. Муравьева // Выдающиеся губернаторы тобольские и сибирские. — Тюмень, 2000.
157. Петр Павлович Ершов, автор сказки Конек-горбунок. Биографические воспоминания университетского товарища его, А. К. Ярославцова. — СПб., 1872.

158. Петров, М. Западная Сибирь. Губернии Тобольская и Томская / М. Петров. — М., 1908.
159. Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). — М., 1869.
160. Плотников, М. Хроника внутренней жизни / М. Плотников // Русское богатство. — 1898. — № 2.
161. Потанин, Г. Н. Нужды Сибири / Г. Н. Потанин // Сибирь, ее современное состояние и нужды. — СПб., 1908.
162. Представление государю императору высших чинов судебных установлений Сибири // Журнал Министерства юстиции. — 1897. — № 3.
163. Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. — Вып. 30. — Пг., 1916.
164. Приложение к сборнику статистических сведений Министерства юстиции за 1904 г. — Вып. 20. — СПб., 1906.
165. Протокол заседания уголовного отделения 27 декабря 1908 г. Доклад И. А. Малиновского «Кровавая месть и смертная казнь» // Труды юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. — Т. 1 (1908-1909 г.). — СПб., 1910.
166. Рассуждения неизвестного (статс-секретаря М. А. Балугьянского) об учреждении губерний с тремя приложениями // Сборник Императорского исторического общества. — Т. 90. — СПб., 1894.
167. Растягаева, Г. Л. Чиновничий аппарат Главного управления Западной Сибири (1822-1882 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Г. Л. Растягаева. — Омск, 2006.
168. Редкин, П. Какое общее образование требуется современностью от русского правоведа? Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского университета / П. Редкин. — М., 1846.
169. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. — Омск, 1995.
170. Ремнев, А. В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. В. Ремнев. — М., 2010.
171. Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. — 1909. — № 48.
172. Речи сибирских депутатов в Государственной думе // Сибирские вопросы. — 1909. — № 45.
173. Речь председателя Томского окружного суда при открытии сего суда // Журнал Министерства юстиции. — 1897. — № 8.
174. Розин, Н. Н. О суде присяжных / Н. Н. Розин. — Томск, 1901.
175. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство / Н. Н. Розин. — Пг., 1916.

176. С. П. Некоторые итоги Томского университета по данным отчетов за 15 лет / С. П. // Сибирский наблюдатель. — 1905. — № 6.
177. Сапожников, В. В. Императорский Томский университет / В. В. Сапожников // Город Томск. Отд. 2. — Томск, 1912.
178. Саражина, Р. Г. Судебная система в Западной Сибири в имперской политике в конце XVIII — середине XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Р. Г. Саражина. — Омск, 2011.
179. Саранчов, Д. Прокурорский надзор и его отношения к магистратуре / Д. Саранчов // Журнал гражданского и уголовного права. — 1882. — Кн. 4.
180. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. 1: Всеподданнейшие отчеты командующего войсками Восточного сибирского округа и бумаги по общим вопросам управления гражданского и военного. — Вып. 1. — Иркутск, 1884.
181. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1889 г. — Вып. 5. — СПб., 1890.
182. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1897 г. — Вып. 13. — СПб., 1899.
183. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. — Вып. 17. — Ч. 1. — СПб., 1903.
184. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1901 г. — Вып. 17. — Ч. 2. — СПб., 1903.
185. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1908 г. — Вып. 24. — Ч. 2. — СПб., 1910.
186. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1909 г. — Вып. 25. — СПб., 1911.
187. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1910 г. — Вып. 26. — СПб., 1911.
188. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1911 г. — Вып. 27. — СПб., 1912.
189. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1912 г. — Вып. 28. — СПб., 1913.
190. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1914 г. — Вып. 30. — Пг., 1916.
191. Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии (с 15 февраля 1863 г. по 27 января 1867 г.). — Тобольск, 1867.
192. Сведения о деятельности Благотворительного общества судебного ведомства // Журнал Министерства юстиции. — 1897. — № 1.
193. Севостьянов, В. Заметка о сибирских присяжных заседателях / В. Севостьянов // Сибирские вопросы. — 1911. — № 4.

194. Селиванов, Н. Прокуратура за двадцать пять лет / Н. Селиванов // Журнал гражданского и уголовного права. — 1889. — № 9.
195. Середонин, С. М. Граф М. М. Сперанский. Очерк государственной деятельности / С. М. Середонин. — СПб., 1909.
196. Середонин, С. М. М. М. Сперанский / С. М. Середонин // Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. — Т. 25. — СПб., 1910.
197. Серов, Д. О. Судебная реформа Петра I: историко-правовое исследование / Д. О. Серов. — М., 2009.
198. Сесюнина, М. Г. Потанин Г. Н. и Н. М. Ядринцев — идеологи сибирского областничества / М. Г. Сесюнина. — Томск, 1974.
199. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы / под ред. В. В. Коновалова. — Тюмень, 2000.
200. Сибирский торгово-промышленный календарь на 1911 г. — СПб., 1911.
201. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. — М., 2007.
202. «Сибирь должна возродиться, должна воспрянуть снова». Письма М. М. Сперанского. 1819–1821 гг. / сост. Т. В. Андреева // Исторический архив. — 2006. — № 5.
203. Сибиряк. Забытый сибирский деятель (биографическая заметка) // Дорожник по Сибири и Азиатской России. — 1900. — № 2.
204. Ск-ев [Скропышев Я. С.]. Тобольская губерния в пятидесятых годах. Материалы для биографии Виктора Антоновича Арцимовича за время управления его Тобольской губернией (1854–1858 гг.) // Вестник Европы. — 1897. — № 11.
205. Слобцов, П. А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. / П. А. Слобцов. — М., 1834.
206. Соображения о применении к Западной Сибири основных положений преобразования судебной части в России. — СПб., 1863.
207. Соображения особого отдела комиссии, высочайше утвержденной для работы по преобразованию судебной части, по предложениям главных местных начальств и должностных и частных лиц сибирского края о применении высочайше утвержденных 29 сентября 1862 г. основных положений преобразования судебной части к Сибири. — СПб., 1867.
208. Спасович, В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. Публичная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете. (Сентябрь и октябрь

- 1860 г.) / В. Д. Спасович // Сочинения В. Д. Спасовича. Т. 3: Статьи, диссертации, лекции юридического содержания. — СПб., 1890.
209. Сперанский, М. М. Юридические произведения / М. М. Сперанский; под ред. и с биографией В. А. Томсинова. — М., 2008.
210. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. — СПб., 1900.
211. Стаматов, П. Судебные следователи и участковые судьи / П. Стаматов // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. — 1897. — № 8.
212. Статистический обзор Тобольской губернии за 1897 г. — Тобольск, 1898.
213. Судебная реформа в Сибири // Журнал Министерства юстиции. — 1896. — № 6.
214. Судебная реформа: в 2 т. / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. — М., 1915.
215. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. — Ч. 2, 3. — СПб., 1867.
216. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет: в 2 т. — Пг., 1914.
217. Тарановски, Т. Судебная реформа и развитие политической культуры царской России / Т. Тарановски // Великие реформы в России. 1856–1874. — М., 1992.
218. Тобольский биографический словарь. — Екатеринбург, 2004.
219. Томсинов, В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX в. / В. А. Томсинов. — М., 2010.
220. Трегубов, С. Н. Составление списков присяжных заседателей / С. Н. Трегубов // Вестник права. — 1904. — № 10.
221. Указы и приказы Временного правительства // Журнал Министерства юстиции. — 1917. — № 4.
222. Уманец, Ф. М. Александр и Сперанский. Историческая монография / Ф. М. Уманец. — СПб., 1910.
223. Уортман, Р. С. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Р. С. Уортман. — М., 2004.
224. Фоминых, С. Ф. Роль Императорского Томского университета в развитии образования и науки (1888–1917 гг.) / С. Ф. Фоминых // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2000. — Вып. 4 (20). Сер.: Гуманитарные науки (спецвыпуск).

225. Фоминых, С. Ф. Томский период деятельности профессора русского права И. А. Малиновского / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов // Вестник Томского государственного университета. История. — 2012. — № 4.
226. Фукс, В. Я. Опыт физиологии уездного чиновника / В. Я. Фукс // Современник. — 1859. — № 12.
227. Хроника // Журнал Министерства юстиции. — 1897. — № 6.
228. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. — 1898. — № 8.
229. Черепанов, С. Отрывки из воспоминаний сибирского казака / С. Черепанов // Древняя и новая Россия. — 1876. — № 6.
230. Чубинский, М. П. Судьба судебной реформы в последней трети XIX в. / М. П. Чубинский // История России в XIX в. — Т. 6. — СПб., 1909.
231. Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д. Н. Бантыш-Каменского. 1825–1834 гг. // Русская старина. — 1873. — № 6.
232. Шиловский, Д. М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. М. Шиловский. — Новосибирск, 2002.
233. Шиловский, М. В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарии, интерпретация / М. В. Шиловский. — Томск, 2010.
234. Шильдер, Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование / Н. К. Шильдер. — Т. 4. — СПб., 1898.
235. Штейн, В. Бантыш-Каменский Д. Н. / В. Штейн // Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова. — Т. 2. — СПб., 1900.
236. Штектардт, Р. А. Юридическая пропедевтика / Р. А. Штектардт. — СПб., 1843.
237. Щегловитов, И. Г. Репрессия суда присяжных в России / И. Г. Щегловитов // Журнал гражданского и уголовного права. — 1893. — № 7.
238. Эйдельман, Н. Я. «Революция сверху» в России / Н. Я. Эйдельман. — М., 1989.
239. Элленбоген, А. Мировой суд в Архангельской губернии / А. Элленбоген // Журнал гражданского и уголовного права. — 1893. — № 8.
240. Ядринцев, Н. М. Положение ссыльных в Сибири / Н. М. Ядринцев // Вестник Европы. — 1875. — № 12.
241. Ядринцев, Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. — СПб., 1892.
242. Ядринцев, Н. М. Трехсотлетие Сибири 26 октября 1881 г. / Н. М. Ядринцев // Вестник Европы. — 1881. — № 12.
243. Ядринцев, Н. М. Чувства Сперанского к Сибири / Н. М. Ядринцев // Сборник газеты «Сибирь». — Т. 1. — СПб., 1876.

244. Яковлев, Я. А. Рассказы о Томской прокуратуре / Я. А. Яковлев, Ю. К. Рассамахин. — Т. 1. — Томск, 2004.
245. Якушкин, В. Сперанский и Аракчеев / В. Якушкин. — СПб., 1905.
246. Baberowski, J. Autokratie und justiz. Zum verhältnis von rechtsstaatlichkeit und rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914 / J. Baberowski. — Frankfurt am Main, 1996.
247. Baberowski, J. Law, the judicial system, and the legal profession // *The Cambridge History of Russia. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917* / Ed. Dominic Lieven. — Cambridge, 2006.
248. Krest'iannikov, E. A. Realizatsiia idei sud'i-sledovatel'ia v mirovoi iustitsii dorevoliutsionnoi Sibiri / E. A. Krest'iannikov // *Cahiers du Monde russe.* — 2017. — Vol. 58, № 4.
249. Kucherov, S. The legal profession in pre- and post-revolutionary Russia / S. Kucherov // *The American Journal of Comparative Law.* — 1956. — Vol. 5, № 3.
250. N. N. О некоторых сторонах нынешнего общественного быта русских коллегияльных судов и судей / N. N. // *Журнал гражданского и уголовного права.* — 1882. — Кн. 1.
251. Plank, T. E. The essential elements of judicial independence and the experience of pre-soviet Russia / T. E. Plank // *William and Mary Bill of Rights Journal.* — 1996. — Vol. 5, № 1.
252. Saunders, D. Regional diversity in the later Russian Empire / D. Saunders // *Transactions of the Royal Historical Society.* — 2000. — Vol. 10.
253. Taranovski, T. The aborted counter-reform: Murav'ev commission and the Judicial statutes of 1864 / T. Taranovski // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* — 1981. — Vol. 29, № 2.
254. Wagner, W. G. Tsarist legal policies at the end of the nineteenth century: a study in inconsistencies / W. G. Wagner // *The Slavonic and East European Review.* — 1976. — Vol. 54, № 3.

Научное издание

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович

ПРАВОСУДИЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(XIX — НАЧАЛО XX В.):
РЕФОРМЫ, ЧИНОВНИКИ, УЧРЕЖДЕНИЯ

Монография

Редактор	<i>Е. В. Панькина</i>
Компьютерная верстка	<i>С. Ф. Обрядова</i>
Компьютерный дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать электрографическая	<i>А. В. Башкиров</i>
Печать офсетная	<i>В. В. Торопов, С. Г. Наумов</i>

Подписано в печать 29.12.2018. Тираж 500 экз.
Объем 13,95 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 1098.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 59-74-68, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru